

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Е. Н. Бакланова

КРЕСТЬЯНСКИЙ
ДВОР
И ОБЩИНА
НА РУССКОМ
СЕВЕРЕ

Конец XVII—начало XVIII в.

K1158688

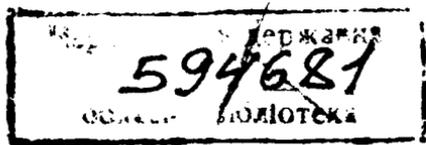
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

В центре внимания монографии находится крестьянский двор как низовая хозяйственная единица и его связи с феодальной вотчиной и общиной. В работе исследуются обеспеченность двора работниками, землей, скотом и инвентарем, степень феодальной эксплуатации и последствия ее усиления, структура крестьянской общины и поземельные права двора.

Ответственный редактор

В. А. АЛЕКСАНДРОВ

ВВЕДЕНИЕ

Основные закономерности экономических процессов и социальных отношений в позднефеодальной деревне выявляются при изучении не только вотчинного, но и крестьянского хозяйства.

В современной исторической литературе имеются фундаментальные работы, в которых крупные экономические комплексы XVII—XVIII вв. — вотчины светские, монастырские, дворцовые — рассмотрены как единый хозяйственный организм, где крестьяне составляют необходимую и обязательную его часть¹. Авторы этих работ стремились показать феодальную вотчину в условиях развития товарно-денежных отношений и формирующегося всероссийского рынка. Наибольшее внимание в них уделяется степени развития вотчинного хозяйства и его связи с рынком, выяснению видов феодальной ренты и ее эволюции, объему повинностей и степени эксплуатации крестьян. Собственно крестьянское хозяйство в этих работах занимает подчиненное место.

Имеется также ряд работ, главным образом статей, посвященных крестьянскому хозяйству². В них с разной степенью полноты рассматривается имущественное состояние крестьянских хозяйств,

¹ *Новосельский А. А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М., 1929; *Заозерский А. И.* Царская вотчина в XVII в. М., 1937; *Щенегов К. Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885). М., 1947; *Прокофьева Л. С.* Вотчинное хозяйство в XVII в. По материалам Спасо-Прилудского монастыря. М.—Л., 1959; *Индова Е. И.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964; *Сахаров А. Н.* Русская деревня в XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966; *Петрикеев Д. И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова. Л., 1967; *Тихонов Ю. А.* Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974; *Заозерская Е. И.* Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII в.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. IV. М., 1960; *Алефиренко П. К.* Крупное вотчинное хозяйство графа М. Г. Головкина в России первой половины XVIII в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.» М., 1961.

² *Разгон А. М.* Сельское хозяйство крестьян Ивановской вотчины Шереметевых во второй половине XVIII в.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. III. М., 1959; *Алефиренко П. К.* Крестьянское хозяйство во владениях графа М. Г. Головкина

причем особое внимание уделяется имущественному неравенству, обеспеченность крестьян паделльной землей и скотом, а также средняя населенность двора. Значительное место в этих работах занимают объем и состав крестьянских повинностей, преимущественно вотчинных. При исследовании крестьянского хозяйства выработался, как видим, круг вопросов, ставших как бы обязательными при раскрытии этой темы, а также определенный подход, заключающийся в увязывании проблем вотчинного и крестьянского хозяйства.

В настоящей работе сделана попытка рассмотреть хозяйство отдельного крестьянского двора как низовой единицы феодальной вотчины, труд которой являлся основой для развития производительных сил владения. Такой подход к крестьянскому хозяйству как к низовой ячейке феодального общества поможет полнее выявить его возможности и определить его место в системе социальных и аграрных отношений позднефеодальной России.

Для решения основной задачи необходимо рассмотреть несколько самостоятельных вопросов. Во-первых, оценить крестьянский двор с точки зрения его рабочих возможностей, которые включают обеспеченность работниками, землей, скотом и инвентарем. Во-вторых, показать производственные связи двора с феодальной вотчиной, а именно: виды и размеры ренты, выплачиваемой крестьянским хозяйством, изменения ее размеров на протяжении изучаемого времени и последствия этих изменений. В-третьих, проследить связь двора с сельской общиной и установить его поземельные права как члена общины.

Естественно, что при этом придется касаться некоторых сторон вотчинного хозяйства, однако его характеристика не является предметом настоящего исследования.

Л. В. Черепнин отметил, что расхождения в оценке противоречивых явлений социально-экономического развития XVII—XVIII вв. объясняются недостаточной изученностью конкретного

в 40—50-х годах XVIII в.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. V. М., 1962; *Швецова Е. А.* Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х годах XVII в. (по писцовым и оброчным книгам и книге переписи в гумнах хлеба).— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.» Минск, 1964; *Осьминский Т. И.* Бюджет крестьян Пошехонской вотчины П. М. Вестужева-Рюмина (1731 год).— В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968; *Огризко З. А.* Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. (Особые формы крепостной зависимости). М., 1968; *Тихонов Ю. А.* Крестьянское хозяйство Центральной России первой четверти XVIII в. (По материалам подворного описания имения П. П. Шафирова в Жерловской волости Каширского уезда в 1716 г.).— «История СССР», 1971, № 4; *Дорошенко А. П., Лохтева Г. Н.* К вопросу об экономической и социальной структуре крестьянских хозяйств Антоницево-Сийского монастыря в середине XVIII в.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений XI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Одесса, ноябрь 1969 г.). М., 1969.

материала и неоднородностью экономики на территории России, требующей порайонного исследования³.

В этом смысле предлагаемая работа должна в известной мере заполнить один из пробелов в изучении региональной экономики позднефеодальной России.

Территориальный объект изучения — Вологодский уезд⁴ — самый северный среди районов, где были распространены помещико-вотчинные владения. С одной стороны он примыкал к районам крепостнического хозяйства нечерноземных областей Центральной России, например Ярославской и Костромской, с другой стороны непосредственно граничил с черносошными районами Поморья: Тотьмой, Верховажьем, Каргополом, Чарондой. Высокоразвитые в экономическом отношении области Поморья в исторической науке полно и всесторонне исследованы⁵. Вологодский уезд времени позднего феодализма, занимавший промежуточное и связующее положение между Поморьем и Центром, оказался почти неисследованным. Между тем само местонахождение Вологодского уезда на периферии как Замосковья, так и Поморья могло способствовать синтезу там специфических черт, присущих хозяйству двух названных регионов, и определить историческое своеобразие края. Основные вопросы исследования наиболее полно раскрываются на материале крупных вотчинных комплексов, каковыми были в уезде Вологодский архиерейский дом и Спасо-Прилуцкий монастырь.

³ Черепнин Л. В. 50 лет советской исторической науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России. — «История СССР», 1967, № 6, с. 93.

⁴ Вологодский уезд взят в административных границах начала XVIII в. Позже эта территория составляла три уезда Вологодской губернии: Вологодский, Кадниковский и Грязовецкий (Засецкий А. Исторические и топографические известия по древности о России и частью о городе Вологде и его уезде, собранные Алексеем Засецким. М., 1780, с. 93—95). Поволостное административно-территориальное деление уезда в последней четверти XVII — начале XVIII в. дает Я. Е. Водарский в статье «Сельское население Вологодского уезда во второй половине XVII в.» (Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968). Географическую привязку волостей и населенных пунктов к ним см. в его же статье «Вологодский уезд в XVII в. (К истории сельских поселений)» (Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970).

⁵ Устюгов И. В. Работные люди на Сухово-Двинском водном пути в первой половине XVII в. — «Исторические записки», 1940, т. 6; он же. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве. — Там же, 1950, т. 34; он же. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М., 1960; Колесников П. А. Организация нижнесухонских носников в XVII в. — В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961; он же. Из истории крестьянства и ремесленников Европейского Севера в XVI—XVIII вв. — «Ученые записки Вологодского государственного педагогического института», 1967, т. 35.

Хронологические рамки исследования — последняя четверть XVII в. — первая четверть XVIII в. — охватывают эпоху петровских преобразований внутри страны и активной внешней политики⁶, а также предшествующее ей время. Этот период характеризовался серьезными социально-экономическими изменениями, затронувшими и феодальную вотчину. В ней продолжалось расширение сельскохозяйственного производства, обусловленное развитием товарно-денежных отношений в стране и мобилизацией экономических ресурсов в связи с Северной войной. Существенное влияние на его состояние оказывали массовые наборы в армию и на строительство Петербурга. Активизация вотчинной экономики воздействовала на крестьянское хозяйство, бывшее, по выражению В. И. Ленина, средством обеспечения феодала рабочими руками⁷.

В труде о развитии капитализма в России В. И. Ленин при характеристике типов крестьянских хозяйств уделял особое внимание крестьянской семье. Показывая распределение посевов у разных хозяйственных групп, он учитывал состав семьи и ее рабочую норму⁸. В. И. Ленин подчеркивал при этом значение семейных работников, отмечая два важных фактора: 1) взаимозависимость между составом семьи и числом работников в ней и 2) прямую зависимость степени зажиточности от числа семейных работников⁹. «...Состоятельные дворы, — писал В. И. Ленин, — отличаются более высоким семейным составом, имеют больше своих, семейных, работников, чем дворы неимущие»¹⁰. В XVII—XVIII вв. роль рабочих рук в крестьянском хозяйстве была не менее велика, чем в XIX в., и поэтому для исследуемого времени важно проанализировать семейный состав крестьянских дворов и определить обеспеченность крестьянского хозяйства работниками.

Для точного и разностороннего представления о хозяйстве крестьянского двора недостаточно знать средние показатели, в том числе и на душу населения, так как дворы с разным семейным составом экономически не были равны. В. И. Ленин предупреждал, что «было бы неправильно брать за единицу для всех сопоставлений не двор, семью, а 1 душу населения...»¹¹. Он предостерегал также от уравнивания положения «души» в большой и малой семье¹². Это указание В. И. Ленина особенно важно для исследуемого времени потому, что расчеты на душу, в част-

⁶ *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974; *Никифоров Л. А.* Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

⁷ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 184.

⁸ См. там же, с. 62, 63.

⁹ См. там же, с. 84, 99, 127, 136.

¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 107; см. также с. 83.

¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 127.

¹² См. там же.

пости, при уравнительном землепользовании, скрывают существенное неравенство зажиточного и малосостоятельного дворов. Поэтому в настоящей работе даются, по возможности, конкретные, а не средние показатели по каждому двору.

Исследуемый материал сведен в таблицы. При их составлении там, где это было возможно, данные сгруппированы не по одному, а по нескольким признакам. Для получения наиболее верного однозначного результата (например, преобладающего типа семьи) было составлено несколько разных таблиц с различными основами группировки. Это позволило рассмотреть одно и то же явление с разных сторон. При этом методическим указанием служили высказывания В. И. Ленина о принципах группировки крестьянских дворов, обоснованные им в труде «Развитие капитализма в России»¹³.

Классификация семей по видам родства и типам была осуществлена в соответствии с конспектом К. Маркса книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»¹⁴ и с учетом методики, утвердившейся в современной отечественной этнографии.

Литература, относящаяся непосредственно к теме и району исследования, очень невелика. В дореволюционное время вышли небольшая работа П. И. Савваитова, посвященная Спасо-Прилуцкому монастырю, и книга И. К. Степановского «Вологодская старина»¹⁵. Авторы обеих работ совершенно не касаются хозяйственной деятельности монастырей.

В советской исторической науке вотчинное хозяйство Спасо-Прилуцкого монастыря стало предметом изучения в монографии Л. С. Прокофьевой¹⁶, где автор прослеживает направление развития хозяйства монастыря на протяжении всего XVII в. Прокофьева установила увеличение размеров монастырской пашни и количества поступавшего с нее хлеба, вызванное перестройкой всего хозяйства в условиях развития товарно-денежных отношений; показала вытеснение хлебного оброка отработочной повинностью и сокращение размера крестьянских наделов в связи с усилением эксплуатации. В работе дана также общая характеристика зависимого населения.

Специально крестьянам Спасо-Прилуцкого монастыря посвящены две статьи И. А. Булыгина, проблемно и хронологически

¹³ См. там же, с. 93—94, 96.

¹⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. IX. М., 1941.

¹⁵ *Савваитов П. И.* Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда, 1884. (Дополнена и переиздана в 1914 г. Н. И. Суворовым. Это — небольшой очерк по истории возникновения монастыря, характеризующий его только как церковную обитель.) *Степановский И. К.* Вологодская старина. Вологда, 1890. (Работа содержит сведения о истории возникновения и современном автору состоянии, местоположении, времени существования, достопримечательностях монастырей и церковью Вологодской губернии и ее уездов.)

¹⁶ *Прокофьева Л. С.* Вотчинное хозяйство в XVII в. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.—Л., 1959.

продолжающие одна другую¹⁷. В них автор рассматривает состав владений монастыря в 1701—1765 гг., податного населения, динамику его численности, крестьянские повинности, их соотношение и изменение. Для настоящей работы важно сделанное Булыгиным определение средней тяжести феодальных повинностей, падающих на крестьянский двор.

Имеются также статьи З. А. Огризко о крестьянах Спасо-Прилуцкого монастыря¹⁸. Одна из них рассматривает определенную категорию вотчинного населения — монастырских слуг, являвшихся представителями нижнего звена монастырской администрации. Доходы и содержание слуг оплачивались крестьянами, и в этой связи в статье приводятся данные о размерах поборов с них. В другой статье прослежены внеземледельческие занятия крестьян подмонастырского села и установлен его промысловый облик. В третьей — рассмотрен конкретный случай крестьянского найма в одном из сел монастыря (Ивановском).

Если хозяйство Спасо-Прилуцкого монастыря исследовано в литературе, то вотчинное, а тем более крестьянское хозяйство Вологодского архиерейского дома до сих пор не было еще предметом специального исследования.

Отсутствие работ по другим феодальным комплексам изучаемого района конца XVII — начала XVIII в. затрудняет определение степени характерности наблюдаемых явлений. Поэтому по ряду вопросов, например, таких, как структура семьи, размер надела и др., были использованы для сравнения работы по областям чернососного Севера. Это возможно, так как почвенные и климатические условия, расселение по поймам рек, культура земледелия обоих районов достаточно сходны между собой. Эти факторы, как известно, играли не последнюю роль в крестьянской жизни. Так, Г. Е. Кочин отмечал, что «по состоянию хозяйства, по производственному облику хозяйств крестьяне черных волостей ничем особым от владельческих крестьян не отличались»¹⁹. Н. Л. Рубинштейн показал, что экономическая характеристика

¹⁷ Булыгин И. А. Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в конце XVII — начале XVIII в. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968; *он же*. Крестьяне Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в первой половине XVIII в. — В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.

¹⁸ Огризко З. А. Слуги Спасо-Прилуцкого монастыря XVI—XVII веков. — В кн.: Из истории крестьянства XVI—XIX веков («Труды Государственного исторического музея», вып. XXVII. М., 1955); *она же*. Промысловое монастырское село в конце XVII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.» М., 1961; *она же*. Тяжба работника и хозяина в конце XVII в. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961.

¹⁹ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М. — Л., 1965, с. 374.

хозяйств крестьян разных категорий определяется их принадлежностью к одному экономическому району с присущим ему профилем²⁰. В исследуемое время как раз и оформлялась специализация Северного района.

Источниковедческой базой для настоящей работы послужили главным образом неопубликованные документальные материалы, хранящиеся в архивах Москвы²¹, Ленинграда²² и Вологды²³. Используемые источники подразделяются на две группы: 1) различного рода переписи и 2) актовый материал. Среди переписей в свою очередь выделяются: а) государственные переписи населения 1678 и 1717 гг.; б) переписи вотчинного хозяйства как государственные (перепись стольника В. И. Кошелева 1702—1703 гг.; отписные книги 1704—1706 гг. и 1723 г.), так и внутривотчинные (приходо-расходные, умотные, крупяные книги монастырских житников 1675, 1684 и 1693 гг.). Второй вид источников — актовый материал — представлен в основном крестьянскими челобитными, адресованными архимандриту Спасо-Прилуцкого монастыря или вологодскому и белозерскому архиепископу, а также мирскими приходо-расходными книгами, приговорами и записями. Этот материал позволяет охарактеризовать крестьянское землепользование и обращение земли. В отличие от разного рода переписей, дающих более или менее массовые сведения, актовые источники содержат факты, рисующие взаимоотношения между крестьянами в конкретных жизненных ситуациях. Таким образом, привлеченные для исследования источники взаимно дополняют и конкретизируют друг друга.

Выражаю свою искреннюю признательность коллегам по Сектору истории СССР периода феодализма Института истории СССР за критические замечания и дружескую поддержку, а также всем товарищам и друзьям, помогшим автору советами. Приношу глубокую благодарность сотрудникам архивов, и в особенности работникам ЦГАДА, за их внимание и любезную помощь.

²⁰ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, с. 206—207.

²¹ ЦГАДА, ф. 350, Ландратские книги и ревизские сказки; ф. 1209, Поместный приказ; ф. 196, Собрание Ф. Ф. Мазурина; ГИМ, ОПИ, ф. 61, Спасо-Прилуцкий монастырь; ф. 226, История церкви и духовенства; ГБЛ, ф. 354, Вологодское собрание; ф. 178, 623, Музейное собрание; ф. 287, Спасо-Прилуцкий монастырь.

²² ЛОИИ СССР, ф. 271, Спасо-Прилуцкий монастырь; ф. 34, Колл. П. И. Савваитова.

²³ ГАВО, ф. 496, Вологодская духовная консистория; ф. 512, Спасо-Прилуцкий монастырь; ф. 883, Колл. И. Н. Суворова.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР И ЕГО РАБОЧИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

1. Демографическая характеристика района

Одной из задач исторической демографии является воссоздание демографической ситуации на какой-то определенный исторический период, в определенном географическом районе¹.

В последние два десятилетия появился ряд историко-демографических работ о России², в которых численность, динамика движения населения занимают ведущее место. Эти исследования были осуществлены прежде всего на материалах переписей населения XVII—XIX вв.

Переписные книги XVII в. появились как результат общих подворных переписей тяглого населения России. В сочетании с другим архивным материалом исследователи привлекали их при написании работ по экономике отдельных районов России, истории крестьянства и государственного тягла³. Основной аспект, в котором рассматривались переписные книги в такого рода работах,— это эволюция системы податного обложения⁴. Очевидно, именно в связи с таким подходом переписные книги изучались не самостоятельно, а почти всегда параллельно с писцовыми. Сравнивая и оценивая их содержание, форму и порядок расположения материала в них, все исследователи отмечают, что форма описа-

¹ *Козлов В. И.* Динамика численности пародов. М., 1969, с. 7.

² *Копанев А. И.* Население русского государства в XVI в.— «Исторические записки», 1959, т. 64; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. 1811—1913 гг. М., 1963; *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI—начало XX в.). М., 1973; а также разделы в работах: *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941; *Валенгей Д. И.* Проблемы народонаселения. М., 1961.

³ Очерки истории исторической науки в СССР, т. III. М., 1963, с. 331—337.

⁴ *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; *Милюков П. П.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892; *он же.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посонного обложения Московского государства, т. I—II. М., 1915—1916; *Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII в. М., 1937; *Ключевский В. О.* Курс русской истории, ч. 3.— Соч., т. III. М., 1957.

ния по волостям, владениям, населенным пунктам как в тех, так и в других книгах одинакова, в то время как содержание их различно. В писцовых книгах описывались, по выражению В. О. Ключевского, «земли, угодья, промыслы — хозяйственные средства, по которым население облагалось податью, а в переписных — рабочие силы, которые платили подати, тяглые двory и их обитатели»⁵. А. С. Лаппо-Данилевский отмечал, кроме того, что «в писцовых книгах перечисляется тяглое и не тяглое население; в переписных — одно тяглое. В писцовых книгах двory не только перечислены, но и измерены, в переписных — они только сосчитаны»⁶.

Иная точка зрения на переписи высказана С. Б. Веселовским. Но его мнению, подворные переписи XVII в. не были прямым и непосредственным продолжением описания земель и не преследовали (первая 1646 г. — определенно!) финансовых целей. Они «являлись не вполне последовательной мерой проверки и закрепления тягловой крепости»⁷.

Превалирующее назначение переписей 1646 и 1678 гг. в прикреплении и закреплении тяглецов посада и уезда сжато сформулировано С. Б. Веселовским и в более поздней работе⁸.

Наиболее выпукло эта точка зрения отражена А. Г. Маньковым. Он видит в переписях «юридическое основание окончательного закрепощения крестьян за землевладельцами-феодалами». Сам состав переписных книг, учет ими беглого населения отвечали, по его мнению, основной задаче закрепощения — сыску беглых крестьян. Связь книг с Уложением 1649 г. появилась значительно раньше, чем они стали основанием для сбора палогов⁹.

Еще одним аспектом, в котором рассматриваются переписные книги, является история народонаселения. В. М. Кабузан, исследуя численность населения России по материалам всех десяти ревизий, разбирает и непосредственно предшествующие им переписи, оценивая их как статистический источник. Он отмечает полноту сообщаемых ими сведений о категориях населения, в них включенных¹⁰.

Поуездная численность населения и его движение, в том числе на Европейском Севере, в период позднего феодализма являются предметом обстоятельного изучения в статьях Я. Е. Водарского¹¹.

⁵ Ключевский В. О. Соч., т. III, с. 228.

⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 186.

⁷ Веселовский С. Б. Указ. соч., т. II, с. 229—231.

⁸ Веселовский С. Б. Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. — «Исторический архив», 1951, т. VII, с. 303.

⁹ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962, с. 185—186.

¹⁰ Кабузан В. М. Указ. соч.

¹¹ Водарский Я. Е. Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. (по писцовым и переписным книгам). — «Ежегод-

Его статьи целиком основаны на материале переписных книг XVII в. как статистическом источнике. Анализируя переписи населения 1646 и 1678 гг., Водарский оценивает достоверность их поездных итоговых данных. Он уточняет цифровые итоги путем сравнения их с источниками начала XVIII в. Автору удается выявить, насколько значительны ошибки переписчиков и как велик процент населения, избежавшего переписи. Установив, что подсчет населения в переписных книгах сделан приблизительно правильно, и определив меру приближенности, Водарский считает, что «при выяснении численности, состава и размещения населения крупных районов и всей страны в целом отпадает необходимость проверять подсчеты писцов»¹². В статьях о сельском населении Вологодского уезда автор не только определяет общую численность его во второй половине XVII в., но и состав и размещение, а также количество зависимого населения за разными категориями владельцев: духовенством, помещиками, вотчинниками. Большое внимание Водарский уделяет и выяснению административно-территориального деления уезда, определяя границы и состав волостей, их заселенность (число селений, дворов и душ мужского пола). Публикуя список селений Вологодского уезда на 1678 г., он выделяет селения, возникшие после подворной переписи 1646 г., дав тем самым возможность судить об интенсивности прироста поселений в уезде.

Все перечисленные выше работы касаются главным образом подворных переписей XVII в. В демографических исследованиях в ряду подворных переписей называются, как правило, переписи 1646, 1678 и 1710 гг. Еще одна всеобщая подворная перепись 1717 г., непосредственно предшествовавшая первой ревизии 1719 г., не привлекла должного внимания демографов¹³. Проведенные в 1710 и 1717 гг. «ландратские» переписи стали изучаться сравнительно недавно историками.

На материалах писцовых и переписных книг, в том числе за 1710 и 1717 гг., написаны статьи П. А. Колесникова, посвященные миграционным процессам на русском поморском Севере. В них

ник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г.» Кишинев, 1966; *он же*. К вопросу о достоверности итогов переписных книг XVII в.— «История СССР», 1969, № 2; *он же*. О достоверности поездных итогов переписи сельского населения 1678 г. в сводных источниках начала XVIII в.— «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969; *он же*. Сельское население Вологодского уезда во второй половине XVII в.— В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968; *он же*. Вологодский уезд в XVII в. (К истории сельских поселений).— В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.

¹² Водарский Я. Е. К вопросу о достоверности...— «История СССР», 1969, № 2, с. 143.

¹³ Воблый В. К., Пустозод П. И. Переписи населения. Их история и организация. М.—Л., 1940, с. 70—71; Урланис Б. Ц. Указ. соч., с. 180, 182; Валентей Д. И. Указ. соч., с. 42, 46; Курс демографии. М., 1967, с. 62; Козлов В. И. Указ. соч., с. 73.

автор показывает причины и размеры оттока населения по уездам, а также направления оттока, основным из которых была Сибирь, куда уходило тем больше населения, чем восточнее был уезд¹⁴.

Остановимся более подробно на ландратской переписи 1717 г., сопоставляя ее с переписью 1678 г. и сосредоточив наибольшее внимание на дворе и его жителях. Книги ландратской переписи, так же как и переписи 1678 г.¹⁵, рукописные, подлинные, о чем говорят записи рукоприкладства в них, снабжены оглавлением. Материал в книгах обоих лет организован по одному принципу, но в 1717 г. он расположен и оформлен более четко. Так, в переписи 1678 г. название каждой волости встречается только один раз, в заголовке перед новой записью, а в 1717 г. оно повторяется, кроме того, вверху каждого листа. Описания отдельных владений в книгах 1678 г. отделены друг от друга интервалами, по далее записи по всем деревням одного владения сделаны подряд, в строку. В 1717 г. переписчики отделили интервалами не только владения, но и деревни, и дворы, а волости даже — «порожними» страницами.

Форма записи в переписях как 1678 г., так и 1717 г. одинакова и выглядит следующим образом: а) названа волость; б) указано имя владельца: «За стольником за Федором Савиным сыном Нарбековым...», «За жильцом Федором Григорьевым сыном Ханьковым...»¹⁶; в) охарактеризовано владение: сельцо с деревнями, половина сельца, деревня и даны их названия; г) перечислено население двора вотчинника; д) перечислено население крестьянских и бобыльских дворов по каждой деревне отдельно; е) перечислены пустые дворы (а в переписи 1717 г. также и дворовые места); ж) даны итоги: «Всего за ним ... двор вотчинников, ... дворов крестьянских ..., людей в них ...».

Переписные книги представляют собой кадастр, объектом учета которого был тяглый двор. Различные категории тяглого населения зафиксированы в них на определенный момент времени. В силу этой специфики переписные книги позволяют судить о населении двора, давая представление о формах и структуре крестьянской семьи, но в статичном состоянии. Проследить исследуемые семьи в динамике, уловить характер идущих в них процессов, выяснить изменения, происходившие в дворово-семейном составе, возможно при сопоставлении книг разных лет, в данном случае 1678 и 1717 гг.

Подворный характер переписей уже предполагает, что в них фиксировались жители каждого двора в отдельности, чаще всего

¹⁴ Колесников П. А. Писцовые и переписные книги как источник для изучения миграции поморского населения в XVI — начале XVIII в. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. I. Вологда, 1970; *оп. же.* Миграция северного крестьянства в XVI — начале XVIII в. — Там же.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 1209, д. 14733, 14734, 14735, 14738; ф. 350, д. 556, 557, 559.

¹⁶ Там же, ф. 1209, д. 14735, лл. 113 об., 12 об.

семья, что позволяет видеть конкретный состав каждой семьи. Переписчики обоих лет начинают запись с указания главы двора, а затем перечисляют в определенном порядке всех остальных его жителей: сыновей главы двора, затем братьев, племянников и других родственников, также со своими сыновьями, и, наконец, свойственников и неродственников — пасынков, подворников и т. п. Существенно, что переписчики, как правило, обозначают родство или свойство всех живущих во дворе по отношению к его главе.

Книги 1678 г. учитывают, к сожалению, только мужское население крестьянских дворов, не фиксируя женское. Исключение составляют вдовы — главы двора, несшие тягло. Все взрослое население, в том числе и главы дворов, записаны в книги без указания возраста. Молодое население, до 20 лет включительно, имеет возрастной показатель, что дает возможность более или менее точно судить о числе работоспособных в каждом дворе.

Книги 1717 г. выгодно отличаются от книг 1678 г. тем, что в них перечислено не только мужское, но и женское население. При этом очень четко отделены друг от друга и сами дворы. Характерно, что возрастной показатель, сопровождавший ранее только молодое население, к 1717 г. становится уже обязательным для всех возрастов. Последнее обстоятельство важно при определении процента работоспособного населения. Однако в некоторых случаях возрастной показатель не является абсолютно верным. Книги, как известно, составлялись на основе сказок крестьян, которые не всегда точно указывали возраст. Этот факт не может принципиально повлиять на распределение населения по возрастным группам, так как десятилетний период, взятый за основу при группировке, покрывает встречающиеся ошибки. Переписчики не ограничиваются только указанием возраста. Они сопровождают краткими характеристиками многих обитателей дворов — отмечают людей нетрудоспособных, указывая на их физические недостатки: «слеп», «глух», «скорбен», фиксируют лиц брачного возраста, еще не вступивших в брак: сын «холост», дочь — «девка», отмечают бездетные пары.

Перепись 1717 г. обладает еще одной, очень ценной особенностью — в ней имеются сооставления с предыдущей переписью 1710 г. Почти по каждому двору указывается, кто из членов семьи умер, взят в солдаты или на строительство Петербурга, бежал или «скитается в мире от хлебной скудости». Кроме того, в приписках отмечено, кто из дочерей или сестер выдан замуж и куда, в другую ли деревню того же владения или в иное владение. В приписках также есть отметки, почему тот или иной крестьянин не был записан в книгу во время переписи 1710 г. Например: «А в книгах 1710 году вышеписанной Степан Яковлев не записан, и он в то число и з женою, и з сыном был в бегах...»¹⁷.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 350, д. 556, л. 590 об.

Или: «А Иванов зять Елизар не написан, для того что в то время был в работниках в Санкт Петербурхе»¹⁸. Благодаря этим припискам можно не только уяснить состав семей, но и проследить, какие изменения и под влиянием каких факторов в них происходили.

Если книги 1717 г. отразили конкретную семью не только с мужскими, но и с женскими родственными линиями, то в переписи 1678 г. не осложненная женским родством четко выступает поколенная (деды — отцы — внуки) организация семьи — мужская нисходящая.

Таким образом, материал переписных книг 1678 и 1717 гг. убеждает в том, что этот вид источников для конца XVII — начала XVIII в. является одним из основных при выяснении структуры и численности крестьянской семьи. Он также позволяет выявить работоспособных жителей двора и дать демографическую характеристику населения.

Рассмотрим теперь один из конкретных демографических вопросов — состав крестьянского населения западной части Вологодского уезда — Кубенской трети¹⁹ по полу и возрасту.

Население Кубенской трети составляли крестьяне духовных и светских феодалов. Здесь были компактно расположенные владения таких крупных монастырей, как Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева, и монастырей средних, местных — Спасо-Прилуцкого, Спасо-Каменного, Корнильево-Комельского, Сямского. Наряду с архиепископом вологодским и белозерским, в этом районе имел вотчины архиепископ ростовский и ярославский. Светские владения Кубенской трети, так же как и Вологодского уезда в целом, — небольшие по размерам и сильно раздробленные. Земли и дворы помещиков были разбросаны по многим волостям уезда, и одна деревня нередко была в собственности нескольких владельцев (иногда до 11), имевших по одному, двум дворам каждый²⁰.

На момент переписи 1717 г. по Кубенской трети насчитывалось крепостного населения 12 582 человека обоого пола, или 26,2% от всего (48 026 чел.) населения первой доли Вологодского уезда, из которых было мужчин 7154, женщины — 5428²¹.

¹⁸ Там же, л. 578 об.

¹⁹ В Кубенскую треть входили шесть волостей: Ракулская, Кубенская, Сямская, Воздвиженская, Перебатинская и Верховологодская.

²⁰ ЦГАДА, ф. 350, д. 566, л. 385—385 об.

²¹ Там же, лл. 1377 об. — 1378 об.; д. 82, л. 687. При работе над материалами ландратских книг следует учитывать, что перепись охватила не все население. Около 25% его уклонилось при ее проведении. Однако 75-процентный охват материала позволяет выявить основные тенденции движения населения. С 1713 г. все губернии были поделены на доли — округа, число которых зависело от размеров губернии; в каждую долю входило 5536 дворов; в Архангелогородской губернии было 18,5 долей (Милюков П. И. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, с. 228). Кубенская треть входила в первую долю Вологодского уезда.

В 1678 г. здесь числилось 15 511 человек, в 1710 г.— 8506 человек мужского пола. Женщин в 1710 г. было 7421. К 1710 г. убыло 45,2%, а к 1717 г.— 54,6% мужского населения, т. е. число мужчин в Кубенской трети с 1678 по 1717 г. сократилось больше чем наполовину. Число женщин только с 1710 по 1717 г. сократилось на 27%.

Распределение дворов за духовными и светскими феодалами показывает табл. 1²². Из нее видно, что население монастырских владений с 1678 по 1717 г. уменьшилось на 495 дворов, или на

Таблица 1

Численность и населенность дворов духовных и светских владельцев

Крестьяне	Год переписи	Число дворов	Человек м.п.	В среднем на двор
Монастырские	1678	955	2999	3,1
	1717	460	1396	3,0
Помещичьи	1678	2685	8736	3,2
	1717	1134	4271	3,8

52%, и на 1603 человека м. п., или на 53,5%. Число помещичьих крестьян сократилось на 1551 двор, или 57,7% и на 4465 человек м. п., или на 51%. Показательно, что по монастырским вотчинам число дворов и число мужского населения в процентном отношении сократилось примерно одинаково, а по помещичьим владениям число дворов уменьшилось несколько больше (на 6,7%), чем количество населения в них.

У монастырских крестьян по переписям 1678 и 1717 гг. численность двора практически не изменилась. У помещичьих — увеличилась с 3 до 4 человек м. п.²³ Укрупнение дворов в конце XVII в. — явление, уже отмеченное в литературе. Его связывают с введением в 1679 г. подворного обложения и стремлением феодалов уменьшить бремя государственных налогов путем запрещения разделов и сведения нескольких дворов в один. Я. Е. Водарский, признавая беспорность этого факта, пришел к заключению о том, что не следует преувеличивать указания источников на объединение нескольких хозяйств в один двор²⁴.

²² ЦГАДА, ф. 350, д. 566, лл. 228 об.— 230, 895—896 об., 1143—1144 об.

²³ Это обстоятельство связано с более сложным составом семей у помещичьих крестьян (см. § 2 главы I).

²⁴ Водарский Я. Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI—XVII вв.— В кн.: Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974, с. 123 (ротанпринт).

Полагаем, что объяснение повышения населенности в нем нужно искать внутри вотчины в производственной связи крестьянского и владельческого хозяйства. В течение XVII в. в поместьях Центральной России постепенно увеличивался размер феодальной ренты — отработочной и денежной, приходящийся на крестьянский двор, что обстоятельно показал Ю. А. Тихонов²⁵. Рост барщинных повинностей, означавший для крестьянина большую занятость и привязанность (как по времени, так и по обрабатываемой площади барского поля) к вотчинному хозяйству, конечно, влиял на населенность двора. Нежелание производить семейно-хозяйственные разделы могло быть обоюдосторонним. Феодалы препятствовали им, так как нуждались в платежеспособном крестьянском хозяйстве, крестьяне не стремились к ним, чтобы облегчить отбывание феодального тягла. Увеличение и усложнение семейной ячейки во дворе вело к выделу части такого коллектива в особое жилище, или в дополнительно прирубленное к избе помещение, или в другую избу, поставленную рядом с уже существовавшей. Отсюда встречающиеся в источниках, и в частности в переписях 1678 и 1717 гг., указания типа: «па том дворе две избы» или «па том дворе в другой избе ...». Они свидетельствуют не о разделе крестьянского двора — хозяйства, а об «отделе» внутри него части семейного коллектива.

Светские владения, как уже упоминалось, были преимущественно мелкопоместными. Так, в самом конце XVII в. 86% владельцев имели до 100 душ м. п., из них 32% — до 20 душ²⁶. В 70-х годах XVIII в. 82% владельцев имели до 60 душ крестьян, а 32,6% из них — до 10 душ²⁷. С. Б. Веселовский отмечал, что в мелких владениях «эксплуатация крестьян отличалась большей назойливостью, фактичностью и частыми отклонениями от общих норм»²⁸.

Повышавшаяся норма феодальной ренты, режим мелкопоместного владения, усугублявший тяжесть ее отбывания, и явились причинами увеличения населенности двора у помещичьих крестьян изучаемого района.

Материал переписи 1717 г. обработан по 1064 семьям, из которых 636 семей помещичьих и 428 монастырских крестьян. Это составляет 54,8% от общего числа дворов Кубенской трети.

Посмотрим, как распределялось население исследуемых дворов по полу (см. табл. 2).

²⁵ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974.

²⁶ Водарский Я. Е. Вологодский уезд в XVII в. ... — В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, с. 266.

²⁷ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I. СПб., 1881, с. 23.

²⁸ Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, с. 39.

Распределение населения по полу

Крестьяне	Мужчин		Женщин		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Монастырские	1310	52,5	1184	47,5	2494	100
Помещичьи	2349	54,2	1996	45,8	4345	100

Из табл. 2 видно, что в обеих категориях крестьян в 1717 г. мужчины численно преобладали. У монастырских крестьян на 1000 мужчин приходилось 904 женщины, а у помещичьих — 849 женщин.

Характерно, что при 50% убыли населения в 1717 г. по сравнению с 1678 г. наблюдается менее высокий удельный вес женщин в обеих категориях крестьян (причем у помещичьих даже несколько ниже), чем можно было бы ожидать в условиях Северной войны. Возможно, что это объясняется именно военным временем — лишившись кормильца, женщины, нередко с малолетними детьми, были вынуждены идти «скитаться в мире от хлебной скудости», «кормиться христовым именем». Перепись пестрит такими фактами. В дер. Ярыгино Спасо-Прилуцкого монастыря во дворе живет Федор Ларионов 42 лет с женой Еленой Аникиной 38 лет. Переписчик указывает, что они «бездетны», и сообщает, что двоюродный брат Федора Василий Тимофеев «и с женой Степанидой Ивановой от хлебной скудости в мире безвестно в прошлом 1716 году, а племянник ево Федоров Петр Васильев сшел на сплавных судах к городу Архангельскому в прошлом 1715 году, там и живет. А жена ево Ульяна Тимофеева дочь в мире кормится христовым именем»²⁹. Или в дер. Бобырево Сямского монастыря у вдовца Луки Гурьева 70 лет в перепись 1710 г. был написан «сын Иван з женою Ульяной и з детьми с Михайлом, с Федором ... И они — Иван взят в работники в 1714 году, там умре, а жена ево скитаецца в мире, а дети — Михайло взят в салдаты в 1715 году»³⁰.

Та же самая картина наблюдается и в помещичьих владениях. В дер. Олешево, принадлежавшей помещику П. И. Чебышеву, во дворе крестьянина Ивана Пахомова в 1710 г. был «написан брат родной Киприян, он умре тому пятой год, а жена ево скитаецца в мире»³¹. Или в дер. Савинцово Большое стольника Н. Д. Бердяева у вдовца Ивана Никифорова 77 лет «внук ево Иванов Петр

²⁹ ПГАДА, ф. 350, л. 556, л. 38.

³⁰ Там же, л. 152 об.

³¹ Там же, л. 346.

Убыль населения с 1710 по 1717 г.

Причина убыли	Мужчин		Женщин		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Умерло	1797	36,0	1508	53,5	3305	42,3
В бегах	801	16,1	421	15,0	1222	15,7
Скитается в мире	435	8,7	583	20,7	1018	13,0
Взято в:						
солдаты	675	13,5	—	—	675	8,7
плотники и работники	674	13,5	—	—	674	8,7
на житье в Петербург	18	0,4	7	0,3	25	0,3
Переведено на «иные дачи»	292	5,9	—	—		
Выдано замуж	—	—	265	9,4	557	7,1
Неизвестно *	292	5,9	32	1,1	324	4,2
Итого	4984	100,0	2816	100,0	7800	100,0

* В переписной книге следующая формулировка: «да... человек, а куда они девались, про то тех волостей соцкие сказать не знают».

Михайлов, он взят в салдаты после переписи 1710 году, а племянники ево Афонасий, Егор Ларионовы дети бежали с женами и з детьми»³².

Таких примеров можно было бы привести очень много. В целом же перепись показывает, что женщины чаще, чем мужчины, уходили «в мир».

Распространение женского скитальчества не может, однако, объяснить преобладание мужского населения, так как убыль мужчин за этот же период по всем вотчинам была выше, чем женщин.

Посмотрим, как это выглядело по Кубенской трети в целом. С 1710 по 1717 г. убыло 7800 человек мужского и женского населения. Распределение его по причинам убыли показано в табл. 3³³.

Основной причиной убыли мужского населения, как видно из табл. 3, была смертность (36%), затем — мобилизация в солдаты и на работы (27,4%), и, наконец, бегство (16,1%). В убытии женского населения основной причиной также была смертность (53,5%), затем скитальчество (20,7%) и тоже бегство (15%).

Итак, было три основные причины убывания населения, причем две из них как для мужчин, так и для женщин одни и те же — это смертность и бегство; третья причина — для мужчин мо-

³² Там же, л. 560.

³³ Там же, лл. 1378 об. — 1379 об.

билизация, а для жепщин — скитальчество, безусловно, связашы между собой. Эта последняя причина вырывала большой процент населения, но не одинаковой. При высокой цифре женского скитальчества их по этой причине убывало все-таки меньше, чем мужчин, вырываемых из деревни мобилизациями. В целом на 1000 выбывших мужчин приходилось 564 женщины. Превосходящая убыль мужского населения по сравнению с женским заставляет предполагать высокий удельный вес женского населения. Однако такое предположение ошибочно. Без специального анализа трудно говорить о причинах этого явления, тем не менее наши материалы дают возможность сделать некоторые наблюдения. Забегая несколько вперед, сопоставим таблицы поло-возрастного состава (№ 4 и 6) с таблицей убыли населения (№ 3). Из этого сопоставления видно, что в детском возрасте смертность среди девочек была больше, чем среди мальчиков. К 16-летнему возрасту наблюдается явное преобладание числа мальчиков. Затем картина меняется: в возрастной группе от 16 до 50 лет женщин становится заметно больше. И, наконец, в третьей возрастной группе — от 50 лет и старше, вновь видно явное преобладание мужского населения. Что же происходит? Правомерно предположить, что в нашем случае на ходе естественного движения населения явно отразились общегосударственные мероприятия, в первую очередь Северная война и строительство новой столицы. Совершенно четко видно, что вырвано мужское население самого работоспособного возраста, из-за чего в этой возрастной группе преобладают женщины. Однако быстрая изнашиваемость женского организма в условиях феодальной России вообще, и в условиях войны тем более, приводила к высокой смертности после 50 лет. Именно этим, очевидно, и объясняется преобладание мужского населения по общим показателям: оно возникает за счет мальчиков и стариков.

На итоговые показатели о численности женского и мужского населения могли влиять и обстоятельства приводящие, как-то: менее точный учет переписями женского населения вообще и, наоборот, более обстоятельные сведения о мужском населении (в частности, и об убывшем), в котором правительство было больше заинтересовано, чем в женском. В связи со всем вышесказанным посмотрим, как выглядел поло-возрастной состав населения исследуемых дворов (см. табл. 4).

Как показывает табл. 4, в обеих категориях крестьян почти половину — около 44% — составляло молодое население в возрасте до 20 лет. В этой связи интересно посмотреть, сколько детей до 15 лет включительно приходилось на крестьянскую семью (см. табл. 5).

В обеих категориях крестьян, как видим, число детей редко превышало шесть человек. Естественно, что встречались семьи и с большим числом детей — от семи до 11-ти, но таких было совсем немного — около 2%. Наиболее же характерны семьи, имеющие одного — трех детей: у монастырских крестьян — их 71,8%, а

Таблица 4

Поло-возрастной состав населения по переписи 1717 г.

Возрастная группа, в годах	Монастырские крестьяне					
	мужчин		женщин		всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
0—10	332	25,3	273	23,0	605	24,3
11—20	255	19,5	227	19,2	482	19,3
21—30	187	14,3	212	17,9	399	16,0
31—40	193	14,7	207	17,5	400	16,0
41—50	144	11,0	156	13,2	300	12,0
51—60	123	9,4	71	6,0	194	7,8
61—70	55	4,2	25	2,1	80	3,2
71—80	14	1,1	8	0,7	22	0,9
81 и выше	7	0,5	5	0,4	12	0,5
Итого	1310	100,0	1184	100,0	2494	100,0

Таблица 4 (окончание)

Возрастная группа, в годах	Помещичьи крестьяне					
	мужчин		женщин		всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
0—10	609	25,9	485	24,3	1094	25,2
11—20	448	19,1	346	17,3	794	18,4
21—30	301	12,8	380	19,0	681	15,7
31—40	315	13,4	373	18,7	688	15,8
41—50	320	13,6	238	11,9	558	12,8
51—60	237	10,1	113	5,7	350	8,0
61—70	72	3,1	43	2,2	115	2,6
71—80	42	1,8	16	0,8	58	1,3
81 и выше	5	0,2	2	0,1	7	0,2
Итого	2349	100,0	1996	100,0	4345	100,0

у помещичьих — 67,7%. Заметим, что у монастырских крестьян семей, имеющих одного ребенка, больше, чем у помещичьих. Объяснить это можно тем, что у монастырских крестьян было не только больше семей, состоящих из супругов с малолетними

Таблица 5

Численность детей в семье на 1717 г.

Число детей в семье	Крестьяне				Число детей в семье	Крестьяне			
	монастырские		помещичьи			монастырские		помещичьи	
	число семей	%	число семей	%		число семей	%	число семей	%
1	112	26,2	126	19,8	7	5	1,2	5	0,8
2	115	26,9	177	27,8	8	—	—	5	0,8
3	80	18,7	128	20,1	9	—	—	3	0,5
4	31	7,2	53	8,3	10	1	0,2	—	—
5	14	3,3	35	5,5	11	1	0,2	1	0,2
6	6	1,4	16	2,5	Без детей	63	14,7	87	13,7
					Итого	428	100	636	100

Таблица 6

Поло-возрастной состав детского населения на 1717 г.

Возрастная группа, в годах	Монастырские крестьяне					
	мальчики		девочки		всего	
	число человек	%	число человек	%	число человек	%
0—5	169	12,9	145	12,2	314	12,6
6—10	163	12,5	128	10,8	291	11,6
11—15	151	11,5	113	9,6	264	10,6
Итого	483	36,9	386	32,6	869	34,8

Таблица 6 (окончание)

Возрастная группа, в годах	Помещичьи крестьяне					
	мальчики		девочки		всего	
	число человек	%	число человек	%	число человек	%
0—5	330	14,0	288	14,4	618	14,2
6—10	279	11,9	197	9,9	476	10,9
11—15	223	9,5	140	7,0	363	8,4
Итого	832	35,4	625	31,3	1457	33,5

детьми³⁴, но и тем, что половина этих семей образовалась в период между переписями 1710, 1717 гг. (т. е. молодые семьи).

Рассмотрим подробнее поло-возрастной состав детского населения до 15 лет включительно³⁵ (см. табл. 6).

Здесь прежде всего следует отметить, что дети составляли треть всего населения в обеих категориях крестьян. В возрасте до пяти лет соотношение мальчиков и девочек одинаково. В следующих группах общее число детей уменьшается, причем у помещичьих крестьян сильнее, а соотношение между мальчиками и девочками складывается в пользу мальчиков. На 100 мальчиков в возрасте 11—15 лет девочек приходилось у монастырских крестьян 75, а у помещичьих — 63.

По-видимому, детская смертность у помещичьих крестьян вообще была выше, чем у монастырских, а смертность девочек превышала смертность среди мальчиков.

Таблицы 4 и 6 поло-возрастного состава — взрослых и детей показывают, что в возрасте 16—20 лет было: у монастырских крестьян мужчин — 8%, женщин — 9,6%, а у помещичьих крестьян мужчин — 9,7%, женщин — 10,3%.

Трудоспособное население от 16 до 60 лет распределялось следующим образом: у монастырских крестьян мужчин было 57,4%, женщин — 64,2%, у помещичьих работоспособных мужчин было 59,5%, а женщин — 65,3%.

Взрослых монастырских крестьян-мужчин в возрастных группах 21—30 и 31—40 лет было одинаковое число. в возрасте 41—50 лет число их уменьшилось в 1,3 раза по сравнению с предыдущей группой, а в возрасте 51—60 лет — в 1,5 раза по сравнению с группой 31—40 лет. Распределение помещичьих крестьян м. и. по возрастным группам 21—30, 31—40 и 41—50 лет более равномерно, чем у монастырских, и в возрасте 51—60 лет число мужчин уменьшается в 1,3 раза по сравнению с предыдущими возрастными группами.

Резко уменьшается число мужчин в возрасте 61—70 лет: у монастырских крестьян в два, а у помещичьих — в три раза по сравнению с возрастной группой 51—60 лет.

Работоспособных женщин в возрастах 21—30 и 31—40 лет одинаковое число как в той, так и в другой категории крестьян. В следующей возрастной группе — 41—50 лет число женщин уменьшается у монастырских в 1,3 раза, а у помещичьих — в 1,6 раза. Число женщин после 50 лет резко сокращается в обеих категориях крестьян (в 2—3 раза по сравнению с предыдущими возрастными группами).

³⁴ При детальном рассмотрении крестьянской семьи (см. § 2 главы I) установлено, что у монастырских крестьян семей этого типа 33,6%, а у помещичьих — 17,8%.

³⁵ В публикации «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.» (М., 1951) к категории детей отнесено население до 15 лет включительно — с. 6.

Трудоспособные мужчины и женщины распределяются по возрастным группам неодинаково. Так, на 100 мужчин приходилось женщин у крестьян:

	Монастырских	Помещичьих
21—30 лет	113	126
31—40 »	107	117
41—50 »	108	74
51—60 »	58	48
61—70 »	45	60

Среди монастырских крестьян женщины незначительно преобладали в группах от 21 до 50 лет по сравнению с мужчинами в тех же возрастных группах. Зато после 50 лет доминировали мужчины — их было больше, чем женщин, в 2 раза.

У помещичьих крестьян женщины преобладали над мужчинами в двух возрастных группах — 21—30 и 31—40 лет, а в следующей группе — 41—50 лет их становится меньше, чем мужчин, в 1,3 раза. Еще значительнее преобладание мужчин по сравнению с женщинами у этой категории крестьян в возрасте 51—60 лет.

Таким образом, рассмотрев состав населения крестьянских семей Кубенской трети по полу и возрасту, убеждаемся в том, что население западной части Вологодского уезда не было стабильно. Наряду с правительственной мобилизацией мужчин происходил и отток населения — бегство и уход для «прокормления».

Демографической особенностью этого времени было вырывание из земледельческого хозяйства мужчин в наиболее активных возрастных группах, преобладание в этих группах женщин и, несмотря на это, низкий удельный вес женщин.

Наблюдения показали менее благоприятную демографическую ситуацию у помещичьих крестьян, которая выразилась в повышенной детской смертности, а главное, в пониженном числе мужчин наиболее активного трудового возраста от 21 до 40 лет.

2. Структурный, численный, поколенный состав крестьянской семьи

В непосредственной связи с поло-возрастным составом населения находятся вопросы о структуре семьи и ее рабочей силе.

Русская крестьянская семья в XVII—XVIII вв., ее структура и формы до настоящего времени слабо исследованы. Недостаточная изученность «общего хода развития крестьянской семьи в период феодально-крепостнического строя»³⁶ затрудняет решение многих исторических и этнографических проблем. Так, в частности, знание семейной структуры крестьянского двора помогает определить его рабочие возможности.

Дореволюционная историческая литература не ставила задачу изучения процесса развития крестьянской семьи.

³⁶ Народы мира. Народы Европейской части СССР, I. М., 1964, с. 463.

В ряде исследований по истории крестьян и сельской общины поднимались вопросы правовых норм семейной жизни в связи с характеристикой системы землепользования, общественных крестьянских организаций и обязанностей, лежавших на крестьянах по отношению к государству и владельцу³⁷. Эти работы базируются на большом архивном, в том числе актовом, материале XVI—XVIII вв. Сведения же по семейной организации являются в них лишь сопутствующими.

Составляют исключение, а потому и представляют интерес, статьи П. И. Иванова, в которых он характеризует поземельную крестьянскую организацию в XVII в. и основы крестьянского землевладения в северных уездах: Кеврольском, Мезецком и Двинском³⁸. Автор в тесной связи с вопросами землепользования рассматривает людской состав крестьянского двора, его численность, называет основные типы семей, пользуясь писцовыми книгами XVII в. Ценность работ Иванова состоит в том, что в них крестьянский двор с населяющей его семьей выступает как хозяйственная ячейка, как субъект владения земельным участком.

Этнографическая литература дореволюционного периода накапливала и интерпретировала большой фактический материал по семейному быту в связи с широко развернувшимся в 70—90-х годах XIX в. изучением народного обычного права и деятельностью этнографических обществ.

В ней можно проследить два направления. Одно из них представлено работами, в которых содержатся разнообразные сведения по семейному быту и внутрисемейному укладу³⁹. Ко второму на-

³⁷ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. 1—2. М., 1909—1912; *Ефименко А. Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере.— В кн.: *Исследования народной жизни*, вып. 1. Обычное право. М., 1884; *Островская М.* Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913; *Семевский В. И.* Указ. соч., т. I—II. СПб., 1881—1903; *Соколовский П. А.* Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877.

³⁸ *Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян.— *Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества*, 1902, т. II, вып. 2; *он же.* К истории крестьянского землевладения на Севере в XVII в. Основание крестьянского владения и распределение земли в Кеврольском уезде.— Там же, 1898, т. I, вып. 3; *он же.* Заметка о размере окладной пашни и населенности дворов в Кеврольском уезде в XVII в.— Там же, 1900, т. II, вып. 1.

³⁹ *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии.— В кн.: *Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России*, вып. 2. М., 1890; *он же.* Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность.— *Живая старина*, 1898, вып. 1; *Шустиков А. А.* Троищина. Бытовой очерк.— Там же, 1892, вып. 2; *Ефименко А. Я.* Народные юридические воззрения на брак. Женщина в крестьянской семье. Семейные разделы.— В кн.: *Исследования народной жизни*, вып. 1. Обычное право. М., 1884; *Самоевасов Д. Я.* Семейная община в Курском уезде.— В кн.: *Сборник народных юридических обычаев*, т. I. СПб., 1878; *Ефименко П. С.* Паследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии.— Там же, т. II. СПб., 1900.

правлению относятся работы, рассматривающие народные юридические нормы, бытовавшие в сфере семейных отношений. В последних присутствует в какой-то мере анализ состояния семьи, определяется ее численность⁴⁰. Наибольший интерес в кругу этих исследований представляет фундаментальный труд С. В. Пахмана «Обычное гражданское право», где автор раскрывает сущность крестьянской семьи как хозяйственного и родственного союза и обобщает на основе огромного материала из практики волостных судов семейно-правовые нормы, обычные в крестьянской среде⁴¹.

Советские этнографы занимаются изучением русской крестьянской семьи главным образом на современном этапе, привлекая для сравнения материалы XIX в. Они уделяют внимание структурному составу семьи в прошлом и настоящем, эволюции форм семьи⁴². Однако самая структура типов и форм семьи разработана еще недостаточно четко.

Не ставят задачи самостоятельного изучения семейной организации русских крестьян и историки. В работах о крестьянском хозяйстве определяется лишь средняя численность двора и душ мужского пола в нем.

Е. П. Подьяпольская, давшая всестороннюю оценку ревизским сказкам как источнику, назвала широкий круг вопросов, который возможно исследовать на основе этих материалов, в том числе и семейный состав русских крестьян⁴³. Публикация документов по истории крестьянского и помещичьего хозяйства, осуществленная К. В. Сивковым, также показала, что на основе отписных книг можно в принципе проследить состав и численность крестьянских семей⁴⁴.

А. Л. Шапиро, исследуя новгородские писцовые книги конца XV — начала XVI в., чаще других исследователей касается вопроса о составе крестьянской семьи. Он обнаружил, что новгород-

⁴⁰ Матвеев П. А. Очерки народного юридического быта в Самарской губернии.— В кн.: Сборник народных юридических обычаев, т. I; Шейн В. П. Очерки народно-обычного права Вологодской губернии.— Там же, т. II; Ефименко П. Семья архангельских крестьян.— «Судебный журнал», 1874, кн. 4.

⁴¹ Пахман С. В. Обычное гражданское право, т. I—II. СПб., 1877—1879.

⁴² Село Вирятино в прошлом и настоящем.— «Труды Института этнографии», Новая серия, 1958, т. XLI; Анохина Л. А., Шмелева М. П. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964; Народы мира. Народы Европейской части СССР, I. М., 1964; Кубанские стапцы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967.

⁴³ Подьяпольская Е. П. Ревизские сказки как исторический источник.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952, с. 321.

⁴⁴ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. Подг. к печати К. В. Сивков. М., 1951.

ские пятины различались по семейному составу. В одной из своих работ автор указывает, что крестьянские дворы Шелонской пятины на 1498 г. состояли из двух-трех неразделенных семей, в частности, семей женатых братьев⁴⁵. В другой работе Шапиро пишет, что «почти все дворы Деревской пятины и большая часть дворов в других пятинах имели по одному женатому мужчине и, следовательно, представляли собою семьи из мужа, жены и детей»⁴⁶. Шапиро полагает, что первоначальные окладные единицы — соха и плуг — свидетельствовали о бытовании большой семьи, называемой автором «сложной», которая примерно в XV в. смешалась «простой»⁴⁷. Он указывает на связь между семьей и размерами хозяйства, в частности, величиной посева.

Задача выяснения «людского состава двора» также для середины XV — начала XVI в. ставится в коллективной монографии «Аграрная история Северо-Запада России», но в основном в плане определения средней численности двора. При этом за исходный момент принимаются дворы «с одной и двумя семьями» без раскрытия существа семейной структуры жителей двора⁴⁸.

На семейной организации крестьян останавливается Л. В. Данилова в связи с рассмотрением вопроса о землевладении и землепользовании в Новгородской земле. Она отмечает, что двинские акты XIV—XV вв. отразили существование семей, братских или с несколькими племянниками, ведущих совместное хозяйство. Она говорит, что по писцовым книгам этого времени «невозможно, к сожалению, вычислить количественное соотношение дворов с индивидуальными и большими патриархальными семьями»⁴⁹.

О крестьянской семье в XVI—XVII вв. писал М. В. Витов, выясняя характер поселений Заонежья. Он полагал, что большая семья отличается от малой «совместной хозяйственной жизнью разных поколений»⁵⁰. Отмечая, как и Л. В. Данилова, что писцовые книги не дают возможности реконструировать состав семьи, Витов сосредоточил свое внимание преимущественно на численности семьи, определив ее по переписной книге Заонежских погостов 1678 г.

⁴⁵ Шапиро А. Л. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма.— В кн.: Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960, с. 30; см. также с. 48.

⁴⁶ Шапиро А. Л. Средневековые меры земельной площади и размеры крестьянского хозяйства в России.— В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сб. статей к 150-летию Ленинградского университета. Л., 1969, с. 73.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971, с. 18—19.

⁴⁹ Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 265—266.

⁵⁰ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962, с. 128—129.

А. Л. Шапиро считает проживание в одном дворе двух и более семей, иногда ведущих раздельное хозяйство⁵¹, существенной особенностью XVII — начала XVIII в.

Строю семьи XVII в. у русского населения Сибири посвящен специальный раздел в монографии В. А. Александрова⁵². Этот вопрос поставлен автором в прямую связь с основной проблемой монографии — формированием в Енисейском крае постоянного русского населения, приток которого шел главным образом из Северного и Центрального Поморья. Вместе с навыками земледельческой культуры чернососного Севера переселенцы принесли в Сибирь и традиционные формы семьи. Александров показал, что переселенцы не только обзаводились семьями на новом месте, но и привозили их из мест выхода⁵³. О характере строя семьи автор судит на основе переписных книг 1669, 1679 и 1719 гг. и дозорных 1680 и 1689 — 1691 гг. Он выясняет соотношение семейных и бес-семейных жителей Енисейского уезда, а также вопрос о структурном составе семей и тенденции их развития во второй половине XVII в. Несколько меньше места занимает вопрос о численном и поколенном составе. Важным для нашей темы является принцип обработки сведений переписей, примененный Александровым, а также метод выделения структурных типов сибирских семей в соответствии с методикой, утвердившейся в этнографии.

Употребляемое в исторической литературе понятие «двор, населенный двумя-тремя семьями» и «сложная или простая семья»⁵⁴, не соответствует терминологии, принятой этнографами, которые специально разрабатывают типологию семьи. Анализируя крестьянскую семью периода феодализма, целесообразно использовать достижения и опыт смежной науки и оперировать выработанными ею терминами.

Типы бытовавших крестьянских семей и их состав прослеживаются по переписям 1678 и 1717 гг. Данные переписи 1678 г. обработаны по 935 дворам (1000 семей) монастырских и архиерейских крестьян, которые составляли 21,6% от общего числа дворов

⁵¹ Шапиро А. Л. Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII — первой половины XVIII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.» М., 1961, с. 62.

⁵² Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — «Труды Института этнографии», Новая серия, 1964, т. 87.

⁵³ Там же, с. 124—126, 156.

⁵⁴ Шапиро А. Л. Средневековые меры земельной площади..., с. 73; Аграрная история Северо-Запада России, с. 19; Шабанова А. М. Организация обложения владельческими повинностями крестьян Александрово-Свирской вотчины в первой половине XVIII века (к вопросу о дуге). — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971, с. 171; Клеякин А. В. Крестьянский двор и семья первой трети XVIII в. (По подворным переписям в селениях Алатырского уезда). — В кн.: Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма. Научная сессия. Тезисы докладов. Чебоксары, 1973, с. 45; Тихонов Ю. А. Указ. соч., с. 304.

(4335) Кубенской трети, а сведения книги 1717 г.— по 435 дворам (428 семьям), или 21% от их общего числа (1967 дворов)⁵⁵.

На этом материале был выяснен прежде всего родственный состав дворов, т. е., другими словами, живет ли во дворе одна семья или какой-то более сложный коллектив.

Сравнивая людской состав каждого двора в 1678 г. и 1717 г., видим, что в большинстве случаев на протяжении этого периода в одном и том же дворе жили одни и те же лица или их потомки. Так, например, в одном из дворов дер. Никитино Спасо-Прилуцкого монастыря в 1678 г. жил Петр Андреев с сыном Мишкой двух лет. В 1717 г. Петру Андрееву — 77 лет, у него — женатый сын Иван с тремя детьми, а также внук Иван Михайлов 15 лет. «А отец ево Михайла Петров умре в 1715 году»⁵⁶. В дер. Кожевниково того же владельца в 1678 г. записан двор Пимена Якимова с шестью сыновьями Григорием и Василием (оба старше 20 лет), Яковом — 15 лет, Иваном — 12 лет, Иваном — 7 лет и Алексеем — 3 лет. В 1717 г. учтены в этом дворе Пименовы Иван — 52 лет с женой и Алексей — 42 лет с женой и одипнадцатилетним сыном⁵⁷.

П. А. Соколовский, исследуя земледельческое население России, утверждал, что обитатели одного двора связаны «в громадном большинстве случаев общим происхождением»⁵⁸. Кажущееся неродственным на первый взгляд население двора было связано родством либо свойством. Это подтверждается сопоставлением материалов переписей. Так, в Ракульской волости в дер. Митинской в 1717 г. переписчик отмечает двор, где живут его глава Прокопий Васильев с женой и Семен Осипов с женой и дочерью, и не указывает на родство между ними. По этому двору есть следующее пояснение: «Отец ево Прокопиев Василий Гаврилов и с женою, и с племянником Никитой умре в 1713 году»⁵⁹. Эта приписка также не объясняет родства между сегодняшним главой Прокопием и живущим там Семеном. Сравнив эту запись с записью того же двора в 1678 г., обнаруживаем, что Семен Осипов доводится нынешнему главе зятем и «припят» из соседнего двора к сестре Прокопия⁶⁰. Другим соседом Прокопия Васильева в 1717 г. был Максим с братом Михаилом Семеновым. При сопостав-

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 350, д. 556, л. 1376 об. В 65 дворах из 935 жили подворники, семьи которых были обработаны как самостоятельные. Из 435 дворов в 1717 г. в семи не удалось установить родственные связи между жителями двора.

⁵⁶ Там же, ф. 1209, д. 14733, л. 283; ф. 350, д. 556, л. 28 об.

⁵⁷ Там же, ф. 1209, д. 14733, л. 269 об.; ф. 350, д. 556, л. 41 об.

⁵⁸ Соколовский П. А. Экономический быт земледельческого населения России. СПб., 1878, с. 18; см. также Богословский М. М. Указ. соч., т. 1, с. 154.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 350, д. 556, л. 84 об.

⁶⁰ Там же, ф. 1209, д. 14733, л. 187.

лений с переписью 1678 г. выяснилось, во-первых, что Михаил и Максим — братья двоюродные, а во-вторых, что их сосед Прокопий Васильев — также их двоюродный брат. В 1678 г. все они — Максим, Михаил и Прокопий вместе со своими отцами Матвеем, Семеном и Василием жили в одном дворе своего деда, Гаврилы Иванова⁶¹.

В переписи 1678 г. встречаются и такие дворы, где наряду с родственным коллективом жили и люди посторонние — подворники, чаще всего бобыли или разорившиеся крестьяне — нищие. «Во дворе Вахромей Стефанов сын Шамараков... да у него ж подворник Матвей Дмитриев сын»; «Во дворе Михаил Афанасьев сын ... у него на подворье нищий Тихон Апаньин сын Шоха»; или «Во дворе Никифорко, Ивашко, Микита Исаковы дети ... У них на подворье живет бобыль Дениско Естифеев сын ...»⁶². Дворы с подворниками составляли 6,95%, причем таких дворов больше всего оказалось во владениях Спасо-Прилуцкого монастыря (32 дв.) и Ионы, митрополита ростовского и ярославского (28 дв.). Встречаются дворы, имевшие двух подворников. В с. Коровничье Спасо-Прилуцкого монастыря жил «бобыль сапожник Иван Гаврилов сын ... У него подворник Петр Иевлев сын Тугарин, того же монастыря служебник. У него на подворье нищий Евдокимко Степанов сын»⁶³. Бобыли, «не полностью обеспеченные или вовсе не обеспеченные средствами крестьянского производства»⁶⁴, как известно, в большей своей части ремесленничали, а в данном случае имеется на это прямое указание источника. М. М. Богословский, определяя подворника как «съемщика жилого помещения во дворе», говорит, что подворники-бобыли промышляли ремеслами и черной работой⁶⁵. П. А. Соколовский также отмечал, что подворники не имели своих дворов и «жили у крестьян, иногда по несколько человек в одном доме». Далее автор конкретизирует условия съема жилья: «Подворник работал по найму или на одно семейство, или же 2—3 двора вместе имели одного общего подворника»⁶⁶. По-видимому, в приведенном выше примере сапожник с. Коровничье Иван Гаврилов взял двух подворников, нанял их для помощи в сапожном деле.

З. А. Огризко, исследовавшая запятая крестьян с. Коровничье в конце XVII в., установила его промысловый облик. Многие из крестьян торговали, ходили на судах по Сухоно-Двинскому пути. Она отметила, что «хозяйственная деятельность подавляющего большинства населения села проходит вне феодальной монастыр-

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1209, д. 14733, л. 187.

⁶² Там же, лл. 282, 284, 101 об.; см. также, например, д. 14735, лл. 7 об., 13, 41 об.; д. 14738, лл. 41 об., 42 и др.

⁶³ Там же, д. 14733, л. 281 об.; см. также лл. 101, 281, 282, 225.

⁶⁴ Шапиро А. Л. Бобыльство в России в XVI—XVII вв.— «История СССР», 1960, № 3, с. 60.

⁶⁵ Богословский М. М. Указ. соч., т. 1, с. 141.

⁶⁶ Соколовский П. А. Указ. соч., с. 115.

ской вотчины»⁶⁷. Перепись 1678 г. показывает среди жителей с. Коровичье крестьян-ремесленников: калашников, кузнецов, сапожников, овчинников и др.⁶⁸ Книги житных старцев 1675 и 1684 гг. отмечают лишь семерых крестьян, имевших наделную землю⁶⁹.

Материал переписей обоих лет показал, таким образом, что в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. в Кубенской трети крестьянский двор представлял собой, как правило, родственный коллектив, а именно: семью, члены которого связаны той или иной степенью родства или свойства. Чужеродный элемент во дворе (пасынки, приемыши, подворники и даже свойственники — зятья, шурины) обычно оговаривались переписчиками.

Семейно-родственные связи крестьянского двора определяют не только структуру семьи, но и численный и поколенный ее состав. Основанием при классификации семей по родственно-структурным типам послужила запись о характере родственных связей и отношений, сделанная К. Марксом в конспекте книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». «Кровное родство», — говорит он, — бывает *«двух родов: а) по прямой линии и б) по боковым линиям; а) родство по прямой линии представляет собой отношение между двумя лицами, из которых одно произошло от другого; б) родство по боковой линии есть отношение между лицами, происшедшими от общего предка, а не одно от другого»*⁷⁰. Исходя из этого все имеющиеся семьи были поделены на две большие группы: А — сложившиеся по принципу прямого родства; Б — по принципу бокового родства. Внутри каждой из этих групп семьи распределены по наиболее характерным типам. Так, в группе А, например, среди семей, состоящих из супругов, их женатых сыновей и внуков, выделены в самостоятельные подгруппы семьи, где вместе с супругами живут один, два, три или четыре женатых сына, а в группе Б среди братских — семьи, состоящие из родных и двоюродных братьев (см. табл. 7).

Из табл. 7 видно, что в конце XVII и начале XVIII в. исследуемые семьи распределялись неравномерно по двум названным группам. Семьи прямого родства составляли 71% в 1678 г. и 56,9% в 1717 г., а семьи бокового родства — 29% и 43,1% соответственно по годам. Явное преобладание семей, основанных на прямом родстве, говорит, на наш взгляд, об определенном этапе в развитии семейной организации, когда отмирали в пределах одной семьи широко разветвленные линии бокового родства. Рассмотрим с этой точки зрения более подробно структурный состав семей обеих групп.

⁶⁷ Огризко З. А. Промысловое монастырское село в конце XVII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.» М., 1961, с. 125, 130.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 1209, д. 14733, лл. 267 об. — 268, 281 — 282.

⁶⁹ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 66; ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10, л. 253 об.

⁷⁰ Архив Маркса и Энгельса, т. IX. М., 1941, с. 12.

Состав семей по родственным связям
у монастырских крестьян по переписям 1678 и 1717 гг.

Год переписи	Тип семьи	Вид родства										
		Родство прямое (группа А)										
		супруги и одинокие	супруги	супруги и неженатые дети	супруги, женатые сыновья и внуки							всего
					с 1 сыном и внуками	с 2 сыновьями и внуками	с 3, 4 сыновьями и внуками	с 1 сыном, внуками и младшими детьми	с 2 сыновьями, внуками и младшими детьми	с 3, 4 сыновьями, внуками и младшими детьми		
1678	Число семей	142	—	443	36	7	4	71	6	1	125	
		14,2%	—	44,3%	3,6%	0,7%	0,4%	7,1%	0,6%	0,1%	12,5%	
1717	Число семей	—	24	144	25	14	7	21	8	1	76	
		—	5,6%	33,6%	5,8%	3,3%	1,6%	4,9%	1,9%	0,2%	17,7%	

В группе А преобладающими оказались семьи, состоящие из супругов с их малолетними и неженатыми детьми (44,3% в 1678 г. и 33,6% в 1717 г.), а в типе «супруги, женатые сыновья и внуки» больше всего семей, где при отце живет только один женатый сын (10,7% по обеим переписям), вне зависимости от того, есть ли у отца еще и младшие дети. Заметно меньше семей, где при родителях остаются двое женатых сыновей, а семей с тремя, четырьмя женатыми сыновьями и вовсе мало. Таким образом, налицо довольно определенная тенденция — чем семьи больше по своему составу (с тремя, четырьмя женатыми сыновьями), тем таких семей меньше и наоборот, а преобладающими являются те, в которых с родителями живет один женатый сын. Этот факт свидетельствует о бытовавшем выделе взрослых сыновей.

Довольно значительную цифру для 1678 г. дал тип «одинокие», но эта цифра не вполне отражает действительное положение вещей. В связи с тем что перепись не фиксировала женское население, в это число, кроме действительно одиноких, вошли и бездетные супружеские пары, а также пары, имеющие только дочерей.

В группе Б ведущими оказались семьи, состоящие из двух, реже трех женатых братьев, как правило, родных, с их неженатыми детьми. Таких семей было 10% — в 1678 г. и 26% — в 1717 г. Довольно значительно число семей группы Б, принадлежащее к типу «супруги с холостыми (женатыми) детьми и холостые (женатые) племянники», причем среди них преобладали в 1678 г. семьи с малолетними племянниками (45 семей из 63), а в 1717 г. с женатыми племянниками (33 семьи из 43).

Вид родства								
Родство боковое (группа Б)							Про- чие	Итого
женатые братья с холостыми (женатыми) детьми			женатый брат с нежена- тыми детьми и младшие братья	женатые братья и племян- ники	супруги с холос- тыми (женаты- ми) деть- ми и хол- лостые (женатые) племян- ники	семьи о зятем		
родные	двоюрод- ные	итого						
96 9,6%	4 0,4%	100 10%	66 6,6%	14 1,4%	63 6,3%	37 3,7%	10 1%	1000 100%
75 17,5%	36 8,4%	111 26%	10 2,3%	12 2,8%	43 10%	8 1,9%	— —	428 100%

В 1678 г. примерно таким же по численности (6,6%) являлся тип «женатый брат с неженатыми детьми и младшие братья». Однако в силу уже указанной причины — отсутствия в переписи женского населения, в число семей этого типа здесь вошли и такие, где была мать-вдова, но главой семьи являлась не она, а ее старший, женатый сын.

Для более полного представления о структуре крестьянских семей необходимо рассмотреть также их поколенный состав. Основываясь на вышеприведенном высказывании К. Маркса, будем под поколением понимать группу родственников, связанных между собой боковым родством (как в силу рождения, так и в силу брака), находящихся на одной горизонтали и последовательно сменяющихся по нисходящей.

При обработке материалов отчет поколений велся от старших, еще живущих членов семьи (см. табл. 8).

Из табл. 8 видно, что наиболее распространены были семьи: в 1678 г. из одного и двух поколений — их 85%, а в 1717 г. из двух и трех поколений — их 91,4%. Преобладали же среди них и в первом, и во втором случаях двухпоколенные семьи (64,5% в 1678 г. и 67,5% в 1717 г.), где в свою очередь выделялись семьи прямого родства, а именно: супруги с малолетними детьми (44,3% и 33,6%). Трехпоколенных семей по переписям обоих лет значительно меньше, чем двухпоколенных, а четырехпоколенные семьи были редким явлением.

Для семей бокового родства более характерны и в 1678 г. и 1717 г. двух-, нежели трехпоколенные семьи, именно: женатых

Таблица 8

Состав семьи по поколениям по переписям 1678 и 1717 гг.

Поколение	Вид родства	Тип семьи	1678		1717	
			число семей	%	число семей	%
Одно	Прямое	Супруги	142	14,2	24	5,6
		Женатые братья (без детей)	19	1,9	6	1,4
	Боковое	Женатый брат с младшими братьями	44	4,4	7	1,6
		Всего семей	205	20,5	37	8,6
Два	Прямое	Супруги и неженатые дети	443	44,3	144	33,6
		Супруги и женатые сыновья (без внуков)	—	—	26	6,1
	Боковое	Женатые братья с неженатыми детьми	74	7,4	79	18,5
		Женатые братья с женатыми детьми (без внуков)	—	—	12	2,8
		Женатый брат с детьми и младшими братьями	22	2,2	3	0,7
		Женатый брат с детьми и племянниками	14	1,4	7	1,6
		Супруги с детьми и племянники	45	4,5	10	2,3
		Семьи с зятем	37	3,7	8	1,9
		Семьи с шурином	10	1,0	—	—
		Всего семей	645	64,5	289	67,5
Три	Прямое	Супруги, женатые сыновья, внуки	123	12,3	50	11,7
		Женатые братья с женатыми сыновьями и внуками	7	0,7	14	3,3
	Боковое	Женатые братья с женатыми сыновьями и женатые племянники с детьми	—	—	5	1,2
		Супруги с женатыми сыновьями и внуками и женатые племянники с детьми	18	1,8	33	7,7
		Всего семей	148	14,8	102	23,9
Четыре	Прямое	Супруги, женатые сыновья, внуки, правнуки	2	0,2	—	—
		Итого семей	1000	100%	428	100%

братьев с их холостыми детьми. Среди семей из супругов с детьми и племянниками в 1678 г. преобладали двухпоколенные с холостыми племянниками. Их в 2,5 раза больше, чем трехпоколенных с женатыми племянниками. К 1717 г. соотношение изменилось в пользу последних.

Подчеркнем, что во всех поколениях господствовали семьи прямого родства, а среди них состоящие из двух поколений.

Итак, структурный и поколенный состав позволили при существующем, довольно значительном разнообразии типов семей в каждой из рассмотренных групп (А и Б) выделить по два, наиболее распространенных типа. В группе А это будут: 1) супруги с их малолетними и неженатыми детьми, двухпоколенные и 2) супруги (с малолетними детьми и без них) и один женатый сын, двух- и трехпоколенные. В группе Б преобладают: 1) семьи женатых братьев с малолетними и неженатыми детьми, двухпоколенные и 2) семьи из супругов с сыновьями (женатыми и холостыми) и племянники (малолетние и холостые), двух- и трехпоколенные.

Эти же типы семей были характерны в 1717 г. и для помещичьих крестьян Кубенской трети, о чем свидетельствует материал по 636 семьям. В отличие от монастырских среди них преобладали семьи бокового родства (62%), состоявшие из двух и трех поколений (95%), насчитывавшие от 4 до 9 человек об. п. (72%). У помещичьих крестьян чаще, чем у монастырских, отмечены семьи женатых братьев (в 1,4 раза) и супругов с детьми и племянниками (в 1,5 раза), а также состоящие из трех поколений (в 1,6 раза). Превалирующей была неразделенная семья в форме братской⁷¹.

Более сложный структурно-поколенный состав семей помещичьих крестьян обусловил и большее распространение у них дворов с двумя, а иногда тремя избами. Такие дворы у помещичьих крестьян встречались почти в 1,5 раза чаще, чем у монастырских (36,3 и 26% соответственно). Характерной особенностью дворов с двумя избами независимо от категории крестьян было проживание в них, как правило, семей бокового родства, и прежде всего семей двух-трех женатых братьев (более половины дворов как у монастырских, так и помещичьих) и супругов с детьми и женатых племянников (около четверти дворов у каждой из категорий крестьян). Значительно реже дворы с двумя избами населены семьями супругов с женатыми сыновьями и внуками (их в 5 раз меньше, чем братских).

Численность крестьянского двора обусловлена семейным составом его жителей, а семейный состав в свою очередь непосредственно связан с численностью семьи. Так как перепись 1678 г. учитывала только мужчин, а перепись 1717 г. — население обоих

⁷¹ *Бакланова Е. Н.* Переписная книга 1717 г. как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском уезде. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. I. Вологда, 1970, с. 176—179.

полов, то численный состав семей будет рассмотрен отдельно по каждой из них.

Численность мужского состава семей на 1678 г. отражена в табл. 9. Из нее видно, что подавляющее большинство семей имели от одного до семи человек м. п. (97,7%), причем преобладали семьи, располагающие 1—4 душами м. п. (79,9%). Чуть более половины всех семей (51,8%) имели по два-три человека м. п. Семей, имеющих 8—12 человек м. п., очень мало (2,3%).

Посмотрим, как выглядел мужской состав семей в четырех выделенных выше характерных типах. В группе А большинство семей типа «супруги и неженатые дети» (339 из 443) имели по 2—3 человека м. п. с преобладанием семей в два человека м. п. (187). Второй тип в этой группе — это семьи, включавшие супругов с женатыми сыновьями и внуками. Для них наиболее характерны 3—6 душ м. п., а распространеннее семьи из 4 человек.

В группе Б первый тип семьи — это семьи женатых братьев с неженатыми детьми. Для них, так же как и для второго типа группы А, характерны 3—6 человек м. п. на семью, но большее число семей — трехчленные. Для второго типа группы Б — «супруги с холостыми (женатыми) детьми и холостыми племянниками» характернее семьи из 2—5 душ м. п.

Для первой четверти XVIII в. численность семей в общем не превышала 10—12 человек обоего пола (см. табл. 10). Были семьи, насчитывавшие до 20 человек, но не более. Таких семей от 13 до 20 человек об. п. сравнительно мало. 83,7% семей имели 3—9 человек, а среди них явно выделяются насчитывавшие 4—6 человек об. п., и таких семей около 50%. Семьи из супругов с малолетними детьми чаще всего состояли из 3—5 человек и не превышали семи, а семьи женатых братьев насчитывали обычно 6—9 человек, так же как и семьи из супругов с детьми (холостыми или женатыми) и племянников (холостых или женатых).

Численный состав семей по переписям обоих лет показал, что половина из них и в конце XVII и начале XVIII в. насчитывала 2—3 человека м. п., или 4—6 человек об. п. Многочисленность зависела от степени сложности структурного состава. Последний наряду с поколенным составом обуславливал и предел численности семьи, который сравнительно редко превышал 12—14 человек об. п.

Сопоставление полученных характеристик о составе семей показало, что в конце XVII — начале XVIII в. в западной части Вологодского уезда существовал семейный коллектив, ограниченный тремя поколениями и троюродным родством при сравнительно небольшой численности. Четыре семейных типа, выделенных как преобладающие, оставались таковыми на протяжении всего исследуемого периода.

Однако к 1717 г. произошло некоторое усложнение структурно-поколенного состава семей. В группе А в 1,4 раза сократился процент семей, состоявших из супругов с малолетними детьми,

Таблица 9

Численность мужского состава семей по переписи 1678 г.

Тип семьи	Общее число семей каждого типа	в том числе семей, имеющих душ м. п.											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Супруги и одинокие	142	142	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Супруги и неженатые дети	443	—	187	152	67	28	9	—	—	—	—	—	—
Супруги, женатые сыновья и внуки	125	—	11	23	33	26	19	9	2	—	—	1	1
Супруги с холостыми (женатыми) детьми и холостые (женатые) племянники	63	—	14	17	7	8	6	4	7	—	—	—	—
Женатый брат с младшими братьями	66	—	17	30	11	5	2	—	1	—	—	—	—
Женатые братья с неженатыми детьми	92	—	17	23	14	18	12	3	4	1	—	—	—
Женатые братья с женатыми детьми	8	—	—	1	—	2	2	1	1	—	1	—	—
Женатые братья с детьми и племянники	14	—	—	2	1	3	3	2	—	3	—	—	—
Семьи с зятем	37	—	10	7	6	6	4	3	—	1	—	—	—
Прочие	10	—	2	5	—	—	2	1	—	—	—	—	—
Итого	1000	142	258	260	139	96	59	23	15	5	1	1	1
%	100	14,2	25,8	26	13,9	9,6	5,9	2,3	1,5	0,5	0,1	0,1	0,1

Численный состав семей по переписи 1717 г.

Тип семьи	Общее число семей каждого типа	в том числе семей, имеющих душ об. п.												
		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13—19	
Супруги	24	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Супруги и неженатые дети	144	6	43	44	36	12	3	—	—	—	—	—	—	—
Супруги, женатые сыновья и внуки	76	—	2	13	22	15	5	6	4	2	—	2	5	
Супруги с холостыми (женатыми) детьми и холостые (женатые) племянники	43	—	—	4	3	10	4	8	8	4	—	—	2	
Женатый брат с младшими братьями	10	—	1	4	3	1	—	1	—	—	—	—	—	
Женатые братья с неженатыми детьми	85	—	1	6	9	18	10	15	10	4	5	4	3	
Женатые братья с женатыми детьми	26	—	—	—	1	3	8	4	4	2	1	1	2	
Женатые братья с детьми и племянники	12	—	—	—	1	2	2	3	3	—	—	—	1	
Семьи с зятем	8	—	1	1	1	—	—	1	2	—	1	1	—	
Итого	428	30	48	72	76	61	32	38	31	12	7	8	13	
%	100	7,0	11,2	16,8	17,8	14,3	7,5	8,9	7,2	2,8	1,6	1,9	3,0	

и во столько же раз возрос процент семей из супругов с женатыми сыновьями и внуками. В группе Б также увеличился процент семей, состоявших из женатых братьев как с холостыми, так и с женатыми сыновьями, — в 2,6 раза, женатых братьев и племянников, а также супругов с сыновьями и женатых племянников — примерно в 1,5 раза. Это усложнение структуры привело к повышению числа трехпоколенных семей, а все вместе взятое свидетельствует о сократившемся выделе молодых супружеских пар, будь то женившиеся сыновья или племянники⁷². Причина этого изменения заключалась в усилении феодально-крепостнической эксплуатации, выразившейся в росте ренты, о чем подробнее будет сказано ниже.

В рассматриваемое время среди вологодских крестьян преобладающей формой являлась малая семья, составлявшая в последней четверти XVII в. 80,3%, а в первой четверти XVIII в. 54,5%. Господствующим ее типом была индивидуальная семья супругов с их неженатыми детьми. На долю неразделенной семьи приходилось около 20% в 1678 г. и около 46% в 1717 г. Она существовала в пределах трех поколений и троюродного родства, а ведущим типом такой семьи была семья из двух-трех женатых братьев как с холостыми, так и женатыми детьми. Братские семьи в 1678 и 1717 гг. составляли половину неразделенных семей. Усложнение структурно-поколенного состава к 1717 г. не повлияло в целом на преваляровавшую форму семьи. Ею оставалась малая семья.

Попытаемся выяснить, являлась ли установленная структура семей особенностью исследуемого района, или она была характерна и для какого-то более широкого региона. Переписные книги и актовый материал других волостей и третей Вологодского уезда, например Лежского волока, Корбанской волости⁷³, показывают, что крестьянские семьи этого района по своей структуре и численности идентичны семьям Кубенской трети.

П. И. Иванов, исследовавший по писцовым (1623 и 1686 гг.⁷⁴) и переписным (1646 и 1678 гг.) книгам крестьянское землевладение в Кеврольском, Мезенском и Двинском уездах в XVII в., определяет тип семей и среднюю цифру мужского населения в крестьянском дворе — 3,2—4,1⁷⁵. «За этими средними скрываются наряду с незначительными индивидуальными семьями, состоящими или из одного мужчины — главы семьи или из отца и детей, сложные семьи, состоящие из братьев, братьев

⁷² Вопрос о семейных разделах рассмотрен далее (см. § 3 главы IV) в связи с хозяйственными разделами.

⁷³ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 6, д. 15, 70; д. 75, л. 5; д. 110, лл. 3, 4; карт. 7, д. 2, л. 3.

⁷⁴ Писцовые книги 80-х годов XVII в. перечисляют все мужское население крестьянского двора, соединив в себе основные черты подворной переписи и писцового описания. См. также писцовую книгу по Вологодскому уезду 1686 г. (ЦГАДА, ф. 1209, д. 68).

⁷⁵ Иванов П. И. К истории крестьянского землевладения..., с. 415.

с их детьми и с племянниками, изредка из двоюродников, из лиц трех поколений, деда, сыновей и внуков, наконец, в одном дворе нередко жили, владели и пользовались нераздельно всем имуществом не только родственники, но и свойственники и посторонние»⁷⁶.

Очень ценным является и наблюдение Иванова о том, что в Кеврольском уезде «отношение между двумя родами семей» в XVII в. идет в пользу индивидуальных⁷⁷. А. Я. Ефименко, исследуя землевладение на поморском Севере и говоря о разложении его печищной формы, также отмечает, что «по актам XVII и XVIII веков видно уже преобладание малых семей современного типа»⁷⁸. Процесс этот начался, вероятно, задолго до XVII в. Л. В. Данилова на основании актового материала пришла к убеждению, что «в XV в. большая патриархальная семья в Обопежье и Подвинье находилась в стадии распада. Семейные общины обычно ограничивались малым кругом родственников»⁷⁹. М. В. Витов, характеризуя поселения и жилище в XVI—XVII вв. в Заонежье, уделил внимание и населению двора, отметив, что семьи в крестьянских дворах были не однотипны, а встречались как малые, так и более сложные по составу (называет, например, братские). Характерными, судя по обработанной им переписной книге Заонежских погостов 1678 г., были сравнительно немногочисленные семьи из 6—7 человек обоего пола⁸⁰.

Таким образом, структура и численность семей крестьянского двора, характерная для части Вологодского уезда — Кубенской трети, оказывается аналогичной и в других северных областях европейской России и, по-видимому, может считаться более или менее типичной для всего северного региона.

3. Рабочие возможности крестьянского двора

Характер крестьянского хозяйства, условия его ведения предполагают занятость в нем почти всего наличного состава двора, за исключением малолетних детей.

Сама принадлежность к тому или иному типу семьи в какой-то степени является потенциальным показателем числа рабочих рук, которыми располагает данная семья. Так, малые семьи, состоящие из супругов с их малолетними и неженатыми детьми, располагают обязательно одним взрослым работником. Кроме того, двор такого

⁷⁶ Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы на Севере..., с. 204. См. также таблицу населенности двора в Кеврольском стане в XVII в., составленную им по писцовым книгам 1623 и 1686 гг., где численность дворов рассматривается в связи с родственным и структурным составом двора (Иванов П. Заметка о размере окладной пашни..., с. 158).

⁷⁷ Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы на Севере..., с. 205.

⁷⁸ Ефименко А. Я. Крестьянское землевладение..., с. 219—220.

⁷⁹ Данилова Л. В. Указ. соч., с. 269.

⁸⁰ Витов М. В. Указ. соч., с. 142, 128—129.

состава может иметь одного-двух неполных работников в возрасте 15—18 лет.

Более сложные по составу семьи, в которых есть две-три супружеские пары (т. е. типы: супруги и один, два женатых сына; женатые братья; супруги и женатый племянник), обладают обязательно двумя или тремя мужчипами-работниками и каким-то числом неполных работников. Следовательно, тип крестьянской семьи, а также ее численность дают принципиально верное представление о рабочих силах двора, даже до проведения детального изучения этого вопроса.

При определении числа рабочих рук были использованы приводимые В. И. Лениным в труде «Развитие капитализма в России» границы рабочего возраста для мужчин от 18 до 60 лет⁸¹. При этом «различаются: а) *полные рабочие* — взрослые мужчины, способные ко всем работам; б) *полурабочие*, женщины и мужчины до 20 лет; полурабочие делятся на две категории: аа) от 12, 13 до 15, 16 лет — полурабочие в тесном смысле и бб) *полурабочие большой силы*; на «экономическом языке «три четверти» рабочего», — от 16 до 20 лет, способные исполнять все работы полного рабочего, за исключением косьбы. Наконец, в) полурабочие *малой помощи*, дети не моложе 8 и не старше 14 лет; они исполняют обязанности свинаярей, телятников, полольщиков и погоньчей у плугов»⁸². При капитализме, как видим, возрастная специализация работников достигла большого развития. Более того, В. И. Ленин особо отмечает как следствие развития капитализма в сельском хозяйстве и употребления в нем машин «усиленное применение женского и детского труда»⁸³. На этом основании можно полагать, что до утверждения капитализма в сельском хозяйстве труд детей и подростков применялся менее широко, и вряд ли в исследуемое время они выполняли взрослые работы.

Естественно, что продолжительность рабочего возраста различна в каждом конкретном случае и тесно связана с продолжительностью жизни. Нередко население работает и за пределами трудоспособного возраста, что, несомненно, было свойственно и крестьянскому хозяйству изучаемого периода, в котором ценность рабочих рук была очень велика.

Учитывая возрастную посильность сельскохозяйственных работ и то, что тягло налагалось с 15—17 лет⁸⁴, для исследуемого

⁸¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 235.

⁸² Там же, с. 229.

⁸³ Там же.

⁸⁴ В Пошехонской вотчине П. М. Бестужева-Рюмина рабочий тяглый возраст начинался с 15 и продолжался до 60 лет (*Осьминский Т. И.* Бюджет крестьян Пошехонской вотчины П. М. Бестужева-Рюмина (1731 год). — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, с. 356). В Ивановской вотчине Шереметевых во второй половине XVIII в. в число тяглых включались крепостные в возрасте от 17 до 65 лет, хотя разрешалось иметь тяглый падел и за пределами этого возраста (*Разгон А. М.* Сельское хозяйство крестьян Ивановской вотчины Шереметевых во вто-

времени также кажется возможным считать возраст полного работника от 18 до 60 лет, а подростков 15—17 лет рассматривать как неполную рабочую силу⁸⁵.

Исходя из такого условия, были рассмотрены рабочие силы семей соответственно их численности и структуре (см. таблицы 11, 12). Из этих таблиц видно, что в 17 семьях (1,7%) в 1678 г. и 12 (2,8%) в 1717 г. взрослые мужчины-работники отсутствуют вовсе, из них 6 семей в 1678 г. и 8 семей в 1717 г. имеют только неполных работников 15—17 лет. Основная тяжесть ведения хозяйства в этих семьях ложилась на плечи женщин-вдов. Такие семьи несли в себе потенциальную возможность разорения и могли притесняться родственниками мужа. Так, в 1683 г. вдова Ананьица Осипова дочь подала челобитную архиепископу вологодскому и белозерскому на своего свекра, который «сослал» ее с тремя малолетними детьми со двора. Покойный муж ее Иван со своим отцом жил «вместе в одном хлебе»⁸⁶.

Один взрослый мужчина-работник встречается в семьях численностью от 1 до 6 человек м. п. (1678 г.) или от 2 до 9 человек об. п. (1717 г.), а в семьях из 7—9 человек м. п. (1678 г.) или 10 и более членов об. п. (1717 г.) минимальное число взрослых работников — 2 человека. Совсем нет семей, имевших более 6 взрослых полных работников, причем в 1678 г. с 5 полными работниками 11 (1,1%) семей, а с шестью — всего 3 (0,3%) семьи; в 1717 г. с пятью — 7 (1,6%), а с шестью не было вовсе.

80,5% всей семей в 1678 г. и 76,8% в 1717 г. независимо от их численности имело одну-две пары полных рабочих рук.

Неполных работников также независимо от численности и типов семей, за небольшим исключением, было по одному и лишь в 17 семьях (1,7%) в 1678 г. и в 12 (2,8%) в 1717 г. — по два.

Около половины всех семей имели одного взрослого работника при одном неполном, а семей с двумя-тремя взрослыми работниками при одном неполном было почти столько же, сколько и с одним взрослым работником.

Несомненно, что с усложнением семейного состава и повышением численности семьи увеличивается и число взрослых работников.

Семьи численностью 1—4 человека м. п. (1678 г.) или 2—6 человек об. п. (1717 г.) имели одного-двух взрослых работников

рой половине XVIII в. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. III. М., 1959, с. 209). В барщинных имениях Ф. В. Самарина (1817 г.) в разных губерниях 16—18-летние мужчины несли полтягла, а 18—60-летние — полное. В рязанской вотчине Гагариных (1813, 1817 гг.) юноши или женатые мужчины 16—18 лет облагались полутяглом, а женатые мужчины до 50 лет — полным, после чего тягло уменьшалось или снималось (Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, с. 206—207).

⁸⁵ К неполной рабочей силе отнесены и мужчины старше 60 лет.

⁸⁶ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 2.

Число работников в крестьянской семье по переписи 1678 г.

Число душ м.п.	Число семей	Преобладающий тип семьи	Число семей этого типа	Число мужчин-работников в семье									Без мужчин-работников		
				полных						неполных			полных	вообще	
				1	2	3	4	5	6	1	2	3			
1	142	Одинокие и супруги	142	136	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	5
2	258	Супруги и неженатые дети	187	164	86	—	—	—	—	—	31	—	—	3	5
3	260	Супруги и неженатые дети	151	113	118	28	—	—	—	—	51	3	—	1	—
4	139	Супруги и неженатые дети	67	31	39	61	35	2	—	—	30	2	—	1	1
5	96	Супруги и женатые сыновья и внуки	28												
		Супруги и неженатые дети	26	18	38	31	7	2	—	—	28	3	—	—	—
		Супруги, женатые сыновья и внуки	18												
6	59	Женатые братья и холостые дети	20	3	21	27	5	2	1	18	3	—	—	—	—
		Супруги, женатые сыновья и внуки	12												
7	23	Женатые братья и холостые дети	9	—	6	9	5	2	1	11	3	1	—	—	—
		Супруги, женатые сыновья и внуки	3												
8	15	Женатые братья и холостые дети	6	—	2	5	5	3	—	9	2	—	—	—	—
		Супруги с холостыми (женатыми) детьми и холостые (женатые) племянники	4												
9	5	Женатые братья и холостые дети	3	—	1	1	2	1	—	4	1	—	—	—	—
		Женатые братья с холостыми детьми и холостые племянники	—												
10	1	То же	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
11	1	»	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—
12	1	»	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—
Итого	1000			473	333	136	27	11	3					6	11

Число работников в крестьянской семье по переписи 1917 г.

Число человек обоого пола в семье	Число семей	Преобладающий тип семьи	Число семей этого типа	Число мужчин-работников в семье:									Без мужчин-работников	
				полных					неполных			полных	вообще	
				1	2	3	4	5	1	2	3			
2	30	Супруги	24	26	1	—	—	—	3	—	—	1	2	
3	48	Супруги и неженатые дети	43	39	5	—	—	—	12	—	—	3	1	
4	72	Супруги и неженатые дети	44	49	20	—	—	—	14	—	—	3	—	
		Супруги, женатые сыновья и внуки	13											
5	76	Супруги и неженатые дети	36	48	23	3	—	—	22	1	—	1	1	
		Супруги, женатые сыновья и внуки	22											
6	61	Супруги, женатые сыновья и внуки	15	15	34	12	—	—	14	3	—	—	—	
		Женатые братья и холостые дети	18											
7	32	Женатые братья и дети:		10	14	5	2	1	11	1	—	—	—	
		холостые женатые	8											
8	38	Женатые братья и женатые или неженатые дети	19	2	21	10	5	—	15	1	1	—	—	
		Супруги с холостыми (женатыми) детьми и холостые (женатые) племянники	8											
9	31	Женатые братья и холостые (женатые) дети	14	3	14	12	1	1	4	2	—	—	—	
		Супруги с холостыми (женатыми) детьми и холостые (женатые) племянники	8											
10	12	Женатые братья и холостые (женатые) дети	6	—	2	7	2	1	5	1	—	—	—	
11	7	Женатые братья и холостые (женатые) дети	6	1	1	4	1	—	3	—	—	—	—	
12	8	Женатые братья и холостые (женатые) дети	5	—	1	4	2	1	3	2	—	—	—	
13—19	12	Супруги, женатые сыновья и внуки	5	—	1	5	4	3	3	1	—	—	—	
Итого	428			193	137	62	17	7				8	4	

и состояли большей частью из супругов с неженатыми детьми. С увеличением численности семьи абсолютное число семей характерного типа понижается, и при численности 4 человека м. п. (1678 г.) и 5 человек об. п. (1717 г.) появляется новый тип «супруги, женатые сыновья и внуки».

В семьях из 5—7 человек м. п. (1678 г.) или 7—9 человек об. п. (1717 г.) было две-три пары рабочих рук, причем три взрослых работника более характерны для семей из 6—7 человек м. п. (1678 г.) и 8—9 человек об. п. (1717 г.), хотя они могли быть в семьях из 4 человек м. п. (1678 г.) и в семьях из 5 человек об. п. (1717 г.), например, типа «супруги, женатые сыновья и внуки».

Наряду с этим типом для таких семей (5—7 человек м. п. и 7—9 человек об. п.) характерен тип «женатые братья и неженатые дети». Абсолютное число семей характерных типов с укрупнением семьи также понижается.

Семья из 7—9 человек м. п. (1678 г.) и 10 и более человек об. п. (1717 г.) имели 3—4 пары рабочих рук, и переход к 4 взрослым работникам совершается при численности семьи в 8 человек м. п. и 13 человек об. п.

Здесь к характерному типу «женатые братья и холостые (женатые) дети» прибавляются семьи, состоящие из отцовской⁸⁷ или братской семьи с племянниками.

Таким образом, семьи монастырских крестьян в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. в зависимости от их состава и численности имели, как правило, одного — трех, реже четырех полных работников при одном неполном.

Естественно, что 65 дворов, которые по переписи 1678 г. имели подворников, часто не одиноких, а также семейных⁸⁸, располагали большим числом рабочих рук. Возникает вопрос, работали ли члены семьи подворника также на дворе хозяина или в своем хозяйстве, если имели таковое. Материалы переписи не дают ответа на этот вопрос. Возможно предположить, что глава семьи подворников и, быть может, один из его взрослых сыновей работали на дворохозяина.

Особого внимания заслуживают случаи, когда на подворье были свойственники или родственники главы двора. Например, в с. Коровичье крестьянин Ромка Семенов, семья которого насчитывала 6 человек м. п. и состояла из женатого сына Андрея с его сыном Борисом, 18-летнего сына Митки, Алексея 4 лет и Ивана 3 лет, имел на подворье зятя-калашника Никифора Игнатьева сына Жолуткова⁸⁹. Из родственников на подворье видим

⁸⁷ Отцовской мы называем семью из супругов с их малолетними или женатыми детьми.

⁸⁸ Среди 65 семей подворников 38 было одиноких, а 27 семейных, типы этих семей рассмотрены выше (см. § 2 главы I). Семьи подворников насчитывали 2—4 человека.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 1209, д. 14733, л. 281 об.

племянников («Во дворе Сидор Федоров..., у него ж на подворье живут племянники Симоновы дети: Матюшка двадцати, Васка семнадцати, Ивашка пятнадцати лет», или «Во дворе Гришка Андреев сын, у него братья Левка, Тихон пятнадцати лет, Софонко десяти лет, у Левки сын Оська полугоду. У него ж Левки племянник живет на подворье бобылек Фома Никиев сын, у него дети Моска двадцати, Родька десяти лет»⁹⁰) и даже братьев («Во дворе Крысанко Иванов у него на подворье бобылек брат ево Никита семи лет»⁹¹). Прием зятя в дом-двор оформлялся особым документом, который определял его права и обязанности. М. Островская называет эти записи «поемные, приемные, поступные, складные»; П. С. Ефименко — приемными записями и духовными завещаниями. Он же указывает, что «объем их (зятьев.— Е. Б.) прав обуславливается как приемным договором, так и степенью продолжительности труда их на пользу семьи»⁹². М. М. Богословский указывал, что юридические отношения, связывающие неродственников во дворе, выражались различными договорами⁹³. Из челобитной крестьянина Абросима Григорьева дер. Сидоровской Спасо-Нуромского монастыря от 12 мая 1684 г. на имя Симона, архиепископа вологодского и белозерского, явствует, что он в 1683 г. женился на крестьянке-вдове Авдотье Ивановой дочери, Матвеевской жене, «принялся» к ней во двор, и «меж нами с женой и с пасынком была запись»⁹⁴. Прием зятя в дом в качестве подворника еще более подчеркивает договорный характер отношений с семьей, его принимающей, и указывает на приобретение семьей работника.

Вероятно, само положение племянников и братьев в качестве подворников также оформлялось договором на тех или иных условиях, например отработать свой прокорм по достижении совершеннолетия и т. п. Можно предположить, что родственники на подворье свидетельствуют о глубоком разложении в институте семьи большесемейных традиций.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, д. 14733, лл. 106 об., 115.

⁹¹ Там же, л. 281 об.

⁹² *Островская М.* Указ. соч., с. 42; *Ефименко П. С.* Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии.— В кн.: Сборник народных юридических обычаев, т. II. СПб., 1900, с. 214—215.

⁹³ *Богословский М. М.* Указ. соч., т. 1, с. 155.

⁹⁴ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 42, л. 1.

ХОЗЯЙСТВО КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА

1. Обеспеченность крестьянских хозяйств
наделной землей

Прямая зависимость между числом рабочих рук в семье-дворе и размером поднимаемой пашни возможна в условиях свободного освоения земель, например, при хозяйственной колонизации района вообще или отдельных местностей вотчинной территории¹.

В исследуемое время, когда вотчинное хозяйство достигло в старых районах освоения определенного стабильного развития, такая прямая зависимость перестала быть постоянной.

Имевшиеся в крестьянском дворе рабочие возможности для увеличения земельного надела ограничиваются, во-первых, пределом удобных для распашки земель в каждом данном районе, во-вторых, стремлением мирской организации сдержать мобилизацию земель в немногих руках и, в-третьих, позицией и интересами феодала-землевладельца². В XVII в. владение землей было для крестьянина уже не правом, а обязанностью. «Он нес тягло не по земле и угодьям, т. е. не по тому участку, который он хотел бы и находил целесообразным иметь в своем хозяйстве, а, наоборот, по «силе», своей личной и своей семьи³, по усмотрению землевладельца, и в соответствии с этим владел тем или иным количеством земли. В поместьях и вотчинах служилых землевладельцев и в церковных и монастырских владениях это за-

¹ *Образцов Г. Н.* Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI—XVII вв.— «Исторический архив», 1953, т. VIII, № 37, 38, 40, 46, с. 138, 139, 140—141, 146. Это четыре порядные на монастырские земли «на пустое место в Черный лес», каждая сроком на 10 лет. Три из них относятся к 1666 г., а четвертая — к 1668 г. Порядчики обязывались «тот Черной лес... розпахать годные места по силе, севчие земли и пожни, где годно рожницать».

² ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 99; карт. 8, д. 65; ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 73 (212), л. 131.

³ С. Б. Веселовский признаками силы, или зажиточности и тяглоспособности называет «семейный состав хозяйства, размеры запашки, количество земли и угодий вообще, промыслы и т. д.» (*Веселовский С. Б.* Сошное письмо, т. II. М., 1916, с. 345). А. Д. Горский под силой двора понимает число рабочих рук, наличие рабочего скота и «вообще его хозяйственную исправность» (*Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 149).

висело всецело от землевладельцев»⁴. Но вотчинник, несомненно, учитывал рабочий состав двора, обеспеченность его инвентарем и скотом, облагая крестьянина на том или ином наделе. В XVII в. под двором «как субъектом владения» понимался «ряд преемственно связанных поколений»⁵, проживавших в нем, и потому надел крестьянского двора переходил из поколения в поколение. Случаи такой «наследственной» связи крестьян с одним и тем же наделом проследил для XV—XVI вв. Ю. Г. Алексеев, отметив при этом, что и при смене вотчинника сохраняется «слой старинных наследственных или многолетних держателей одних и тех же участков»⁶. Однако все сказанное не означает, что в исследуемое время размеры крестьянских наделов оставались вовсе неизменными. В зависимости от силы двора, вмешательства вотчинника или других обстоятельств крестьянская пашня могла увеличиваться или уменьшаться.

Состояние крестьянского землевладения в конце XVII в., т. е. размеры земельных наделов монастырских и архиерейских крестьян, рассмотрены главным образом на основе сведений хозяйственных переписей Спасо-Прилуцкого монастыря за 70-е, 80-е и 90-е годы. Были привлечены представляющие немалый интерес содержащимися в них весьма ценными конкретными сведениями книги житников монастыря за 1675, 1684 и 1693 гг.^{6а} В двух последних «писано, что за кем за крестьяны земли в ближних и дальних селах и во всех ключах, с чего принимать монастырские ядреца и крупы», а в книге 1675 г. «писан расход монастырскому хлебу овсу по крестьяном на крупу и на ядро про монастырский обиход и на всякие расходы». Книги монастырских житников охватывают девять из одиннадцати ключей⁷. В них отсутствуют с. Домшипо с девятью деревнями в Водожской воло-

⁴ *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, с. 38.

⁵ *Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян.— «Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества», 1902, т. II, вып. 2, с. 204.

⁶ *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966, с. 102—103.

^{6а} ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 66, лл. 69—87; ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10; ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1. Ключ в административном отношении представлял собой село с тянувшими к нему несколькими деревнями. Вероятно, этот термин восходит к более раннему времени, когда монастырские слуги получали «в ключ» ряд селений и доходы, шедшие с них в качестве жалованья за службу (*Тихомиров М. Н.* Монастырь-вотчинник в XVI в.— «Исторические записки», 1938, т. 3, с. 154).

⁷ Подмонастырский ключ — село и 18 деревень, 32½ выти, Велкорецкий ключ — 15 деревень, 17½ выти, Сергиевский ключ — село и 7 деревень, 19¾ выти, Оларевский ключ — 6 деревень, 6½ выти, Лоптуновский ключ — 6 деревень, 9¾ выти, Бурдуковский ключ — село и 4 деревни, 9 вытей, Ивановский ключ — село и 4 деревни, 8¼ выти, Погодаевский ключ — село и 3 деревни, 3¼ выти, Богородский ключ — село и 2 деревни, 7½ выти. Всего 114⅔ выти.

сти и с. Глубокое с семнадцатью деревнями в Вотчинской волости Заозерской половины. Крестьяне этих сел не выделявали крупу, так как, вероятно, вместо этого несли дровяную повинность⁸.

Книги представляют собой поименную перепись крестьян по ключам, а в них — по деревням с указанием доли выты за каждым из крестьян. В них указано и число вытей по каждой деревне.

Известно, что выть была окладной единицей и имела реальные размеры, выраженные в четвертях⁹. В. О. Ключевский понимает выть как податную единицу земельной меры, которой определялось пространство пахотной земли¹⁰. С. Б. Веселовский выяснил ее происхождение, районы распространения и историческую судьбу. Он установил также фискальное назначение и определил выть как окладную и раскладочную единицу. К районам распространения выты С. Б. Веселовский относил черные волости Поморья и соприкасающиеся с ними уезды, в том числе Вологодский¹¹. Из таблицы, составленной С. Б. Веселовским, следует, что размер выты в Вологодском уезде не отличался от ее размеров по другим уездам. В черных, дворцовых и служилых землях в зависимости от качества земли она равнялась 12, 14 или 16 четям, а в монастырских и церковных — 10, 12 и 14 четям¹². Хозяйственные и писцовые описания земель исследуемого района характеризуют их качество чаще всего как среднее¹³, и, следовательно, на выть во владениях Спасо-Прилуцкого монастыря приходилось 12 четв. земли в одном поле. Именно к этой цифре для первой половины XVII в. приходит в своих расчетах и Л. С. Прокофьева¹⁴.

Из челобитной крестьян с. Паринцына архимандриту Исайе (1672—1678 гг.) узнаем, что они пахали «монастырской земли без четвертухи пять вытей»¹⁵. Характерно, что сами крестьяне

⁸ ГАВО, ф. 512, д. 135, лл. 10 об., 13; д. 141, л. 11 об.; д. 150, л. 7 об.

⁹ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. 1. М., 1909, с. 130; *Седашев В. Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912, с. 66—67.

¹⁰ *Ключевский В. О.* Курс русской истории, ч. 2.— Соч., т. II. М., 1957, с. 292.

¹¹ *Веселовский С. Б.* Сошное письмо, т. I. М., 1915, с. 50, 106; т. II, с. 443, 448, 452—456. Деревни Спасо-Прилуцкого монастыря, например находящиеся в Глубоковском ключе, непосредственно граничат с черной Вохтомской волостью Каргопольского уезда (ГАВО, ф. 512, д. 183, лл. 40—43 — спорное дело с приложенным к нему планом сенокосных покосов с. Глубокое с черными крестьянами Вохтомской волости, которые «вступили за оную писцовую межу», и во владениях монастыря «подсеки секут и рожь сеют»; см. также ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1241).

¹² *Веселовский С. Б.* Сошное письмо, т. II, с. 657.

¹³ ЦГАДА, ф. 1209, д. 68; ГБЛ, ф. 354, д. 117.

¹⁴ *Прокофьева Л. С.* Вотчинное хозяйство в XVII в. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.—Л., 1959, с. 28—29, 32.

¹⁵ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 258, л. 27. Дата на этой челобитной отсутствует, она датирована временем архимандритства Исайи (1672—1678). В 1671 г.

определяют размер барской запашки в вытях. «Про монастырский обиход» было высеяно 52 четв. овса «в большую меру» на площади в 26,25 дес. Отсюда на одну выть приходилось (26,25 : 4,75 = 5,5 дес.) около 6 дес., или 12 четв. в поле. Следовательно, выть в Спасо-Прилуцком монастыре выступала как земельная мера и ее размер в течение всего XVII в. оставался равным 12 четв.

Поземельная суть выти, отраженная в соответственном тяглом окладе, позволяет считать доли выти, значащиеся за каждым из крестьян по крупяным книгам, не только как размер вытного тягла, но и как величину тяглого надела.

В упомянутых книгах житников переписаны 455 в 1675 г.¹⁶, 467 — в 1684 г. и 497 — в 1693 г. крестьянских наделов в 6 селах и 64 деревнях.

Число вытей земли на всю деревню в целом с 1675 по 1693 г. не изменилось и оставалось таким же. В 14 деревнях было менее одной выти в каждой, в 16 — по одной выти, в 11 — свыше одной и менее двух вытей, в 18 деревнях — по две, в 4 — по три выти, в 3 деревнях — до четырех вытей, в 2 — по пять вытей, в 1 деревне — две с половиной выти, в 1 — четыре выти, и еще в 1 деревне — 5 вытей.

Наиболее характерная мера земли, приходящаяся на деревню, — это 1—2 выти. Во всех деревнях в среднем на один двор приходилось от 2 до 4 четв. земли в поле. Для того, чтобы определить наиболее характерные размеры земельных участков для крестьянских дворов изучаемого периода, рассмотрим конкретно, какими они были в различных местах монастырской вотчины.

Сгруппировав по ключам данные из крупяных книг (см. табл. 13), видим, что в деревнях всех ключей и сел преобладал надел, равный 3 четв. в поле ($\frac{1}{4}$ выти). Крестьянские хозяйства с таким наделом составляют 54,8% от всех хозяйств в 1675 г., 51,4% — в 1684 г. и 45,9% — в 1693 г. Очень распространены были пахотные наделы в полторы четверти — 11,6% в 1675 г., 17,1% в 1684 г., 20,1% в 1693 г. и две четверти — 14,1% в 1675 г., 11,8% в 1684 г. и 16,1% в 1693 г. ($\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{6}$ выти). Итак, 80% всех хозяйств по книгам трех лет имели от $\frac{1}{2}$ до 3 четв. земли в поле; как видим, несколько меньше полученной средней на двор.

Кроме крестьян, пахавших именно такие часто встречающиеся наделы, в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря имелось 14,3%

монастырская пашня в с. Паринцыне составляла 4 дес. в одном поле (ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 162, л. 78), и потому эту челобитную вероятнее отнести к концу пребывания Исаии архимандритом.

¹⁶ В книге 1675 г. нет дер. Сычово — 5 вытей и дер. Заречье — $\frac{3}{8}$ выти. Отсутствие размеров крестьянских наделов по ним не влияет в целом на характер их распределения.

Распределение земельных наделов у крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря по книгам 1675, 1684 и 1693 гг.

Размеры крестьянских наделов			1675 г.		1684 г.		1693 г.	
в вытях	в чет-вертях	в деся-тинах	крестьян-владель-цев	%	крестьян-владель-цев	%	крестьян-владель-цев	%
	12	6	1	0,2	—	—	—	—
$\frac{3}{4}$	9	4,5	5	1,1	2	0,4	2	0,4
$\frac{5}{8}$ с $\frac{1}{10}$	8,25	4,125	—	—	1	0,2	—	—
$\frac{1}{2}$ с $\frac{1}{8}$	7,5	3,75	1	0,2	—	—	—	—
$\frac{1}{2}$	6	3	25	5,5	26	5,6	17	3,4
$\frac{3}{8}$	4,5	2,25	19	4,2	24	5,1	31	6,2
$\frac{1}{3}$	4	2	21	4,6	22	4,7	19	3,8
$\frac{1}{4}$ с $\frac{1}{16}$	3,75	1,875	1	0,2	3	0,7	—	—
$\frac{1}{4}$	3	1,5	249	54,8	240	51,4	228	45,9
$\frac{1}{8}$ с $\frac{1}{16}$	2,25	1,125	10	2,2	6	1,3	14	2,8
$\frac{1}{6}$	2	1	64	14,1	55	11,8	80	16,1
$\frac{1}{8}$	1,5	0,75	53	11,6	80	17,1	100	20,1
$\frac{1}{12}$	1	0,5	5	1,1	6	1,3	5	1,1
$\frac{1}{16}$	0,75	0,375	1	0,2	1	0,2	1	0,2
$\frac{1}{24}$	0,5	0,25	—	—	1	0,2	—	—
Итого			455	100%	467	100%	497	100%

в 1675 г., 15,9% в 1684 г. и 13,4% в 1693 г. хозяйств с запашкой в 4—6 четв. в поле. Процент хозяйств, возделывавших как более крупные участки в 8—9 четв., так и более мелкие в $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ четв., крайне незначителен, соответственно 1,3% и 0,2% в 1675 г., 0,7% и 0,5% в 1684 г., 0,4 и 0,2% в 1693 г.

Следовательно, в 70—90-е годы XVII в. массив земель, отведенных монастырем в надельное пользование крестьянам, в целом был постоянным, а их обложение не подвергалось изменениям. Запашка крестьянских хозяйств, положенная в вытный оклад, колебалась в пределах от 6 до $1\frac{1}{2}$ четв. Выделяются три группы типичных наделов — 3, 2 и 1,5 четв. ($\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{8}$ выти). Половина же всех хозяйств имела надел, равный 3 четв. в поле.

За двадцатилетие с 1675 по 1693 г. коренных изменений в размерах крестьянских наделов не произошло. Преобладали участки в 3, 2, 1,5 четв., но процентное соотношение между ними изменилось. Число крестьян, пахавших 3 четв. и обложенных в $\frac{1}{4}$ выти, за это двадцатилетие уменьшилось (с 54,8 до 45,9%), а крестьян, плативших с $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$ выти, стало больше

(соответственно с 14,1 до 16,1%, с 11,6 до 20,1%). Уменьшилось и число крестьян, пахавших от 4 до 6 четв. (с 14,3 до 13,4%). Группы крайних наделов в 8—9 четв. уменьшились в 3 раза (с 1,3 до 0,4%), а в $\frac{3}{4}$ — $\frac{1}{2}$ четв. осталась без изменений.

Характерно, однако, что за это двадцатилетие при определенной тенденции к мелчанию участков не наблюдается усиления поляризации¹⁷, т. е. число очень мелких участков (меньше 1 четв.) и очень крупных (8—9 четв.) не растет, а крупных даже сокращается. Происходит как бы усреднение крестьянского надела, и значит, крестьян, плативших с $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ выти, становится меньше, а крестьян, пахавших шестыны и осьмухи, — больше. В целом же при сохраняющемся неравенстве наделов за двадцатилетие с 70-х по 90-е годы XVII в. номинальные размеры пахотных тяглых участков крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря в принципе не менялись, и преваляровали наделы в $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{16}$ выти. Устойчивость основных размеров наделов в этот период свидетельствует, на наш взгляд, о некоторой стабильности развития крестьянского хозяйства.

Вслед за данными по Спасо-Прилуцкому монастырю посмотрим, как выглядели крестьянские наделы в вотчине архиепископа вологодского и белозерского, одного из крупных феодалов в уезде, в собственности которого находилось более двухсот деревень, где жило около двух тысяч крестьян.

В 1702—1703 гг. была проведена стольником В. И. Кошелевым перепись архиепископских владений. Она была вызвана общим описанием монастырских и церковных вотчин в связи с передачей их по указу от 31 января 1701 г. в ведение восстановленного Петром I Монастырского приказа¹⁸. Целью переписи был наиболее полный учет доходов духовных феодалов.

Каждое из сел вотчины вологодского архиепископа с относящимися к нему деревнями и расположенные в разных волостях Вологодского уезда были переписаны отдельно, но в одном порядке. Этот порядок описания был обусловлен наказом Монастырского приказа, разосланного переписчикам на местах¹⁹. Учету подлежали вся церковная утварь, одежда, книги, казна, а также акты, на основании которых монастырь или архиепископский дом владел своими землями и деревнями. Основной упор при переписи делался на выяснение всех статей дохода в церковной вотчине. Перепись хозяйства и владений Вологодского архиерейского дома была проведена в октябре 1702 г. Непосредственно в селах и деревнях приказчики собирали сведения о размере домового за-

¹⁷ К выводу об отсутствии пауперизма среди подавляющей части общинников и о преобладании средних слоев крестьянства в помещичьих имениях Центральной России пришел В. А. Александров (*Александров В. А. Сельская община в России (XVII—начало XIX в.)*. М., 1976, с. 237—239).

¹⁸ ПСЗ, т. IV, № 1834, с. 139—140.

¹⁹ ГАВО, ф. 512, д. 167, лл. 5—10 об.; ф. 496, д. 11, лл. 1—2.

пашки, если таковая была, или о величине денежных и натуральных сборов с крестьян, а также о количестве имевшихся в амбарах запасов: хлеба, рыбы, икры, масла и пр. Учтен денежный оброк, собираемый в казну Вологодского архиерейского дома с крестьянских мельниц и с разрабатываемых крестьянами пустошных участков. Далее эта перепись по каждой из деревень вотчины отразила изменения в численности дворов, произошедшие за период с 1678 по 1702 г., показала размеры земельных угодий, значившихся за деревней по писцовому описанию 1628—1630 гг., а также размеры вытного обложения к моменту переписи 1702—1703 гг. Сведения переписи позволили выяснить, во-первых, размер надела и тяжесть обложения каждого крестьянского двора, во-вторых, порайонное распространение в данной вотчине видов феодальной ренты и удельный вес (по числу отбывавших дворов) каждого из ее видов.

Перепись В. И. Кошелева охватывает 202 деревни с общим числом дворов 1669. В Ракульской, Тошешской, Брюховской и Лоскомской волостях было 35 деревень с 240 дворами в них, в Засодимской волости за Кубенским озером — 40 деревень с 242 дворами и на Лежском волоке — 169 деревень и 1187 дворов. В переписи содержатся сведения о числе дворов по каждой деревне на момент переписи, а также названо, сколько их было по подворной переписи 1678 г. и сколько прибыло за истекший промежуток времени. Затем показана обеспеченность каждой деревни землей и угодьями по писцовым книгам 20-х годов XVII в. Кроме того, дан размер вытного оклада для каждой деревни на момент переписи.

Характерно, что данные о земле и угодьях показаны не по писцовому описанию 80-х годов XVII в., а по писцовым книгам 20-х годов XVII в. (1628, 1629 и 1630 гг.), хотя к началу XVIII в. их сведения и реальное соотношение пашни, паханой, под перелогом и заросшей лесом явно претерпели изменения.

Описание 80-х годов XVII в. в Вологодском уезде началось 15 декабря 1684 г., и, возможно, к 1 августа 1686 г. были описаны и обмежеваны не все трети и волости уезда, а также и не все целиком владения Вологодского архиерейского дома, разбросанные в разных местах. Порядок описания деревень в 1686 г. осуществлялся по принципу территориального соседства²⁰. Можно думать, что незавершенность описания и была одним из обстоятельств, побудивших перепись 1702 г. обратиться к более раннему, но полному и подробному документу.

В переписи 1702—1703 гг. сведения из писцовых книг 20-х годов XVII в. приведены в определенном порядке. Сначала указана культурная земля — пашня: паханая, потом — под перелогом и лесом поросшая, измеряемая в четвертях, затем угодья: лес пашенный и непашенный в десятинах и сено в копнах. Однако

²⁰ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1937, с. 130.

размеры пашенных земель даны для разных деревень по-разному. Так, например, почти по всем деревням Лежского волока все три категории земель, т. е. пашня паханая, под перелогом и поросшая лесом, объединены и названо лишь общее количество земли под ними. Из 35 деревень Засодинской волости в 24-х сделано так же, как на Лежском волоке, т. е. дана общая цифра по всем видам пашни, а в 11 остальных названы размеры каждой категории пашни в отдельности. В Брюховской и Лоскомской волостях приведены еще более общие цифры. К данным по пашенным землям прибавлены сенные покосы «и со всеми угодьями». Шесть из семи деревень с. Анапшина в Пуркаловском околородье Тошенской волости и три из 11 деревень с. Ивановского в Ракульской волости имеют отдельные данные по всем землям и угодьям. В целом в переписи оказалось 20 деревень, по которым имеются сведения о размере пашенных и непашенных земель, по каждому виду в отдельности: занятые под пашней, оставленные в перелог недавно и оставленные давно, уже успевшие зарости лесом.

Размеры надела каждого крестьянского двора в переписи отсутствуют. Однако возможно вычислить его среднюю величину для каждой деревни. Средняя цифра, вычисленная на деревню, будет более точной, чем встречающиеся в литературе средние, выведенные по всей вотчине или тем более по уезду в целом²¹.

Период, который подытожила перепись 1702—1703 гг., был для архиепископской вотчины периодом интенсивного хозяйственного освоения земель. Особенно заметно этот процесс шел на плодородных землях волости Лежский волок. Здесь, по данным Я. Е. Водарского, в период с 1647 по 1678 г. возникло 40 новых селений²². Внутренняя колонизация земель вотчины продолжалась и в последней четверти XVII в., когда (уже после переписи 1678 г.) вновь возникло 32 почишка «к деревням». Освоение земель внутри вотчины в течение всей второй половины века шло равномерно, возникало по одному-двум почишкам в год. 36 почишков стали деревнями, о 18 из них сказано, что они возникли «после писцов», т. е. после 1646 г. Перепись 1702—1703 гг. указывает, на каких землях появились новые поселения. Из 18 почишков, образовавшихся после 1646 г., 11 возникли на отхожих лугах и пожнях, пять на поверстном (или «четвертном») лесу²³ и два на «четвертной» пашне (земле)²⁴. Из 32 поселений, поставленных после 1678 г., лишь одно (3,15%) появилось на лугах,

²¹ Готье Ю. В. Указ. соч., с. 504—512.

²² Водарский Я. Е. Сельское население Вологодского уезда во второй половине XVII в.— В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, с. 433.

²³ «Четвертной» лес, т. е. лес, измеренный четвертями и представляющий собой по классификации писцовых книг пашню, поросшую лесом; поверстный лес, измеряемый верстами.

²⁴ «Четвертная» земля, т. е. земля, пригодная для пашни, в данном случае, по-видимому, перелог, пущенный в хозяйственный оборот.

12 (37,5%) на поверстном лесу, 14 (43,7%) на четвертной папше и 4 (12,5%) на пустошах, место возникновения еще одного не указано. Таким образом, распахивание отхожих лугов и создание на них деревень, по-видимому, к последней четверти XVII в. заканчивается. Для последнего двадцатипятилетия XVII в. характерно уже освоение четвертных земель и леса. В это же время заметно увеличилось и число крестьянских дворов (на 39,7%). Во всей волости Лежский волок прибавилось 474 двора. К 1702 г., как уже говорилось, в Лежском волоке насчитывалось 1187 дворов.

В другом, наименее благоприятном для земледелия, районе архиепископской вотчины — Засодимской волости — было 40 деревень с 242 дворами, из них только 5 (12,5%) деревень, вновь образовавшихся. Прирост дворов по сравнению с Лежским волоком здесь менее значителен, число их увеличилось на 21 двор, что составляет 8,7% от всего числа дворов архиепископских крестьян Засодимской волости. Но и в этом северном районе вотчины шла частичная распашка земель, бывших в перелог.

Сравнивая показатели «папши паханой» писцовых книг и окладной папши по 11 деревням Засодимской волости, видим, что в шести деревнях окладная папша оказалась больше паханой и в них, хотя и не полностью, вводилась в оборот земля из перелога. Например, в дер. Тенково (11 дворов) из 12 четв. перелога около 8 четв. находилось в обороте, в дер. Заречье (7 дворов) был распашан весь перелог (3 четв.), в дер. Борисовское (13 дворов) из 7 четв. — в распашке 5 четв., в дер. Романцово (2 двора) из 6 четв. перелога — в распашке 3 четв. В двух деревнях — Даниловской (11 дворов) и Юрьцево, или Олябышево (4 двора) размеры папши паханой и окладной одинаковы, перелог здесь не распахивается, а, видимо, используется как выгон, хотя вполне возможно, что крестьянские семьи имели на этих землях рощи, не положенные в тягло. В дер. Брянцево (7 дворов), Золотово (6 дворов), Копшино (5 дворов) окладная папша была меньше паханой (на 3, 2, 8 четв. соответственно по деревням). В этих деревнях имелся еще небольшой резерв земли помимо переложных и лесом поросших участков. Поэтому перелог здесь, очевидно, еще не распахивали.

В этой связи возникает вопрос, насколько правильно то соотношение количества земли, которое писцовые книги дают как папшу паханую, с действительно обрабатываемой землей. Поднималась ли вся земля, названная в писцовых книгах, ежегодно ли поднималась, или все-таки обрабатывалась только какая-то ее часть? Другими словами, насколько реальны цифры папши паханой именно как пахотной площади. «Под папшей паханой книги второй половины XVI в. и первой половины XVII в. подразумевают участок папши, состоящий в окладе», — говорит Ю. В. Готье²⁵.

²⁵ Готье Ю. В. Указ. соч., с. 141.

Но мы видим, что в трех вышеназванных деревнях размеры пашни паханой и окладной не совпадают, а уменьшение последней может означать, что часть земель пашни паханой не возделывалась. Число дворов в этих деревнях с 1678 г. не изменилось. Трудно предположить, что с конца 20-х годов и до последней четверти XVII в. оно резко уменьшилось при общем хозяйственном подъеме, наблюдавшемся в России и не миновавшем, как мы видели, владений вологодского архиепископа. Более закономерна для этого времени как раз дальнейшая распашка и освоение перелога. Вообще сопоставление размеров пашни паханой с числом дворов в деревне и с нормами запашки на двор²⁶ наталкивает на мысль, не являлась ли цифра пашни паханой величиной в какой-то мере условной²⁷, учитывающей как дальнейшее развитие земледелия, так и возможное свертывание его. Такое предположение кажется возможным еще потому, что писцовые книги составлялись на длительный промежуток времени и должны были учитывать перспективность или отсутствие перспективности каждого района на этот период.

Итак, в различных районах архиепископской вотчины с разной степенью интенсивности пло дальнейшее освоение земель, а именно: распашка лугов и перелогов.

Обратимся к выяснению размеров наделной земли на двор у архиепископских крестьян (см. табл. 14).

Таблица показывает среднее количество земли, приходящееся на двор в двадцати деревнях, для которых, как выше уже говорилось, имеются сведения по каждому виду пахотных земель в отдельности (под пашней паханой, под перелогом и заросшей лесом). По каждой из категорий этих земель мы вывели средние показатели на двор, а также среднюю на двор под пашней и перелогом вместе, исходя из того соображения, что перелогом уже в большей или меньшей степени распахивались. Зная вытпый оклад по каждой деревне, возможно определить, с какого числа четвертей земли он брался, считая, что выть равнялась 12 четв. в поле. Таким образом, было получено число, показывающее средний надел земли в четвертях на двор, исходя из вытного оклада. Сравнение этих средних (пашня паханая и из вытного оклада) показывает, что эти величины приблизительно одинаковы и дают вполне реальное представление о среднем крестьянском подвор-

²⁶ В. О. Ключевский для XVI в. средней нормой запашки крестьянского двора признавал 5—10 дес., к концу XVII в.— 3—4,5 дес. (*Ключевский В. О. Соч.*, т. II, с. 303). А. Д. Горский обычным для XV в. считает средний надел, равный 5 дес. в одном поле (*Горский А. Д. Указ. соч.*, с. 160). Н. А. Рожков для 70—90-х годов XVI в. считал нормальным на Севере размер пашни на двор 2—3 четв. (*Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М.*, 1899, с. 200).

²⁷ Об условности цифр пашни паханой при посопном обложении говорил С. Б. Веселовский (*Веселовский С. Б. Сошное письмо*, т. I, с. 22; т. II, с. 359, 361).

пом паделе в архиепископской вотчине. В восьми из двадцати деревень (40%) падельной земли на двор приходилось от 2 до 3 четв. в поле, в четырех деревнях (20%) — от 1½ до 2 четв. и в четырех же (20%) — от 3 до 4 четв. Есть также четыре деревни — Щукарево, Романцово, Золотово и Кошшино, — где полученные сравниваемые средние не совпадают. В дер. Щукарево не сохранилась из-за дефектности текста цифра перелого, а в трех последних при большой цифре пашни пахашой распахивать перелог не было необходимости.

В целом же анализ данных позволил, хотя и очень огрубленно, установить, что в вотчине вологодского архиепископа и в Спасо-Прилуцком монастыре размеры крестьянских наделов были примерно одинаковыми. Причем как для тех, так и для других крестьян наиболее характерными были наделы в 4,5—9 четв. (2,25—4,5 дес.) в трех полях.

Для первой четверти XVIII в. размеры крестьянских наделов можно определить, главным образом, на основании актового материала. Так, в 1704 г. крестьянка, вдова Ирина Козьмина из дер. Кожевниково Спасо-Прилуцкого монастыря, прося разделить хозяйство между нею и ее пасынком, сообщила, что у них было «в повытье пахотные земли полторы осьмухи»²⁸, т. е. 6,75 четв. У засодимца дер. Шейкино Лариона Иванова в 1709 г. был «тяглый повыток осьмина», т. е. 4,5 четв. Крестьянка, вдова из дер. Большая Мурга Засодимской волости Прасковья Федотова дочь имела падельной земли в трех полях 3 четв.²⁹ Крестьяне дер. Тенково той же волости Павел Тимофеев и Иван Степанов, обменявшиеся в 1711 г. наделами, тяглой земли имели соответственно 4,5 четв. и 3,4 четв.³⁰ Крестьянка Инокентьева монастыря Пелагея Филипова в том же 1711 г. посеяла на двух четвертях рожь, на двух же четвертях 4 четв. овса и имела всего земли 6 четв.³¹ Архиепископский крестьянин дер. Александрово Кубенской волости Савелий Кондратьев до 1716 г. имел земли 2,5 осьмухи, или 11,25 четв., а «пыне ... пахать ему ту землю печем»³². В 1719 г. овдовевшая крестьянка архиепископской дер. Бубново подгороднего села Белого жаловалась на своих двух пасынков, сославших ее со двора, и сообщила, что после смерти мужа осталось «насеянного хлеба ржи три четверти, овса десять четвертей, пшеницы полосьмпы, семени льяного полосьмины»³³, т. е. было засеяно 9 четв. Полагая, что под паром лежало 4,5 четв. получаем земельный надел, равный 13,5 четв. У крестьянина Спасо-Каменного монастыря дер. Филино в Кубенской волости

²⁸ ГАВО, ф. 496, д. 140, л. 17.

²⁹ ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 26, л. 7.

³⁰ ГАВО, ф. 496, д. 323, л. 38.

³¹ Там же, ф. 512, д. 167, л. 12.

³² Там же, ф. 496, д. 488, л. 4.

³³ Там же, д. 610, л. 198 об.

Величина среднего надела па двор в вотчине вологодского архиепископа в 1702—1703 гг. по переписи стольника Василия Ивановича Кошелева

Волость	Деревня	Число дворов в 1702 г.	Количество земли по писцовым 1630 гг., в чет	
			пашня паханая	перелог
Топешская	Якимцово	10	осьмина с четвериком	29 с четвериком
	$\frac{2}{3}$ Левково	10	четверть без полусосьмины	20 с полусосьминой
	Ошомково с пустошью Овечкино	6	6 с осьминой	20
	Горшково	7	—	15
			полосьмины с четвериком	10 с полусосьминой без полчетверика
Ракульская	Ивашково	9	7 с осьминой	15
	$\frac{1}{2}$ Спирино	3	8 с осьминой	—
	Щукарево	8	3	—
	с пустошью Билдино	—	1 чет с осьминой	—
Александрово	13	10	9	
Засодинская	Тенково	11	26 с осьминой	12
	Заречье	7	9	3
	Борисовское	13	25	7
	Даниловская	11	28	4 с осьминой
	Романцово	2	4	6 с осьминой
	Куницыно	3	4	6
	Брянцево	7	24	6
	Золотово	6	20	12
	Юрьецево, Олябышево тож	4	12	4 с осьминой
	Коншино	5	26 с осьминой	12
	Головково	7	20	8
Шейкино, что была пустошь	4		9*	
Итого	146	236	184	

* пашня и перелог

книгам 1628— вертях	Среднее количество земли на двор, в четвертях		Оклад на 1702 г., в вытях	Среднее количество земли на двор из вытного оклада, в четвертях
	лесом поросло	под пашней и перелогом		
20 с осьминой	2,97	2	2	2,4
10	2,1	1	2	2,4
11	4,4	1,8	1,5	3,0
15	2,5	2,5	—	—
11 с полутрет- ником	1,55	1,6	1	1,7
25	2,5	2,8	1,5	2,0
—	2,8	—	5 осьмаков	2,5
—	0,56	—	1,5	2,25
10	—	—	—	—
5 с осьминой	1,5	0,4	1,5	1,4
8	2,6	0,7	2 выти, 7 осьмаков	3,1
2	1,7	0,3	1	1,7
10	2,5	0,8	2 выти, 4 осьмака	2,3
5 с осьминой	2,9	0,5	2 выти, 3 осьмака с третью	2,6
3 с осьминой	5,2	1,75	5 осьмаков	3,75
4	3,3	1,3	4 осьмака	2
10	4,3	1,4	1 выть, 6 осьмаков	3
8	5,3	1,3	1,5	3
6	4,1	1,5	1	3
8	7,7	1,6	1,5	3,6
12	4,0	1,7	2	3,4
40	2,2	10	4 осьмака	1,5
225 с полутрет- ником			30	

Таблица 15

Величина среднего надела на двор в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря

Деревня	Число дворов	Пахотной земли, в вытах	Сена, в возах	В среднем на двор	
				земли, в вытах	сена, в возах
Хватуново	2	$\frac{1}{2}$ с $\frac{1}{3}$	25 **	$\frac{1}{4}$ с $\frac{1}{16}$	12,5
Зеленая	2	$\frac{1}{2}$ с $\frac{1}{3}$	30	$\frac{1}{4}$ с $\frac{1}{16}$	15
Филинская	1	$\frac{1}{8}$	10	$\frac{1}{8}$	10
Верхнее	2	$\frac{1}{2}$ с $\frac{1}{8}$	27	$\frac{1}{4}$ с $\frac{1}{16}$	13,5
Козминская	2	$\frac{1}{2}$	20 **	$\frac{1}{4}$	10
Пархачевская	1	$\frac{1}{2}$ *	15	менее $\frac{1}{2}$	15
Избное	1	$\frac{1}{4}$	10	$\frac{1}{4}$	10
Кремлево	1	$\frac{1}{2}$ *	15	менее $\frac{1}{2}$	15
Тундриха	1	$\frac{1}{2}$ *	10	» $\frac{1}{2}$	10
Итого	13	$3\frac{1}{2}$ с $\frac{1}{8}$	162	$\frac{1}{4}$ с $\frac{1}{32}$	12,5

* «пахотная земля полвыти жила и пуста».

** «а сверх того косим по полянкам и по дубровам».

Андрея Яковлева сына Новожилова к 1723 г. было посеяно озимой ржи 2 четв.³⁴, а наделной земли было около 7 четв. У его брата Михайла, который «разделился жить в особой дом на тяжелой же жеребей назад тому лет с шестнадцать», к 1723 г. посеяно ржи 1 четв.³⁵, а земли было около 3,5 четв.

Ведомость мирского старосты с. Глубокое Спасо-Прилуцкого монастыря от 1721 г. дает представление о наделах крестьян в девяти деревнях Спасского прихода. Она по каждой из деревень показывает число дворов, количество пахотной наделной земли в долях выти и число возов сена³⁶ (см. табл. 15).

Шесть из тринадцати дворов имели по 11,25 четв. земли или $\frac{1}{4}$ с $\frac{1}{16}$ выти, три двора — 9 четв. или $\frac{1}{4}$ выти, 1 двор — 4,5 четв. или $\frac{1}{8}$ выти. Три двора, о которых сказано, что у них земли «полвыти жила и пуста», имели менее 18 четв., но, видимо, более 11,25 четв.

Следовательно, в первой четверти XVIII в. крестьянские наделы продолжали сохраняться в тех же размерах, что и в последней четверти XVII в. Они колебались от минимальной величины в $\frac{1}{12}$ выти (3 четв. в трех полях) до $\frac{3}{8}$ выти (13,5 четв. в трех полях). Вероятно, надел в 9 четв. продолжал оставаться преобладающим, судя по Спасскому приходу с. Глубо-

³⁴ ГАВО, ф. 496, д. 777, л. 56.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, д. 822, л. 20—20 об.

кого. Однако, по-видимому, число владельцев с таким наделом сокращалось, а увеличивалось число владельцев с меньшими наделами. Высказаться более определенно о распределении крестьянских наделов в первой четверти XVIII в. актовый материал не позволяет.

Посмотрим, были ли приведенные величины наделов специфической рассматриваемых вотчин. Земельные наделы крестьян Аптониево-Сийского монастыря в самом конце XVI в. не превышали $\frac{1}{2}$ обжи, или 5 четв. Многие крестьяне имели участки меньших размеров — в $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{8}$ обжи (соответственно в 10, 7, 5, 4 четв.) в трех полях³⁷. П. И. Иванов утверждает на основании писцовых книг 1623—1625 гг., что в Устюжском уезде в среднем на один двор приходилось от 5,4 до 7,35 дес. земли в трех полях, а в Сольвычегодском — тяглой пашни от 2,4 до 2,25 дес., а оброчной от 0,75 до 6,6 дес.³⁸ З. А. Огризко, исследуя по материалам Сольвычегодского уезда размеры крестьянских земельных угодий в XVII в., определяет обеспеченность крестьянских хозяйств пашней, в том числе и на 1678 г.: наиболее распространены были хозяйства, имевшие 12, 9, 6 и 3 четв. пашни в трех полях³⁹. А. А. Преображенский отмечал, что первым поселенцам Кунгурского уезда в 1648—1651 гг. было отведено под двор, огород и пашню по 3 четв. в поле или 4,5 дес. в трех полях⁴⁰. Крестьяне Н. И. Романова в его Владимирской и Коломенской вотчинах имели, как показала Е. И. Заозерская, наделы, не превышавшие 3,5 дес. в трех полях⁴¹.

Таким образом, наделы характерные для крестьян исследуемых вотчин, не являются только их особенностью. Аналогичные размеры пашни имели монастырские и черпосошные крестьяне соседних уездов, вошедших позднее в Вологодскую губернию, а также Кунгурского. Сопоставление убеждает, что размеры пашни в 2—4—6 дес. в трех полях были наиболее типичными для северных районов, находящихся в одних климатических и агрокультурных условиях.

Рассмотрев структурный и численный состав семей в крестьянском дворе, а также обеспеченность его рабочими руками и на-

³⁷ *Образцов Г. Н.* Из истории закрепощения крестьян на Севере (по материалам Аптониево-Сийского монастыря).— В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967, с. 338—339.

³⁸ *Иванов П. И.* Северные писцовые книги как материал для истории обложения.— «Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества», 1900, т. II, вып. 1, с. 43.

³⁹ *Огризко З. А.* К вопросу о размерах крестьянских земельных угодий в XVII в. (По материалам Сольвычегодского уезда).— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г.» Вильнюс, 1964, с. 209.

⁴⁰ *Преображенский А. А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в. М., 1956, с. 46, 96.

⁴¹ *Заозерская Е. И.* Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII в.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. IV. М., 1960, с. 51.

дельной землей и получив наиболее типичные характеристики, попытаемся соотнести их между собой.

Возьмем 90⁴² хозяйств Подмонастырского ключа, в котором наблюдалось большое разнообразие наделов. Они составляют 70% от всех (129) хозяйств этого ключа, записанных в книгу жителя Савватия 1684 г. Сопоставление, проведенное по ней, показало, что из 55,6% хозяйств, обрабатывающих надел в $\frac{1}{4}$ выти, половина (27,8%) состояла из супругов с их неженатыми детьми и имела одного взрослого работника, а 11,1% хозяйств, пашущих этот же надел, состояла из одиночек, бездетных супругов или из супругов с незамужними дочерьми, и потому эти хозяйства, имевшие тоже одного взрослого работника, могут быть приплюсованы к типу «супруги с неженатыми детьми». Тогда из 55,6% хозяйств, имевших надел 3 четв. в поле, 38,9% хозяйств по своему структурному составу относятся к малой индивидуальной семье. Более крупные наделы в 4, 4,5 и 6 четв. держали и более многочисленные и сложные по составу семьи: супруги с двумя женатыми сыновьями или женатые братья, имевшие двух-трех работников. Из 8,9% наделов в полвыти 6,3% наделов принадлежало семьям такого состава, а из 6,7% наделов в треть выти — 5,5%. Прямая зависимость между величиной надела и типом семьи наблюдается не всегда. Встречаются семьи женатых братьев, обрабатывающих наделы в $\frac{1}{4}$ выти, и супругов с малолетними детьми, имеющих полвыти. Но такие случаи единичны, и закономерным является прослеженное соответствие между размером тяглового участка и структурным составом семьи⁴³.

Суммируя полученные результаты, убеждаемся в том, что в последней четверти XVII в. в Вологодском уезде доминировала малая семья, а в ней преобладал тип «супруги с неженатыми детьми». Семьи этого типа имели, как правило, два-три человека м. п. при одном, двух полных рабочих и пахали наделы в 9 четв. (4,5 дес.) в трех полях.

• Важно определить, могли ли крестьяне по своим рабочим возможностям иметь пашни, размер которых превышал наиболее типичные наделы. С. Г. Струмилин показал, что одноконный пахарь в одну упряжку за всю посевную кампанию, т. е. в 15—20 дней, мог обработать 5 дес. в одном поле. Но так как в черноземной полосе земля требовала второй и третьей вспашки и боронования, то «с учетом этих повторных операций, скажем,

⁴² Из 129 хозяйств этого ключа, поименованных в книге Савватия, только 90 расположены в деревнях Кубенской трети. 21 хозяйство находится в трех деревнях (Завраг, Дубиково, Козлово) Тошенской трети, по которой они и были учтены переписью 1678 г.; 18 дворов вовсе не удалось проследить по переписи 1678 г. Поэтому мы рассматриваем для сравнения только материалы по 90 хозяйствам Кубенской трети.

⁴³ Прямая зависимость между количеством работников во дворе и размером посева на двор установлена Г. В. Абрамовичем для крестьянских хозяйств Беженской пятины начала XVI в. (Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971, с. 250).

в Вологодской губернии, даже в начале XX в. требовалось только в весеннюю кампанию на десятину посева 13,6, а на обжу в пять десятин — до 68 дней труда. С такой нормой не мог бы уже справиться один работник в 15—20 дней. Она была посильна целой семье. И, действительно, по писцовым книгам XV в. видно, что обычная норма крестьянской пашни на двор не превышала одной обжи или выги, хотя тогдашний двор в 6—7 душ располагал не менее чем тремя работниками»⁴⁴. Из этого расчета С. Г. Струмилина следует, что в нечерноземной полосе один работник в одну посевную кампанию мог обработать около 1,7—2 дес. пашни⁴⁵.

Во второй половине XVIII в. в Вологодском уезде, по сообщению в Вольное экономическое общество вологодских помещиков А. Олишева и А. Засецкого, весенняя пахота и сев яровых начинались в последних числах апреля и продолжались до 15—20 мая. «Сия работа не продолжает более пятнадцати дней», — писал А. Олишев^{46—47}. Он отмечал также, что «земля наша требует уважения и хорошей выпашки», «У троёной земли трава и коренья, после первой пашни перегнивши, обращается в навоз»⁴⁸. Эти конкретные сроки пахоты и сева, сообщаемые вологодскими помещиками для середины XVIII в., безусловно, оставались неизменными в течение всего XVIII столетия.

Посмотрим, сколько десятин озимого или ярового посева приходилось на одного работника в уже упомянутых 90 хозяйствах Подмонастырского ключа (см. табл. 16).

В таблице, где хозяйства сгруппированы по величине надела, числу работников и типам семей, показано, сколько десятин посева приходилось на одного работника в каждой из выделенных групп. Так, например, в 50 хозяйствах (55,6%) с наделом в $\frac{1}{4}$ выги на одного работника падает от 0,4 до 1,5 дес., а в 8 хозяйствах (8,9%) с наделом в полвыги одному работнику приходится вспахать от 0,75 до 3 дес. земли. Из таблицы также видно, что в хозяйствах с одним работником и разными по величине наделами он может вспахать в посевную от 0,75 до 3 дес.

⁴⁴ Струмилин С. Г. К истории земледельческого труда в России. — «Вопросы экономики», 1949, № 2, с. 50.

⁴⁵ А. Л. Шапиро полагает, «что крестьянин с однолошадной упряжкой мог обработать около 3 десятин в поле...» (Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971, с. 347; Шапиро А. Л. Средневековые меры земельной площади и размеры крестьянского хозяйства в России. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сб. статей к 150-летию Ленинградского университета. Л., 1969, с. 63—64).

^{46—47} Олишев А. Описание годовой крестьянской работы в Вологодском уезде. — «Труды Вольного экономического общества», СПб., 1766, ч. II, с. 107; Засецкий А. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия в Вологодском уезде. — Там же, СПб., 1773, ч. XXIII, с. 234, 270—271.

⁴⁸ Олишев А. Указ. соч., с. 110, 114.

Соотношение между числом работников в семье и величиной надела

Размер надела		Хозяйства		Супруги и неженатые дети				Супруги, женатые сыновья и внуки					
в выгях	в десятинах в поле	число	%	число работников									
				1		2		2		3		4	
				число хозяйств	%	число хозяйств	%	число хозяйств	%	число хозяйств	%	число хозяйств	%
1/4	1,5	50	55,6	32	35,6	3	3,3	6	6,7	1	1,1	1	1,1
1/6	1	6	6,7	6	6,7								
1/8	0,75	10	11,1	7	7,8	1	1,1	1	1,1				
1/2	3	8	8,9	3	3,3							1	1,1
3/8	2,25	3	3,3					2	2,2	1	1,1		
От 1/4 до 1/3	От 1,5 до 2	4	4,4			1	1,1	2	2,2				
1/3	2	6	6,7			1	1,1			2	2,2		
3/16	1,125	1	1,1	1	1,1								
1/24	0,25	2	2,2			1	1,1			1	1,1		
		90	100%	56—62,2%				18—20%					

(разница в 4 раза), а в хозяйствах с двумя работниками на долю одного трудоспособного крестьянина приходится от 0,12 до 1,5 дес. (разница примерно в 10 раз). Эта контрастность величины посева па одного взрослого работника повторяется и в хозяйствах, имевших три пары полных рабочих рук. В хозяйствах с четырьмя работниками приходилось на каждого от 0,4 до 0,75 дес. посева, но таких хозяйств немного (3,3%).

Рассмотренная таблица позволяет сгруппировать хозяйства по величине посевной площади, приходящейся на одного работника в семье (см. табл. 17).

Из таблицы видно, что в подавляющем большинстве хозяйств, а именно в 84,3%, па одного работника имелось от 0,75 до 1,5 дес. посева, причем в половине из них (40%) один взрослый мужчина-работник вспахивал 1,5 дес. В этих хозяйствах сильная норма пашни на одного работника в общем совпадает с расчетом С. Г. Струмилина. В них количество надельной земли находилось в соответствии с числом мужчин-работников и затратами труда в одну посевную кампанию на единицу посева при условии, что пашет одноконный пахарь в одну упряжку. Поэтому можно говорить о том, что только 40% хозяйств Подмонастырского ключа вотчины Спасо-Прилуцкого монастыря были в основ-

Женатые братья с детьми						Женатый брат и младшие дети						Количество земли на работника в семьях с числом работников (в дес.)			
число работников												1	2	3	4
2		3		4		1		2							
число хозяйств	%	число хозяйств	%	число хозяйств	%	число хозяйств	%	число хозяйств	%						
2	2,2					1	1,1	4	4,4	1,5	0,75	0,5	0,375		
1	1,1			1	1,1			1	1,1	1	0,375				
								2	2,2	3	1,5	0,75	0,75		
		1	1,1								1,12	0,75			
2	2,2	1	1,1								0,75—1	0,5—0,7			
										1,12	1	0,7			
5		2		1		1		7			0,125	0,08			
8—8,9%						8—8,9%									

ном максимально загружены пахотой. Это преимущественно семьи с одним полным работником. Всего лишь в 3,3% хозяйств на работника приходилось 3 дес. посева, в 12,1% хозяйств — по 0,5—0,7 дес., причем в 6,6% хозяйств — менее полудесятины. Из этого следует, что более половины хозяйств — 56,4% — имели на одно-

Таблица 17

Распределение хозяйств по количеству земли на одного работника

Десятин в поле на одного работника	% хозяйств с числом работников				Общее число хозяйств, в %
	1	2	3	4	
3	3,3	—	—	—	3,3
1,5	36,7	3,3	—	—	40,0
От 0,75 до 1	15,6	25,4	1,1	2,2	44,3
От 0,5 до 0,7	—	—	5,5	—	5,5
Менее 0,5	—	4,4	1,1	1,1	6,6
Итого	55,6	33,1	7,7	3,3	≈100

го работника 1 дес. и менее, т. е. меньше посылной нормы в два-три раза. Это, как правило, были хозяйства с двумя — четырьмя работниками. Так как в них размеры посева были меньше рабочей нормы семьи, другими словами того количества земли, которое семья может обработать своим трудом⁴⁹, то эти хозяйства по своим рабочим возможностям не были полностью загружены пахотой на наделной земле.

Учитывая, что почти все типы семей, как было показано выше, кроме полных взрослых работников, располагали еще одним неполным, способным к пахоте и боронованию, можно сказать, что в конце XVII в. силы многих крестьянских хозяйств не поглощала пахота на наделной земле. Вследствие этого в крестьянском хозяйстве появлялись резервные рабочие руки и возможность возделывать пашни помимо наделной земли⁵⁰.

2. Обеспеченность крестьянских хозяйств скотом и инвентарем

Наряду с земельным участком как объектом приложения рабочей силы, неременным условием существования крестьянского хозяйства является скот, и в первую очередь тягловый, а также сельскохозяйственный инвентарь. Материал об обеспеченности крестьянского хозяйства скотом, как рабочим, так и молочным, не очень обширен. Более или менее массовые данные содержат отписные книги помещичьих имений первой четверти XVIII в., относящиеся к 1704—1706 гг.⁵¹ и к 1723 г.⁵² Разрозненные сведения имеются в крестьянских челобитных.

Отписные и отказные книги уже привлекали внимание исследователей феодальной вотчины. Эти книги представляют собой источники сходного содержания, отличающиеся, однако, целью своего составления. Появление первых — результат отписи светского владения на государя, возникновение вторых — оформление передачи владения феодалу.

В литературе ведется источниковедческая разработка тех и других книг, оценено их значение для изучения земельных владений служилых людей и их хозяйства.

Внимание К. В. Сивкова отписные книги привлекли богатством своих хозяйственных описаний. Он рассматривает отписные книги только первой четверти XVIII в. Их появление он связывает с широко практиковавшейся в то время конфискацией феодальных владений и отпиской их «на государя». Сивков понимает

⁴⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 62—63.

⁵⁰ Загруженность крестьянского двора барщиной и его возможности с учетом этой повинности рассмотрены в § 2 главы III.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 1209, д. 14856; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. Подг. к печати К. В. Сивков. М., 1951.

⁵² ГАВО, ф. 496, д. 773.

отписные книги как «опись недвижимого и заключенного в нем движимого имущества, представляющего одно целое в территориальном и хозяйственно-административном отношении и принадлежащего одному лицу»⁵³. Сивков подробно останавливался на процессе создания отписных книг и отметил, что их содержание раскрывает состояние владельческого хозяйства на момент описания. Исследователь получает представление о величине владения как по числу относящихся к нему деревень и дворов в них, так и по количеству крестьянского населения; о размерах земельных владений феодалов с указанием «панни» владельческой и крестьянской; о характере ренты, выплачиваемой феодалу; об имевшихся запасах хлеба и других сельскохозяйственных продуктов; о хозяйственной обеспеченности крестьянских дворов. Как особенностью этого типа источников Сивков отметил разную степень подробности описания, а отсюда — неодинаковый объем содержащейся информации.

В. Б. Павлов-Сильванский изучал отказные книги для выяснения процесса формирования служилого землевладения в первой половине XVII в.⁵⁴ Он выяснил этапы создания отказных книг, их источники и основное содержание. Акты передач поместий и вотчин служилым людям содержат хозяйственные описи разной степени подробности. Оценивая эти сведения отказных книг, автор характеризует складывавшееся в 30—40-е годы XVII в. служилое землевладение Вяземского уезда.

Более широкую задачу поставил перед собой Ю. А. Тихонов. Он задался целью использовать книги Поместного приказа по наделению, наследованию поместий и вотчин, переходу их из рук в руки для характеристики служилого владения XVII в. как хозяйственного организма⁵⁵. Он оценивает содержание отписных, отказных, разделных, отдаточных и других книг по центральным уездам России прежде всего как источников, содержащих материал «о землевладении господствующего класса, испомещенного вокруг столицы»⁵⁶, а также о хозяйственном состоянии владений. Более подробно автор останавливается на сведениях книг по Московскому уезду, выясняя удельный вес каждого вида книг. Он приходит к выводу, что «книги поместно-вотчинных дел дают материал

⁵³ Сивков К. В. Отписные книги начала XVIII в. как исторический источник.— «Проблемы источниковедения». М.—Л., 1940, вып. III, с. 369.

⁵⁴ Павлов-Сильванский В. Б. Источники и состав отказных книг Поместного приказа (30-е—40-е годы XVII в.) (По материалам Вяземского уезда).— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963; *он же*. Отказные книги Поместного приказа как источник по истории служилого землевладения (По материалам Вяземского уезда 30-х—40-х годов XVII в.).— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966.

⁵⁵ Тихонов Ю. А. Отписные и отказные книги Поместного приказа как источник о боярских и дворянских владениях Московского уезда XVII—начала XVIII в.— «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970.

⁵⁶ Там же, с. 145.

для исследования светского феодального хозяйства и положения крестьян»⁵⁷.

Итак, исследователи отписных, отказных и других книг Поместного приказа показали, что эти источники позволяют осветить два важных вопроса социально-экономической истории, а именно: складывание служилого землевладения и хозяйственное состояние владений.

Эти же книги содержат данные и по теме предпринятого исследования. На материал по крестьянскому хозяйству, имеющийся в отписных книгах, указывал еще К. В. Сивков. Большой интерес представляет подготовленная им публикация, содержащая факты как о владельческом, так и о крестьянском хозяйстве. В ней приведены описи светских владений в Вологодском уезде за первое десятилетие XVIII в.⁵⁸ Наряду со сведениями опубликованных книг, нами был использован комплекс книг Поместного приказа по Вологодскому уезду за все изучаемое время⁵⁹. В отказных книгах за 80—90-е годы XVII в. и первую четверть XVIII в.⁶⁰ указаны состав и количество земель владений по писцовым книгам 20-х годов XVII в., перечислено мужское население в людских и крестьянских дворах и бежавшее из них. Материал о поместном и крестьянском хозяйстве в них отсутствует. Искомые сведения о крестьянском хозяйстве в вологодских владениях найдены в 19 отписных книгах за 1704—1706 гг.

Хозяйственные описи крестьянских дворов начала XVIII в., обнаруженные в отписных книгах Поместного приказа, дают материал, неодинаковый по полноте сообщаемых сведений. В одних владениях пазвапы глава двора, указано количество имевшегося скота и посеянного хлеба; в других — наряду с этими фактами перечислены дворовые постройки; в третьих — подробно говорится о жителях двора и их родстве, расположении дворовых построек, о количестве и видах хлебов, хранящихся в житницах и высеянных, а поголовье скота показано в молодняком. Встречаются иногда и указания о имевшихся в хозяйстве сельскохозяйственных орудиях, домашней утвари. Бывают владения с денежной оценкой крестьянского хозяйства «по статьям»⁶¹. Все использованные хозяйственные описи владений составлены в начале

⁵⁷ Тихонов Ю. А. Указ. соч., с. 152. Всестороннюю источниковедческую характеристику книг поместно-вотчинных дел см.: *он же*. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974, с. 46—90.

⁵⁸ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в., с. 50—55.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1209, д. 14844—14856.

⁶⁰ Там же, д. 14850 — в нем 218 отказных и 2 межевые книги за 1689—1694 гг.; д. 14851 — в нем 166 отказных книг за 1696—1697 гг.; д. 14852 — в нем 93 отказные книги за 1684—1696 гг.; д. 14853 — в нем 30 отказных книг за 1683—1700 гг.; д. 14855 — в нем 70 отказных книг за 1702—1704 гг.; д. 14856 — в нем 137 отказных и 39 отписных книг за 1701—1708 гг.

⁶¹ Там же, д. 14856, лл. 378—379 об.

года (январь — март). Указанное в них количество высеянного хлеба — не что иное как размер озимого посева.

Материалы отписных книг привлечены главным образом для выяснения обеспеченности крестьянского хозяйства скотом. Они дают более или менее массовые сведения о поголовье скота в крестьянском хозяйстве, которые подвергаются группировке и обобщению. Подобных источников об обеспеченности скотом монастырских и архиепископских крестьян нами не обнаружено. Отписываемые светские владения были расположены в тех же волостях, что и вотчины Спасо-Прилуцкого монастыря и Вологодского архиерейского дома. Это обстоятельство ставило крестьянские двory как тех, так и других феодалов приблизительно в равные производственные условия при ведении хозяйства на паде. Следовательно, можно полагать, что обеспеченность скотом у монастырских и помещичьих крестьян была приблизительно одинаковой.

В книгах середины первого десятилетия XVIII в., как хранящихся в фонде Поместного приказа в ЦГАДА, так и опубликованных К. В. Сивковым, описаны разные владения в 12 волостях уезда: в четырех волостях Заозерской половины (Васьяновской, Задносельской, Лещевской и Уфтюжской), где было в общей сложности около 70 дворов, и в восьми волостях к югу от Кубенского озера (Авнежской, Брюховской, Водожской, Комельской, Кубенской, Обнорской, Сямской и Южской), где было 48 дворов. Отписанные владения были мелкими. Даже самые крупные из них насчитывали немногим более 30 крестьянских дворов. Таковы, например, Потапа Николаевича Румянцева — 32 жилых двора в Уфтюжской волости (отписаны в январе 1704 г.), Михаила Владимировича Еропкина — 21 двор в Задносельской волости (апрель 1706 г.), Ивана Михеевича Квашпина-Самарина — 22 двора в Кубенской волости (апрель 1706 г.). Остальные имения насчитывали от 15—10 до 1—2 дворов. Рассматриваемые книги содержат данные по 163 крестьянским дворам, причем сведения по 118 из них извлечены из книг архивных, а по 45 дворам — из опубликованных.

Как те, так и другие содержат описи крестьянских хозяйств по дворам и дают, во-первых, краткие сведения о самих жителях двора (не позволяющие, к сожалению, судить о типе семьи и ее рабочих руках), во-вторых, данные о количестве голов скота, в-третьих, о запасах хлеба в житнице, наконец, о величине озимого посева. В архивных описях, кроме того, есть более или менее подробные сообщения о крестьянских хозяйственных постройках, в 36 случаях встречаются указания на запасы сена.

Наиболее целесообразно поставить в связь количество скота, прежде всего рабочего, с величиной озимого посева, приняв последний за основу группировки (см. табл. 18).

Исследуемые двory в зависимости от величины озимого посева можно подразделить на три группы. В них не включены три

Обеспеченность крестьянского хозяйства скотом в 1704—1706 гг.

Величина озимого посева	Дворы		Число дворов, в которых					
	число	%	лошадей			коров		
			1	2	3	1	2	3
1/2 четверика и менее	3	1,8	—	—	—	—	—	—
1—2 четверика	23	14,1	6	2	—	7	4	—
2,5—3 четверика	15	9,2	12	—	—	8	5	—
Осьмина	39	23,9	27	4	—	12	10	10
5—6 четвериков	4	2,5	2	1	—	—	—	3
1 четверть	24	14,7	12	8	—	3	9	5
1,5 четверти	13	8,0	6	6	1	2	4	—
2 четверти	17	10,4	3	8	6*	2	3	1
2,5—3 четверти	7	4,3	3	2	2	—	1	1
Посев не указан	18	11,1	11	3	4	6	5	2
Итого	163		82	34	13	40	41	22
%		100,0	50,4	20,8	8,0	24,5	25,2	13,5

*Два из них с четырьмя лошадьми.

хозяйства, как явно разорившиеся, сеявшие менее полчетверика и не имевшие никакого скота.

Первую группу составляют хозяйства с посевом в один — четыре четверика. Их — 77, или 47,2% от всех 163 хозяйств. Они преимущественно однолошадные и составляют 55% от всех однолошадных дворов; преимущественно одно—двухкоровные и составляют 57,5% всех одно — двухкоровных хозяйств; имеют одну — четыре овцы и одну — две свиньи. Из 77 хозяйств этой группы 14, или 18,2%, не имеют ни рабочего, ни молочного, ни мелкого скота, а еще 12, или 15,6%, при наличии коров и овец не обеспечены лошадьми. Характерно, что среди безлошадных и не имеющих другого скота дворов большая часть приходится на дворы с минимальным размером посева — в 1—2 четверика. Дворы этой группы имели надельной земли не более $\frac{3}{4}$ дес. (от 0,2 до 0,8 дес.) в трех полях.

Вторая группа включает дворы с озимым посевом в 5—8 четвериков. Их 28, или 17,2% от всех исследуемых дворов. Они — одно — двухлошадные (причем хозяйств с одной лошадью лишь немногим больше, чем с двумя); в основном двух — трехкоровные (их 17 из 28, или 60,7%). Шесть хозяйств (21%, или около $\frac{1}{5}$) имели шесть коров каждое. Крестьяне этой группы держали одну — шесть овец и одну — три свиньи. В этой группе нет хозяйств, вовсе не обеспеченных скотом. В ней есть пять безлошадных дворов, которые являются как бы переходными от пер-

Число дворов, в которых													Без скота	Без лошадей
коров				овец					свиней					
4	5	6—10	свыше 10	1—2	3—4	5—6	7—10	свыше 10	1	2	3	свыше 3		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—
1	—	—	—	3	3	—	—	—	—	2	—	—	10	5
1	—	—	—	4	6	1	—	—	4	1	—	—	1	2
2	2	—	—	11	11	5	3	—	10	3	—	—	3	5
—	—	—	—	2	—	1	1	—	1	—	1	—	—	1
1	—	6	—	4	7	5	—	—	5	1	1	—	—	4
—	—	7	—	1	3	3	—	2	4	1	1	—	—	—
2	1	5	3	—	7	3	4	2	4	4	3	3	—	—
—	1	3	1	1	1	—	4	—	—	2	1	1	—	—
3	—	—	—	5	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—
10	4	21	4	31	40	18	12	4	29	14	7	4	17	17
6,1	2,5	12,9	2,5	19	24,5	11	7,4	2,5	17,8	8,6	4,3	2,5	10,4	10,4

вой группы ко второй. Их можно рассматривать либо как разоряющиеся, уже лишившиеся лошадей, либо, наоборот, как поднимающиеся на ноги, ибо четыре из этих пяти дворов сеяли по 1 четв., имели коров и овец, но, быть может, не обзавелись еще лошадьми, так как рабочий скот стоил дороже молочного. В феврале 1705 г. при описи трех дворов в дер. Котласы Двиницкой волости, принадлежавших М. Т. Кологривову⁶², была проведена оценка крестьянского имущества, в том числе и скота. В одном случае «мерин кар» оценен в 1 руб., корова и два подтелка — в 40 алт., две овцы — в 6 алт. 4 ден. В другом цена мерину — 2 руб., двум коровам — 46 алт. 4 ден., двум свиньям — 3 алт. 2 ден (см. Приложение 1). Следовательно, голова рабочего скота стоила примерно в 1,5—3 раза дороже молочного.

Хозяйства второй группы имели наделной земли от 1 дес. до 1,5—1,7 дес.

Третью группу составили хозяйства с посевом озимой ржи 1,5—3 четв., их 37, или 22,7%. Все без исключения дворы этой группы были обеспечены как рабочим, так и молочным скотом. Они — одно — трехлошадные, в 23-х из них (62,1%) по 2—3 лошади и в двух (5,4%) — по четыре. Трехлошадных дворов было немногим меньше, чем однолошадных. Хозяйства этой группы имели в основном по пяти и более коров, таких — 21 хозяйство

⁶² ЦГАДА, ф. 1209, д. 14856, лл. 378—379 об.

(или 51,8% от всех дворов этой группы), а среди них выделяют-ся 4 хозяйства (или 10,8%) с числом коров больше десяти (до 12). Кроме того, в этой группе по сравнению с предыдущей повышается также овечье и свиное поголовье. В ней явно преобладали дворы двухлошадные (43,2%). Подчеркнем, что они составили половину всех двухлошадных хозяйств. Дворы этой группы держали по 6—10 коров, они составляли 71,5% дворов с таким коровым поголовьем, а пахали паделы от 2,5 до 5 дес.

Наряду с тремя охарактеризованными группами есть еще одна, состоящая из 18 хозяйств (11,1%), по которым не указан озимый посев. Они в основном однолошадные, одно-, двухкоровные, с одной — четырьмя овцами, но среди них есть четыре (22,2%) трехлошадных двора. Судя по поголовью скота, хозяйства этой группы, вероятно, сеяли до полутора четвертей озимой ржи. Было три двора (1,8%) с посевом в полчетверика и меньше, не имевшие вообще никакого скота.

В целом же наибольшее число крестьянских хозяйств, независимо от величины озимого посева, как видно из таблицы, имели по одной лошади. Они составили половину всех дворов. Также половина крестьянских хозяйств имела по одной — две коровы. При этом примерно в $\frac{1}{3}$ хозяйств (20,8) отсутствовал рабочий и приблизительно в $\frac{1}{10}$ (10,4%) хозяйств — крупный рогатый скот.

Существовала значительная доля хозяйств (8%) с тремя лошадьми и еще более значительная (15,4%) с 6—10 и более коровами. Все эти дворы принадлежали к третьей группе и сеяли озимой ржи от 1,5 до 3 четв., при наиболее характерном посеве в 2 четв. (17 из 37 хозяйств, или 44,7%). Эти 37 хозяйств можно рассматривать как наиболее обеспеченные, зажиточные, ибо они имели: 1) самый высокий озимый посев; 2) наибольшее число лошадей — 73, или 38,2% всех лошадей; 3) наибольшее число коров — 210, или 45,3% всех коров. У крестьян этой группы в среднем на двор приходилось по 2 лошади и по 5—6 коров.

Полную противоположность им представляют хозяйства первой группы, сеявшие 1—4 четверика озимой ржи, с наиболее характерным посевом в осьмипу (39 из 77 хозяйств, или 50,6%). Именно в этой группе находятся дворы, совершенно не имевшие скота и большинство безлошадных дворов.

Эту группу можно рассматривать как малообеспеченную (она сосредоточила наибольшее число хозяйств — 77, т. е. вдвое больше, чем предыдущая), так как она имела: 1) минимальный размер озимого посева; 2) примерно $\frac{1}{3}$ всех лошадей и $\frac{1}{4}$ всех коров. В среднем на один двор, за исключением 26 безлошадных и 14 бескоровных в этой группе приходилось по 1 лошади и по 2 коровы.

Промежуточное положение занимают 28 хозяйств второй группы, которая по своей численности в 2,5 раза меньше предыдущей. Подавляющее большинство дворов засевало озимой

рожьё 1 четв. пашни. Эта группа располагала $\frac{1}{3}$ всех лошадей, а также $\frac{1}{3}$ всех коров (19,9% и 20,9% соответственно). В среднем на один двор здесь приходилось 1,5 лошади и 3—4 коровы.

Таким образом, среди 163 хозяйств выделяются три по-разному обеспеченные скотом группы: 1) при типичном посеве в $\frac{1}{2}$ четверти на один двор приходится 1 лошадь и 2 коровы; 2) при посеве в 1 четверть — 1,5 лошади и 3,5 коровы; 3) при посеве 1,5—2 четверти — 2 лошади и 5—6 коров. Наблюдается определенная, в общем-то прямо пропорциональная зависимость между величиной озимого посева и количеством рабочего, а также молочного скота. С увеличением посева в 1,5—2 раза поголовье скота увеличивается во столько же раз. Следовательно, поголовье скота и прежде всего рабочего обуславливалось у этих крестьян размером посева, а в конечном счете величиной надела.

Рассмотренные 163 хозяйства в целом имели 191 лошадь и 464 коровы, т. е. на одну лошадь приходилось две — три коровы. Крестьяне не держали более трех лошадей, да и с тремя лошадьми дворов очень мало — 8%. Коров было в два — три, а иногда и в четыре раза больше, чем лошадей⁶³. Небольшой надел и преобладание молочного скота над рабочим позволяют предположить большую роль животноводства, нежели земледелия.

Опись 1723 г. выморочной вотчины — с. Новлеського с восемью деревнями⁶⁴ в Сямской волости, — принадлежавшей стольнику Ф. Ф. Плещееву, позволяет судить об обеспеченности скотом в конце первой четверти XVIII в. Она включает 42 крестьянских двора и составлена с учетом следующих показателей: 1) глава двора (назван); 2) краткое описание хормных строений; 3) скот рабочий и рогатый; 4) молочный хлеб в житнице; 5) немолочный хлеб в гумпе. К сожалению, в этой описи не указан размер посева ни озимого, ни ярового хлеба, и потому нет возможности рассмотреть обеспеченность скотом в связи с посевом, как это было сделано для середины первого десятилетия XVIII в.

Сгруппировав хозяйства по числу рабочего скота, убеждаемся, что одно — двухлошадные хозяйства (их 21) составляли половину. Обеспеченность молочным скотом была разной: по одной корове держали в пяти хозяйствах и также в пяти хозяйствах было от шести до десяти коров. Они имели от полуосьмины до

⁶³ В Пошехонской вотчине П. М. Бестужева-Рюмина, расположенной по берегам р. Шексны от устья р. Суды и ниже по течению и в непосредственной близости с Вологодским уездом, по подворному описанию 1731 г. преобладали одно — двухлошадные крестьянские хозяйства. Коров было в 3—4 раза больше, чем лошадей. В среднем на двор приходилось 1,5 лошади и 5,5 коров (*Осьминский Т. И.* Бюджет крестьян Пошехонской вотчины П. М. Бестужева-Рюмина (1731 год). — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, с. 358, 360).

⁶⁴ Дмитриевская, Марьянская, Будихино, Дор, Коробово, Колотилово, Курово, Телячье (ГАВО, ф. 496, д. 773).

полутора четвертей молоченого и от 11 до 25 сотниц немолоченого хлеба.

В семи бобыльских дворах (16,6%) не было ни рабочего, ни молочного скота, причем в пяти из них к моменту описания не оставалось вовсе никакого хлеба.

Значительно число хозяйств (14, или 33,4%) с тремя — пятью лошадьми, в которых было, как правило, 6—10 коров, 2—4 четв. молоченого и свыше 35 сотниц немолоченого хлеба. Например, в дер. Марьиинской во дворе Ефима Сидорова перечислено: изба, 4 сепника, 4 хлева; скота: 3 мерина, 2 кобылы, рогатого — 4 коровы, 2 подтелка, 9 овец, 9 ягнят. Молоченого хлеба в житнице: пшеницы 1 четв., овса 3 четв. В гумне немолоченого хлеба: ржи 25 сотниц, овса 30 сотниц, пшеницы 10 сотниц, ячменя 10 сотниц⁶⁵. Всего 75 сотниц. Двор Алексея Алексева в дер. Колотилово состоял из избы, горенки у ворот, трех сепников, четырех хлевов, погреба и бапи. Скота у него было 4 мерина, 5 коров, 3 подтелка, 3 теленка, 7 овец, 2 барана. В житнице молоченого хлеба: ячменя 1,5 четв. и ржи 3 четв. В гумне немолоченого хлеба: ржи 25 сотниц, ячменя 25 сотниц, овса 30 сотниц, пшеницы 10 сотниц. Всего 90 сотниц. Сена 2 стога⁶⁶.

Хотя опись с. Новленского содержит меньшее число случаев, чем их имеется для 1704—1706 гг., но она подтверждает наблюдаемую зависимость между числом рабочего скота и величиной посева.

На 42 хозяйства с. Новленского приходилось 86 лошадей и 170 коров. В среднем на одно хозяйство — 2 лошади и 4 коровы, т. е. молочного скота было в два раза больше рабочего.

Актный материал дает сведения о скоте у крестьян монастырских и архиепископских в основном за последнюю четверть XVII в. Так, у крестьянина Лежского волока дер. Филино Данилы, ушедшего «на пиз (по-видимому, по р. Леже.— *Е. Б.*) места приискивать», в 1657 г. было скота: «корова да теленок годовой, да теленочек маленькой», 3 овцы и 2 свиньи⁶⁷.

У вдовы Ефимьи Потаповой жены Остафьева с двумя сыновьями из дер. Павловское того же Лежского волока в 1675 г. было скота: мерип, четыре коровы «да телица двух годов, два теленка годовых, три овцы, две свиньи»⁶⁸.

В 1676 г. крестьянка Спасо-Прилуцкого монастыря Глубоковского ключа дер. Зеленой вдова Домна Демидова потребовала раздела со своим свекром Абросимом, а «с того делу досталось ей вдове одиннадцать скотин рогатого и нерогатого, и то отдали приказчики ей вдове»⁶⁹.

⁶⁵ ГАВО, ф. 496, д. 773, л. 12.

⁶⁶ Там же, л. 17.

⁶⁷ ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 23, л. 14.

⁶⁸ ГБЛ, ф. 178, карт. 7173, д. 53.

⁶⁹ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 73, л. 59.

Крестьяне дер. Петраково того же монастыря Василий Терентьев и Петр и Василий Тимофеевы, совершая в 1690 г. раздел, поделили и скот. При этом В. Терентьеву достались «кобыла с жеребенком сегодняшним, да бык..., да свинья; а им Петрушке да Васье Тимофеевым с сестрами мерин, да два жеребенка, да телца сегодняшняя, да корова, да свинья досталось скота». До раздела в этом дворе было 2 лошади, 3 жеребенка, 3 коровы, 2 свиньи⁷⁰.

Еще один прилуцкий крестьянин в 1680 г. имел «кобылу да коров в нятере»⁷¹.

В завещании крестьянина Глубоковского ключа Анкидина Никонова от 12 апреля 1695 г. перечислены: кобыла с трехлетним жеребенком, 3 коровы, 3 овцы⁷².

При совершении в 1704 г. раздела в дер. Кожевниково между вдовой Ириной Козьминой и ее пасынком Григорием Ивановым, наряду с прочим имуществом, был переписан и скот: две коровы, две овцы, коза, о лошадях нет упоминания⁷³.

Вдова архиепископского крестьянина подгородней деревни Бубново Ивана Антонова, оставшаяся с дочерью и двумя пасышками, прося в 1719 г. выделить ей из пожитков мужа хлеб и скот, сообщает, что у них было: две лошади, корова да нетель, 3 овцы, 6 ягнят⁷⁴.

У крестьянина Спасо-Каменного монастыря дер. Филино Андрея Яковлева сына Новожилова с семьей в семь человек, где было два взрослых работника, в 1723 г. имелось скота: 4 лошади, корова, 2 подтелка, 6 овец, 3 свиньи⁷⁵.

Приведенные примеры говорят о дворах, по-разному обеспеченных скотом, но по ним нельзя судить о подворном распределении скота у монастырских и архиепископских крестьян. Вероятно, его было не меньше, чем у крестьян помещичьих. По-видимому, преобладали также одно — двухлошадные хозяйства. Следует, однако, учитывать, что у крестьян монастырских наиболее характерным был надел в 1,5—3 четв. в поле и среди них, возможно, было больше дворов с двумя — тремя лошадьми, нежели у помещичьих крестьян.

Однолошадные хозяйства были неустойчивы и могли легко разориться в случаях падежа или пропажи лошадей. И, естественно, такие случаи бывали в крестьянской жизни. Так, архиепископский крестьянин Дмитрий Кондратьев из Засодимской волости, в октябре 1719 г. прося отсрочить уплату занятого хлеба, мотивировал это тем, что в апреле этого же года у него «скот выпал весь и лошади у меня на вешнюю работу не было»⁷⁶.

⁷⁰ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1222.

⁷¹ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 73, л. 19.

⁷² Там же, д. 145, л. 14.

⁷³ ГАВО, ф. 496, д. 140, л. 17—17 об.

⁷⁴ Там же, д. 610, л. 198 об.

⁷⁵ Там же, д. 777, л. 56.

⁷⁶ Там же, д. 610, л. 72; см. также ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1327.

Такие крестьяне вынуждены были обращаться к обеспеченным одноподдереवेशам. Упомянутый Д. Кондратьев лошадь «на всякую работу на ... домовую и на свою наймывал, для того сеял поздно ... И от позднего сева хлеба велми не уродилось. И ныне я с жешнишкой и с детишками скитаюся меж двор»⁷⁷.

За приобретением рабочего скота крестьяне обращались к вотчиннику. Возвратившийся в 1719 г. в дер. Даниловскую Засодимской волости архиепископский крестьянин Тит Ефимов, скитавшийся с детьми с 1713 г. «от хлебной недороды», просил «одолжить» его «лошадкой из домовых сел в цену»⁷⁸. Крестьянин Спасо-Прилуцкого монастыря с. Сергеева Федор Шолоха в 1690 г. купил в монастыре мерина, за которого «взято в уплату рубль, а еще осталось допять тож»⁷⁹.

Из приведенного актового материала также можно уловить, что молочного скота в каждом отдельном хозяйстве было больше, чем рабочего. В пользу этого говорят частые споры из-за сенокосных угодий⁸⁰ и использование под покосы арендуемых участков, среди которых видное место занимают пожни по берегам рек и озер.

Таким образом, рассмотрев обеспеченность крестьянского хозяйства скотом, в основном на примере помещичьих крестьян, убеждаемся, что количество голов скота обуславливалось величиной запашки. Выделяются три неравно обеспеченные как скотом, так и надельной землей группы крестьян, причем неравенство земли проявляется резче, чем рабочего скота⁸¹. Поголовье молочного скота превосходило поголовье лошадей, и вырабатывалась молочно-животноводческая специализация района. Расположение рассмотренных крестьянских хозяйств в разных местах Вологодского уезда позволяет предполагать относительно одинаковое состояние крестьянского скотоводства по всей территории уезда.

Сведений более или менее массовых о количестве и ассортименте сельскохозяйственных орудий в крестьянском хозяйстве не имеется. Судить о них можно также на основании отдельных и немногих фактов. В хозяйстве вдовы Ефимьи Потаповой из дер. Павловское на Лежском волоке была косуля, «соха с железьем», две косы, пять серпов, два топора⁸².

При совершавшихся хозяйственных разделах делили и орудия труда. В дер. Ярыгино в 1690 г. разделились прилуцкие крестья-

⁷⁷ ГАВО, ф. 496, д. 610, л. 72.

⁷⁸ Там же, л. 197.

⁷⁹ ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 11, л. 279.

⁸⁰ ГИМ, ОИИ, ф. 226, д. 23, лл. 49—50.

⁸¹ Наиболее распространенный крупный надел 3,3 дес. (при посеве ржи в 2 четв.) превосходит характерный мелкий надел $\frac{3}{4}$ дес. (при посеве в осьминну) в 4 раза, а вообще разница между минимальным (0,2 дес.) и максимальным (5 дес.) наделом составляет 25 раз. Разница в поголовье рабочего скота составляет 3 раза.

⁸² ГБЛ, ф. 178, карт. 7173, д. 53.

не вдова Васса Лазарева со своим деверем Василием Ивановым, которому из инвентаря досталась соха, две косы, вилы, серп, а также жернова, два песта и овечьи ножницы. Вдове Вассе Лазаревой — коса, серп, вилы⁸³. А монастырские крестьяне из дер. Петраково Василий Терентьев и Петр и Василий Тимофеевы при разделе в том же 1690 г. договорились «посуду всякую, косы и серпы, и топоры разделить все по третям. А соха ему Ваське (Терентьеву.— *Е. Б.*) досталась. А из своей сохи дать ему Ваське им Петрушке с братом четыре алтына»⁸⁴.

Из краткой переписи имущества от 1704 г. делившихся в дер. Кожевниково Спасо-Прилуцкого монастыря вдовы Ирины Козьминой и ее пасынка Григория Иванова явствует, что в этом хозяйстве до раздела были соха и две косы⁸⁵. В хозяйстве крестьянина Анкидина Никонова из Глубоковского ключа имелись жернова, два топора, две косы, «третья переломлена», два сошника к сохе, три серпа. Кроме того, у него были и орудия плотничьего ремесла — скобель и тесла, а также безмен, рогатина, ружье и другие вещи⁸⁶.

Как видно из приведенных свидетельств, характерным пахотным орудием в крестьянском хозяйстве конца XVII — начала XVIII в. на исследуемой территории была соха, скорее всего двузубая с железными сошниками (два сошника, соха с «железьем»). Более совершенное орудие — косуля была распространена, по-видимому, меньше и, вероятно, у более состоятельных крестьян. Вологодские помещики А. Олишев и А. Засецкий, сотрудничавшие во второй половине XVIII в. в Вольном экономическом обществе, отмечали, что в хозяйствах Вологодского уезда употреблялись косули — на мягких песчаных землях и сохи — на каменистых и щебнем наполненных почвах, а глубина вспашки не превышала 3—4 вершков (13—18 см)⁸⁷.

Соха была универсальным орудием, и с ее помощью выполнялись разные работы: подъем нови (позднее ее поднимали плугом), при двоении и троении, заделке семян, запашке навоза. «Сохой можно было пахать на самых узких и тесных участках, причем для работы ею требовался только один человек и одна лошадь»⁸⁸.

В изучаемых вотчинах были широко распространены хозяйства с одним — двумя работниками, одной — двумя лошадьми и небольшими наделами, что делало соху незаменимым и, вероятно, преобладающим сельскохозяйственным орудием.

Принадлежностью крестьянского хозяйства являются и мельницы. Их имели отдельные крестьяне оброчной архиепископской

⁸³ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1219.

⁸⁴ Там же, д. 1222.

⁸⁵ ГАВО, ф. 496, д. 140, л. 17—17 об.

⁸⁶ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 145, л. 15.

⁸⁷ Олишев А. Указ. соч., с. 106, 108; Засецкий А. Указ. соч., с. 234.

⁸⁸ Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 38.

волости Лежский волок. Крестьяне построили их на своих «тяглых землях» «своими деньгами», причем «помольные деньги берут себе», внося «оброк в домовую казну»⁸⁹. Перепись 1702—1703 гг. учла десять водяных мельниц, на две из них — крестьянина дер. Красново Алексея Семенова (один амбар и один жернова) и крестьянина дер. Крюково Федора Иванова (один амбар и двое жерновов) — оброк не был положен, так как они — вновь построенные и находились на льготе⁹⁰. Из восьми мельниц, с которых крестьяне платили оброк, в шести были одни жернова, а в двух, кроме них, еще и толчен. Шестью из десяти мельниц крестьяне владели индивидуально, уплачивая оброк от рубля (и меньше) до полутора рублей, а четырьмя — коллективно «с товарищи», в том числе и двумя мельницами с толчеями, а платили несколько более двух рублей⁹¹. Естественно, что постройка мельниц связана с определенными затратами, и обзавестись ими могли наиболее состоятельные из крестьян.

Остановимся вкратце на внеземледельческих занятиях крестьян, среди которых наиболее распространенной была заготовка леса. Лесоразработкой могли больше заниматься, конечно, те крестьянские дворы, рабочие возможности которых не поглощались целиком земледелием. Лесоразработки падали на зимние месяцы. Именно с декабря по март, как отмечал А. Засецкий, крестьяне рубили лес на дрова, заготавливали строительный лес⁹². Сезонность этой работы позволяла участвовать в ней и хозяйствам, где не было резерва рабочей силы, правда в меньшей степени, чем дворянам, где он имелся. Приходо-расходные книги как Вологодского архиерейского дома, так и Спасо-Прилуцкого монастыря содержат многочисленные факты крестьянских подрядов на рубку и поставку лесоматериалов⁹³.

Так, Приходо-расходная книга 1690 г. Вологодского архиерейского дома свидетельствует, что «Засодимской волости домовые крестьяне Егорко Иванов да Овдюко Иванов подрядились высечь и поставить в Софейской дом восемь сажень дров ольховых. Дано им по семи алтын за сажень. Итого рубль 22 алтына 4 деньги»⁹⁴. Крестьяне заключали подряды на эту работу или индивидуально, или группой в 2—3 человека, или коллективно «с товарищи». Они обязывались не только заготавливать дрова, но и привезти их в Вологду, в место, оговоренное, по-видимому, при заключении подряда. Например, крестьянин Лежского волока Павел Наумов должен был высечь «два бревна мерою семи са-

⁸⁹ ГАВО, ф. 496, д. 18, л. 17 об.

⁹⁰ Там же, л. 19—19 об.

⁹¹ Там же, лл. 18—19.

⁹² Засецкий А. Указ. соч., с. 269—270.

⁹³ ГАВО, ф. 512, л. 85, 92, 101, 111, 132, 135, 141, 150, 163, 173, 180, 184; ф. 883, д. 41, 55, 61, 65, 74, 79, 100, 102.

⁹⁴ Там же, ф. 883, д. 74, л. 53. См. также книгу за 1678/79 г. (там же, д. 55, лл. 20 об., 23, 23 об., 24 и др.).

жен в троеаршинную меру, в отрубе в девять вершков», а крестьяне-засодимцы Григорий Павлов и Семен Иванов каждый — 3 сажени ольховых дров⁹⁵. Трое крестьян дер. Старое той же волости Филипп Трифонов, Яким Иванов и Демид Любимов взялись заготовить 9 сажений дров, а двое крестьян дер. Большая Мурга — 5 сажений⁹⁶. Засодимцы же «Митка Семенов с товарищи» обязались «срубить и спровадить на Вологду» 7 сажений ольховых дров, а крестьянин той же волости дер. Лисьи Горы Степан Ярофеев «с товарищи» — 8 сажений⁹⁷. Крестьяне Лежского волока дер. Борисково Михаил Самойлов и дер. Крюково Артемий Фомин «с товарищи» подрядились поставить семь тысяч жердей. «Дано им поряды за тысячу по 25 алтын 4 деньги. Итого 5 рублей 13 алтын»⁹⁸. Все приведенные записи о подряде относятся к январю 1690 г., т. е. непосредственно ко времени лесозаготовок.

В случае невыполнения подряда крестьяне должны были возвращать полученные под него деньги. Засодимец дер. Ильинское Никита Андреев заплатил 26 алт. 4 ден., «за четыре сажени дров по 6 алт. по 4 ден. за сажень, что отец его в прошлых годах подрядился в Софийский дом высечь, и тех дров против порядку не поставил»⁹⁹. В 1711 г. посельский старец Засодимской волости получил указание «домовых крестьян с подрядными дровами, за которые на Вологде в Казенном приказе деньги взяли, а у которых дров нет, и на тех доправить деньгами вдвое. И те деньги или крестьян с дровами выслать на Вологду». 11 июня 1711 г. посельский сообщил, что выслал пятерых крестьян с дровами и двух, «которые не сделали дров»¹⁰⁰. Встретился и случай подряда у крестьянина Лежского волока дер. Левино Козьмы Тихонова. Он в 1710 г. подрядил прилуцкого крестьянина Великорецкого ключа дер. Заречья Ивана Мухина «спровадить и продать на Вологде бревенного леса сто бревен пятаерику елового», а по продаже отдать деньги ему¹⁰¹. Вероятно, в лице Козьмы Тихонова мы встречаемся с крестьянином, промышленявшим заготовкой и продажей леса.

Крестьяне, наряду с подрядом, продавали лес в Вологодский архиерейский дом. Приходо-расходные книги зафиксировали такие случаи купли лесоматериалов. Так, в 1678 г. у Давыда Филиппова из дер. Филино Лежского волока было «куплено два плота тесу, а в них сто два кряжа. Дано по четыре деньги за кряж, итого два рубли, один алтын, две деньги»¹⁰². У крестьянина того же Лежского волока дер. Новгородово Дмитрия Ларио-

⁹⁵ Там же, д. 74, лл. 55 об., 56 об., 75.

⁹⁶ Там же, лл. 57 об.—58, 68.

⁹⁷ Там же, лл. 55 об.—56.

⁹⁸ Там же, л. 75.

⁹⁹ Там же, лл. 23 об.—24.

¹⁰⁰ Там же, ф. 496, д. 342, лл. 10 об.—11.

¹⁰¹ Там же, д. 323, л. 12 об.

¹⁰² Там же, ф. 883, д. 55, л. 84.

нова куплепо «про домовый расход» также два плота теса из 143 кряжей. Заплачено ему было по 5 денег за кряж — 3 руб. 19 алт. 13 ден.¹⁰³ Крестьяне той же волости Яков Афанасьев из дер. Дресвище продал четыре плота из 220 кряжей, а Степан Григорьев из дер. Векшино — один плот из 70 кряжей¹⁰⁴. Замечим, что продавали лес крестьяне оброчной волости архиепископской вотчины, а засодимцы, бывшие на отработочной ренте, брали подряды. Однако крестьяне обеих волостей, как свидетельствуют приходо-расходные книги, в основном вступали в деловые отношения со своим вотчинником.

Взаимоотношения купли-продажи с феодалом не ограничивались только лесом. Вологодский архиерейский дом купил у засодимца Лавра Прокофьева из дер. Шейкино в 1702 г. 52 чашки за 10 алт. 2 ден.¹⁰⁵ Из приходо-расходных книг Спасо-Прилуцкого монастыря узнаем, что 7 января 1685 г. было куплено «у глубоковских крестьян про монастырский обиход на братию масла коровья 5 пуд.»¹⁰⁶, а 8 января 1693 г. глубоковский же крестьянин дер. Темной Спасского прихода Козьма Козьмин продал монастырю пуд коровьего масла за 16 алт. 4 ден.¹⁰⁷ Вероятно, для продажи готовил масло крестьянин дер. Фофанцево Оларевского ключа Елисей Козьмин, у которого в январе 1691 г. украли из клетки 20 пудов масла¹⁰⁸ Крестьяне продавали феодалу также хлеб, сено, скот. В 1693 г. прилуцкий крестьянин Бурдуковского ключа Василий Силип продал 6 четв. ржи, 2 четв. ячменя, осьмину гороху, и за все ему было заплачено 4 руб.¹⁰⁹ У Семена Федорова того же ключа казначей купил 2 чети 3 полуосьмины ржи и осьмину ячменя за 1 руб. 14 алт. 4 ден.¹¹⁰ Крестьянин с. Домшино Филат Ефремов также в 1693 г. продал 26,5 четв. ржи за 11 руб. 30 алт. 4 ден. «ценой по 15 алтын четь»¹¹¹. В январе 1690 г. у бобыля Оларевского ключа дер. Фофанцево Владимира Козьмина монастырский казначей купил четверть с осьминой конопляного семени за 1 руб. 10 алт.¹¹² В ноябре этого же года у крестьянина Великорецкого ключа дер. Сычово Кирилла Сергеева было куплено 6 возов сена за 40 алт. («ценой воз по 6 алтын по 4 деньги»), полтора овина яровой соломы и овин ржаной за 10 алтын. «Да у него ж куплена корова да телушка, дано [за] обе рубль... И корова, и телушка отданы на Великой реке на монастырский двор, и сено, и солома»¹¹³.

¹⁰³ ГАВО, ф. 883, д. 55, л. 84 об.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же, д. 100, л. 21 об.

¹⁰⁶ Там же, ф. 512, д. 135, л. 41 об.

¹⁰⁷ Там же, д. 150, л. 24.

¹⁰⁸ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1030.

¹⁰⁹ ГАВО, ф. 512, д. 150, л. 31.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, д. 141, л. 46 об.

¹¹³ Там же, л. 31 об.

В 1680 г. архиерейский дом купил у двадцати крестьян разных деревень Засодимской волости 61 воз сена. Продавали крестьяне в основном по 2—4 воза, по цене 4—6 алтын за воз¹¹⁴. К приезду Петра I в Вологду в 1702 г. была приурочена покупка 21 барана казначеем Вологодского архиерейского дома у четырех крестьян подгородных деревень Горшково, Лисьино, Щукарево, им было заплачено 4 руб. 29 алт. 4 ден.¹¹⁵

Крестьяне не только продавали вотчиннику продукты своего труда, но и покупали у него, например, рабочий скот¹¹⁶, соль. В монастырской Приходо-расходной книге 1690 г. казначей 21 января записал продажу 30 пудов соли крестьянину Домшинского ключа дер. Коншево Тимофею Кабану по 3 алт. 2 ден. за пуд и взял за это 3 руб. 14 марта этого же года Т. Кабан купил еще рогожу соли весом 27 пудов по 3 алт. 1 ден. за пуд и заплатил 2 руб. 18 алт. 5 ден.¹¹⁷ Скорее всего Т. Кабан — зажиточный крестьянин, закупив соль оптом, продавал ее крестьянам Домшинского ключа.

Приведенные примеры показывают, что крестьянское хозяйство было связано товарно-денежными отношениями с феодальной вотчиной, внутри которой крестьянин реализовал продукты своего труда. Именно такую сторону взаимоотношений крестьянского и вотчинного хозяйства отразили имеющиеся источники. Конечно, этим не исчерпывались связи крестьянского хозяйства с рынком, изучение которых — вопрос, требующий самостоятельного исследования.

Трудно сказать, как часто и в каких случаях крестьяне выходили на рынок за границы вотчины. Но то, что они это делали, подтверждается отдельными документами. Так, в 1682 г. прилупкий бобыль Сергеевского ключа дер. Гридино Леонтий Власов «ходил в город для покупки соли», где купил сапоги «на свои деньги, продал четыре полотна женины»¹¹⁸. В октябре 1691 г. архиепископский крестьянин дер. Ильинское подгороднего села Белого Константин Стахийев ездил в Вологду «для продажи скотины»¹¹⁹. В 1675 г. у крестьян Лежского волока дер. Павловское Ивана и Абросима Остафьевых было «набрано в дело сто осмнадцать чужих овчин»¹²⁰.

В 1713 г. на Лежском волоке мирской староста и выборные крестьяне Андрей Прокофьев, Иван Боек, Василий Никонов, Федор Щукин и «всех десятков выборные учинили приговор меж себя, что продать хлеба ржи 400 четвертей на Вологде охочим

¹¹⁴ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 107, л. 87 об.

¹¹⁵ ГАВО, ф. 883, д. 100, л. 46.

¹¹⁶ ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 11, л. 279.

¹¹⁷ Там же, лл. 277 об., 279 об.

¹¹⁸ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1078.

¹¹⁹ ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 26, л. 9.

¹²⁰ ГБЛ, ф. 178, карт. 7173, д. 53.

людem по торговой цене», причем перечисленные поименно выборные обещали «за скудных крестьян дать в тое продажу хлеб из своих житниц, а именно: Иван Боек — 100 четвертей, Андрей Прокофьев — 50, Василий Никонов — 40, Федор Елфимов — 30 четвертей»¹²¹. Не выполнив своего обещания и не дав «хлеба своего за скудных крестьян без денег», выборные стали собирать его с них, злоупотребляя своей мирской властью («собирают насильно хлеб рожь без остатку»), что вызвало недовольство и челобитье одного из «скудных» крестьян Романа Стефанова. Из челобитья узнаем, что зажиточные «скудным крестьянам самим хлеба продать не дают и на торг их скудных крестьян с тем хлебом не отпускают»¹²². Возникший спор отчетливо показывает, что в оброчной архиепископской волости выделяются несколько зажиточных крестьян, способных продать значительное количество хлеба, занимавших выборные мирские должности и использовавшие их в собственных интересах, подавляя инициативу малоимущих крестьян. Очевидно, что и бедные крестьяне выходили на рынок, продавая хлеб и добывая деньги, скорее всего для уплаты оброка и государственных налогов. По имеющимся отдельным документам трудно сказать, насколько глубоко проникли товарно-денежные отношения в крестьянское хозяйство. Можно думать, что селения, расположенные ближе к городам, в частности к Вологде, были глубже втянуты в эти отношения. Так, З. А. Огризко показала, что в подгородном селе Коровничье Спасо-Прилуцкого монастыря «феодалные отношения между крестьянином и его вотчинником-монастырем не покрывали собой всей хозяйственной деятельности крестьянина», который в дополнение к земледелию торговал, ходил на судах до Архангельска, работал по найму¹²³. В этом селе встречались очень зажиточные крестьяне, как, например, Петр Власов сын Обросимов, который в 1679 г. подал челобитную на «неведомых татей», которые «из коробы вынесли из-за замка в кошельке пятьдесят рублей денег, да ошеври жемчужные, цена двенадцать рублей, да пять золотников жемчуга, цена золотнику по два рубли да большой стакан оловянный ... цена гривна»¹²⁴.

Однако крестьяне Глубоковского ключа, находившиеся за 300 верст от монастыря и от Вологды, по-видимому, в гораздо меньшей степени были связаны с рынком.

В архиепископской вотчине сильнее затронута товарно-денежными отношениями волость Лежский волок, где крестьяне платили денежный оброк в соединении с хлебным.

¹²¹ ГАВО, ф. 496, д. 377, л. 2.

¹²² Там же, лл. 1—2 об.

¹²³ Огризко З. А. Промысловое монастырское село в конце XVII в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.» М., 1961, с. 125—126.

¹²⁴ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 952.

Во всяком случае даже приведенные примеры показывают существенную неоднородность крестьян обеих вотчин. Среди них выделяются отдельные личности, специализировавшиеся на подрядах леса, как Козьма Тихонов с Лежского волока, выработке коровьего масла, как прилуцкий Елисей Козьмин из Оларевского ключа, продаже хлеба, как монастырский же домшинский крестьянин Филат Ефремов и архиепископский с Лежского волока Иван Боек, на торговле солью, как домшинский Тимофей Кабан.

Итак, в двух первых главах были рассмотрены производительные силы крестьянского двора, характеризующие его как первоначальную хозяйственную единицу. В последней четверти XVII—первой четверти XVIII в. на исследуемой территории двор практически не отягчен чужеродными элементами и равнозначен семье. Он сравнительно не сложен по семейному составу и численности. Наиболее характерным являлся двор с семьей, состоящей из прямых родственников, двух поколений, численностью три — шесть человек обоего пола. Такой двор располагал одним — двумя взрослыми работниками при одном неполном, пахал надел от 2,25 до 4,5 дес., имел одну-две головы рабочего скота.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СИСТЕМЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ВОТЧИНЫ

1. Рента, ее виды, степень распространения

Труд крестьянина на наделе приносил феодалу прибавочный продукт — ренту в том или ином виде. Рента реализовалась в форме повинностей, различных в разных местах владений Спасо-Прилуцкого монастыря и Вологодского архиерейского дома.

Повинности крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря изучали Л. С. Прокофьева и И. А. Булыгин¹. Прокофьева установила, что во второй половине XVII в. почти для всех крестьян монастыря основными были отработочные повинности во всем их разнообразии².

Булыгин на основе переписи владений монастыря, проведенной в 1701—1702 гг. присланным из Монастырского приказа стольником В. И. Кошелевым, определил, что к началу XVIII в. «примерно 86,5% всех крестьянских дворов находилось на барщине, несколько более 12,5% на денежном оброке и менее 1% на натуральном оброке»³.

Оба исследователя показали, что обработка монастырской пашни и сенокосные работы являлись преобладающим видом барщины. Прокофьева отметила, что еще одной повинностью, распространенной повсеместно в вотчине, была выделка «про монастырский обиход овсяной крупы»⁴. Кроме этих повинностей, крестьяне выполняли «всякую черную работу, на какую где бывает им ряд»⁵.

¹ Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.—Л., 1959; Булыгин И. А. Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в конце XVII—начале XVIII в.— В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968; *он же*. Крестьяне Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в первой половине XVIII в.— В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.

² Прокофьева Л. С. Указ. соч., с. 133, 135.

³ Булыгин И. А. Крестьяне Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря..., с. 113; *он же*. Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря..., с. 423—424.

⁴ Булыгин И. А. Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря..., с. 423; Прокофьева Л. С. Указ. соч., с. 133, 134.

⁵ Булыгин И. А. Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря..., с. 423.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы подтверждают выводы Прокофьевой и Булыгина и дополняют их, не меняя принципиальных положений, высказанных этими исследователями. Повинности крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря поэтому будут рассматриваться менее подробно, чем вотчина вологодского архиепископа, которая до сих пор еще никем обстоятельно не исследовалась. Для характеристики повинностей архиепископских крестьян использована перепись 1702—1703 гг., проведенная тем же стольником В. И. Копелевым во владениях Вологодского архиерейского дома. Это описание осуществлялось в самом начале XVIII в., и потому оно как бы подводит итог состоянию вотчины в конце XVII в.⁶ и служит отправной точкой для XVIII в.

Перепись показывает, что крестьяне четырех подгородных сел — Ивановского, Анапчина, Белого и Реброва, а также трех сел Засодимской волости — Степановского, Григорьевского и Цыбоева находились на отработочной ренте. Ее несли 470 дворов, или 28,4% от общего их числа.

На Лежском волоке 1187 крестьянских дворов, или 71,6% сидели на оброке, преимущественно денежном.

Работа на домовой пашне к началу XVIII в. составляла основную повинность крестьян подгородных сел. «Того ж села (например, Анапчина.— *Е. Б.*) с принадлежащих деревень с крестьян денежных доходов и иных столовых запасов во взятые никогда в то село не бывает». «А работают в домовом селе..., пашню пашут, и сено косят, и хлеб жнут и молотят»⁷. Крестьяне Засодимской волости также отбывали полевую барщину, однако здесь она дополнялась сборами натурой, которые состояли из столовых запасов. Их обязаны были вносить и крестьяне Лежского волока⁸.

Единицей тяглого обложения в обеих вотчинах была выть, Вотчинные власти именно на выть распределяли и рассчитывали разного рода повинности и подати. На следующем этапе уже сами крестьяне определяли долю каждого двора. Единицами подворного тягла были доли выти: в архиерейских волостях Лежский волок и Засодимской — осьмаки, в селах и ключах Спасо-Прилуцкого монастыря — четверухи, осьмухи и шестыны.

В 1702—1703 гг. 1187 дворов архиепископской волости Лежский волок составляли около 80 вытей⁹, а на одну выть в среднем приходилось около 15 дворов. Засодимская волость имела

⁶ Переписчику предписывалось для учета доходов «взять книги з 203 (1694/95) году расходные и приходные к денежному сбору», а для учета численности дворов использовать перепись 1678 г. (ГАВО, ф. 496, д. 11, л. 1; д. 18, л. 15; ф. 512, д. 167, лл. 5 об., 10 об.).

⁷ ГВЛ, ф. 354, д. 177—1, лл. 103, 124, 203 об., 221 об.; ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 53, лл. 17, 26, 32 об., 40.

⁸ ГВЛ, ф. 354, д. 177—1, лл. 25—26; д. 177—2, лл. 292, 351, 395.

⁹ ГАВО, ф. 496, д. 18, л. 15 об.; ГВЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—1, л. 23.

52 выти с четвертью осьмины¹⁰ и 242 двора, т. е. на одну выть приходилось около 5 дворов. Роспись мирского старосты Якова Леонтьева 1679 г. отмечает в Засодимье также 52 выти, а тяглых хозяйств — 221¹¹. Выть включала около четырех дворов. Следовательно, с 1679 по 1702 г. вытное обложение всей Засодимской волости не изменилось, хотя число дворов в ней увеличилось. Можно думать, что вытный оклад волости Лежский волок за этот период также остался прежним, т. е. составлял 80 вытей. В 1678 г. здесь было 686 дворов и на выть приходилось по 8—9 дворов. Прирост дворов в последней четверти XVII в. на Лежском волоке шел гораздо интенсивнее, чем в Засодимье. В 1712 г. вытный оклад Лежского волока и Засодимской волости оставался прежним, но уменьшилось число тяглых дворов. При определении числа дворов вотчинные власти исходили из переписи 1678 г. Архиепископские крестьяне платили с выти денежный оброк и поставляли столовые запасы.

И. А. Булыгин, рассматривая повинности крестьян монастыря по переписи 1701—1702 гг., замечает, что перепись не содержит «данных о принципах обложения денежным и натуральным оброком»¹². Можно, однако, думать, что таким принципом до конца XVII в. и в начале XVIII в. и в Спасо-Прилуцком монастыре оставалось повытное обложение. Об этом свидетельствуют крупные книги монастырских житников 1675, 1684, 1693 гг., а также внутренняя монастырская перепись земли и сепных покосов 1680 г.¹³ Л. С. Прокофьева показала, что во второй половине XVII в. крестьяне Спасо-Прилуцкого монастыря именно с выти обрабатывали монастырскую пашню, делали овсяную крупу, возили в монастырь дрова и камень¹⁴.

Основной повинностью архиепископских крестьян Лежского волока, как выше уже упоминалось, был денежный оброк. Его размер, судя по Приходной книге Вологодского архиерейского дома 1667/68 г., составлял 520 руб.¹⁵

В 1702—1703 гг. крестьяне платили «по скаске тое вотчины мирского старосты Михайла Данилова и выборных крестьян... и всех тое вотчины крестьян с семидесят девяти вытей с пяти осмин и с шестнадцатою долей осмины денег по осми рублей с выти. Итого денег 637 рублей два алтына с полуденьгой»¹⁶. Как

¹⁰ ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—1, л. 25.

¹¹ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 19, л. 1.

¹² Булыгин И. А. Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря..., с. 424, примеч.

¹³ ГИМ, ОИИ, ф. 61, д. 66; ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10; ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 4; ГАВО, ф. 512, д. 112.

¹⁴ Прокофьева Л. С. Указ. соч., т. 122, 134, 135.

¹⁵ ГАВО, ф. 883, д. 41, л. 20 об.

¹⁶ Там же, ф. 496, д. 18, л. 16. П. И. Иванов указал, что в Онежском Крестном монастыре в 70-х годах XVII в. денежный оброк с выти составлял 10 руб. (Иванов П. Документы Крестного Онежского монастыря.— «Древ-

видим, общая сумма оброка к началу XVIII в. увеличилась на 117 руб.

Вероятно, в последней четверти XVII в. произошло увеличение размера других платежей, взимаемых с крестьян Лежского волока. Кроме денежного, они вносили хлебный оброк «с выти в год ржи по три четверти, овса по тому ж, ячмени по четверти. Всего со всей вотчины хлеба: ржи двести тридцать восемь четвертей три полусосьмины и с пятой долей четверика. Овса тож число. Ячмени семьдесят девять четвертей две полусосьмины с четвериком. Всего вышеписанного всякого хлеба со всей вотчины платят на год в домовую казну 557 четвертей с полусосьминой и с четвериком и с двумя пятыми долями четверика»¹⁷. Также с выти, как уже говорилось, крестьяне поставляли столовые запасы. В год с каждой выти собиралось¹⁸:

	На Лежском волоке	В Засодимской волости
Масло коровье	1 пуд	полпуда
Свиное мясо	2 пуда	1 пуд
Грузди	полведра	—
Волняницы	1 ведро	—
Рыжики	—	полведра
Грибы сушеные	осьмина	—
Яйца на 3 праздника	со всей волости 3000 шт.	со всей волости 500 шт.
Мешки холщовые осьминные	—	1 шт.
Лопаты	—	2 шт.

2. Феодалные повинности крестьянского двора, его рабочие возможности

В начале XVIII в. на Лежском волоке среднее тягло на один крестьянский двор составляло полосьмака. Двор с таким тяглом платил в среднем денежного оброка полрубля, хлебом около полчетверти и столовых запасов: около 2,5 фунтов масла, 5 фунтов свиного мяса, 2—3 яйца и какое-то количество грибов. В Засодимской волости в это же время среднее тягло на двор составляло примерно 1,5 осьмака. Один двор вносил в среднем столовых запасов: 4 фунта масла, 8 фунтов мяса, 2 яйца и какое-то количество грибов.

Размер подворного обложения архиепископских крестьян в последней четверти XVII в. сообщают крестьянские челобитные. Крестьянин дер. Ковыриново Лежского волока Григорий Мокиев

ности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества», 1899, т. 11, вып. 3, с. 513).

¹⁷ ГАВО, ф. 496, д. 18, л. 16; см. также ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—1, лл. 23—24.

¹⁸ ГАВО, ф. 496, д. 18, л. 16 об.; ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—1, лл. 25 об.—26.

в 1681 г. должен был заплатить оброчных денег 15 алт. без двух денег, оброчного хлеба — полтора четверика ржи, овса и ячменя¹⁹. В 1702—1703 гг. дер. Ковырино насчитывала 12 дворов и платила с 5 осьмаков выти²⁰. На двор в среднем приходилось 14 алт., около 3 четвериков хлеба, около 2 фунтов масла.

Крестьяне той же волости дер. Угленское Матюшка да Кирюшка Яковлевы, прося в январе 1687 г. освободить их на год от уплаты оброка из-за пожара, сообщали, что Матвей платит оброку 15 алт. да «оброщного хлеба ржи и овса семени полпята путка (4,5 четверика.— *Е. Б.*), да масла полтретьи гривенки» (2,5 фунта.— *Е. Б.*); Кирилл — «двадцать восемь алтын, оброщного хлеба ржи и овса семени осмины с пудком, да масла четырех гривенок (4 фунта.— *Е. Б.*), да за мясо две алтын»²¹. В 1702—1703 гг. дер. Угленское состояла из 17 дворов и была обложена в одну выть. В среднем на один двор в ней приходилось платежей 15 алт. 4 ден., около 3 четвериков хлеба, масла примерно 2,5 фунта.

Крестьянин дер. Крюково Иван Иванов, обмелявший в 1687 г. свой надел с Еремеем Даниловым из дер. Колотилишка, платил «по окладу оброку с полугривной на десять алтын» (11 алт. 4 ден.), а Еремей «променял оброку шестнадцать алтын четыре деньги»²². В 1702—1703 гг. в дер. Крюково было 9 дворов п 7 осьмаков тягла. На один двор приходилось около 26 алт., 5,5 четвериков хлеба. Дер. Колотилишка была двухдворной и обложена в два осьмака. На один двор в ней приходилось в 1702—1703 гг. в среднем по 1 руб. и по 7 четвериков хлеба. В 1678 г. она была одподворным почином.

Приведенные примеры платежей для последней четверти XVII в. и вычисленные средние на двор по тем же деревням на начало XVIII в. показывают, что на Лежском волоке подворный размер оброка, как денежного, так и натурального, оставался приблизительно одинаковым. В условиях роста населения волости в последней четверти XVII в. и остававшейся неизменной общей величины вытного оклада это было возможно при увеличении норм денежного и натурального оброка на выть как единицу обложения.

Крестьяне Спасо-Прилуцкого монастыря, находившиеся на денежном оброке, в начале XVIII в. (1701—1702 гг.) уплачивали в среднем с двора по 1 руб.²³ Размер натуральных платежей в 90-х годах XVII в. сообщает челобитная от 2 июня 1693 г. трех

¹⁹ ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—3, л. 421.

²⁰ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 107, л. 5 об.

²¹ Там же, карт. 6, д. 110, л. 4.

²² ГИМ, ОПИ, ф. 223, д. 23, л. 38.

²³ *Булъгин П. А.* Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря..., с. 424; *он же.* Крестьяне Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря..., с. 114.

прилуцких крестьян дер. Лаврентьевской: «Оброку платим мы ... в монастырь с пяти четверух земли хлеба ржи пять четвертей да овса десять четвертей многие лета»²⁴. Значит, на надел в четверть выти приходились 1 четв. ржи и 2 четв. овса. Однако по выпности крестьян дер. Лаврентьевской этим не ограничивались. Они «сверх тово оброку луги косили на монастырь возов по двадцати по пяти и больше»²⁵. Размер хлебного оброка деревни до конца века не изменился. В 1701—1702 г. крестьяне платили также 5 четв. ржи и 10 четв. овса²⁶.

В начале второго десятилетия XVIII в., в 1712 г., общая сумма денежного оброка, уплачиваемого архиепископскими крестьянами Лежского волока, оставалась такой же, как и в 1702 г., не изменился и размер вытного оклада. Однако число дворов уменьшилось: «710 дворов, 79 вытей 5 осьмин с 16 долю осьмины, оброку 637 рублей 2 алтына 2 деньги»²⁷. Уменьшившееся за 10 лет XVIII в. число дворов (с 1187 до 710) вызвало увеличение размера крестьянских платежей. На один двор теперь приходилось по 30 алт., т. е. в 1,8 раза больше, чем в 1702 г. Натуральные сборы в целом также оставались прежними. С 80 вытей собиралось по 239 четв. с четвериком ржи и овса, 79 четв. с осьминой и четвериком ячменя, а также «столовых запасов: груздей 79 ведр с полуведром, волпяниц 159 ведр, грибов сухеных 39 четей с осьминой и с четвериком, масла коровья 79 пуд с полупудом, свиных мяс 159 пуд»²⁸. Увеличилось лишь количество яиц с трех до восьми тысяч. На один двор приходилось по 0,75 четв. хлеба, 9 фунтов мяса, 4,5 фунта масла, десятку яиц, т. е. в 1,6 раза больше, чем в 1702 г.

В это же время в Засодимской волости сумма натуральных платежей и вытный оклад не изменились в сравнении с последней четвертью XVII в., а число дворов считалось по переписи 1678 г. С 220 дворов, составлявших 52 тяглых выти, в год собиралось: рыжиков 26 ведер, яиц 500 штук, коровьего масла 26 пудов, свинины 52 пуда, 52 мешка, 104 лопаты, 50 заступных деревьев²⁹. Один двор стал вносить столовых запасов несколько больше, чем в 1702 г.: 4,7 фунта масла, 9,5 фунта мяса, 2—3 яйца.

Следовательно, в изучаемое время денежный и натуральный оброки увеличивались. Но за последнюю четверть XVII в. к 1702 г. выросла общая сумма этих платежей при неизменившейся подворной порме. В первой же четверти XVIII в. увеличился размер подворных платежей при неизменившемся объеме оброка в

²⁴ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1247, л. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Булыгин И. А. Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря..., с. 424.

²⁷ ГАВО, ф. 496, д. 365, л. 1.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, л. 4 об.

целом по волости. Причина этого лежит в демографическом сдвиге населения, быстро росшего в конце XVII в. и сильно сократившегося в первой четверти XVIII в.

Перейдем к рассмотрению отработочной повинности. Сведений о порядке отбывания барщины в обеих вотчинах в изучаемое время обнаружить не удалось. Лишь для архиепископских крестьян Лежского волока есть свидетельство волостного старосты и выборных крестьян на 1702—1703 гг. о норме выделения работников на сенокос и о длительности пребывания на нем: «браны по вся годы на домовый сенокос косцы с выти по два человека, и стоят на том сенокосе педель по девяти»³⁰. Отметим кстати, что это указание норм отработочных повинностей, пожалуй, единственное в источниках по вотчине вологодского архиепископа.

Основываясь на нем, можно считать, что в барщинных районах архиепископской вотчины — Засодимье и подгородных селах — также было обычным выделять крестьян с выти на весь период «издельных» работ. Вероятно, число работников, поставляемых с выти на домовую пашню в этих районах, было иным. Возможно, что с выти полагалось обрабатывать определенное число десятин пашни или отработать несколько дней также с выти на архиерейской пашне, как это было в Спасо-Прилуцком монастыре в середине 20-х годов XVII в.³¹

Величину барской запашки возможно проследить по обеим вотчинам. Начнем с вотчины вологодского архиепископа.

В переписи 1702—1703 гг. назван размер домовй пашни по каждому из подгородных сел и сел Засодимья: «Пашни пашут в том селе на архиерейский дом в поле 28 десятиц, в дву по тому ж»³². Крестьяне четырех подгородных сел обрабатывали: в с. Ивановском — 35 дес., Белом — 24 дес., Анапине — 28 дес., Реброве — 26 дес.³³, всего 113 дес. в поле или 373 дес. в трех полях. В селах Засодимской волости: в с. Степановском — 50 дес., Григорьевском — 49 дес. и Цыбоеве — 33 дес.³⁴; всего 132 дес. в поле или 396 дес. в трех полях. В этих двух районах вотчины вологодского архиепископа трудом барщинных крестьян, находившихся на отработочной ренте, обрабатывалось 769 дес. пашни.

Обложение четырех подгородных сел (228 дворов) составляло 33 выти с шестью осьмаками, в среднем на одну выть приходилось 11 дес. пашни, а на двор — 1,6 дес. На одну выть в Засодимской волости приходилось 7,6 дес., а на один двор — 1,6 дес. (всего 242 двора и 52 выти с четвертью осьмины). Отсюда видно,

³⁰ ГАВО, ф. 496, д. 18, л. 17.

³¹ Прокофьева Л. С. Указ. соч., с. 121, 122.

³² ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—1, л. 110.

³³ Там же, лл. 103, 110, 131, 210 об. Заметим, что по данным посева 1703 г. в подгородных селах площадь под озимью относится к площади под яровыми, как 1 : 1,2, а в Засодимской волости, как 1 : 1,1. Такое соотношение сохраняется и в последующих расчетах.

³⁴ Там же, лл. 227 об., 300 об., 359 об.

что в двух барщинных районах архиепископской вотчины норма господской пашни на один двор в начале XVIII в. была одинаковой.

О домовой запашке в конце XVII в. можно судить по данным посева начала 70-х годов.

12 августа 1672 г. в с. Ивановском было высеяно ржи 39,5 четв. Причем «пахали крестьяне на своих лошадях на двадцать четвертей четыре четверти с четверкою. А на домашних лошадях пахано 15 четвертей с четверкою ж»³⁵. Посевная площадь составила 19,75 дес. Кроме этого, в поле дер. Спирино было высеяно ржи 3 четв. без полуосьмины³⁶ на 1,375 дес. Всего под озимью была 21 дес. Имеются отписки посельских старцев подгородных сел от августа 1671 г. о посеве озимой ржи к 1672 г. «в большую меру» или «от Симон в новую меру»³⁷. Посев в с. Ивановском составил 23,5 четв., т. е. был почти равен площади под озимыми в этом же селе в 1672 г. Вероятно, в период с 1664 по 1671 г. по указу архиепископа Симона была введена хлебная четверть, вдвое превышавшая общепринятую: на 1 дес. высевалась 1 четв. ржи. Эта мера применялась в хозяйстве и в первой четверти XVIII в. В с. Ивановском к 1715 г. «посеяно ржи на сорока трех десятинах 43 четверти», в с. Ананьине на 31 дес.— 30 четв.³⁸ В 1671 г. в с. Ананьине было высеяно ржи 29 четв., «да в том же поле ... четыре четверти на перелог»³⁹. В с. Белом было засеяно 23 дес., из них посеяно «на крестьянскую пашню 10 четвертей». Кроме этого, 9 четв. высеяно на подсеке пустоши Грибцово⁴⁰. Итак, в 1671 г. в трех подгородных селах была посеяна рожь на 88 дес., а домовая пашня, за исключением посева на пустошах, который мог быть эпизодическим, сложилась к этому времени в следующем виде: с. Ивановское — около 25 дес., Белое — 23 дес., с. Ананьино — 29 дес. Припуск земли из перелога в поле с. Ананьино означал расширение пахотной площади.

Сведения о посеве в 1671 г. в с. Реброве отсутствуют, быть может потому, что величина домовой пашни в нем была незначительна и возделывалась силами наемных работников. В 1690 г. посельский старец этого села в июне «нанимал подростков, десять человек, навоз вываживать», а в августе нанимал «вешнюю пашню боронить и паренину подростков одиннадцать человек»⁴¹. В этом же году «наемным работникам... всего осми человекам дано наемных денег нынешнего 198 году марта с первого числа да по 199 сентября по первое число на полгода по полтора рубли

³⁵ ГИМ, ОИИ, ф. 226, д. 21, л. 18.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 15.

³⁸ ГАВО, ф. 496, д. 438, лл. 8, 9.

³⁹ ГИМ, ОИИ, ф. 226, д. 21, л. 15.

⁴⁰ Там же, л. 17.

⁴¹ ГАВО, ф. 883, д. 74, лл. 77 об., 84—84 об.

человеку. Итого всем 12 рублей»⁴². Видимо, недостаточное количество земли в этом селе заставило архиерейский дом в целях расширения сельскохозяйственного производства приобрести у разных владельцев четыре населенных пункта, по половине деревень Невейниково (в 1690 г.) и Галкино (в 1697 г.), дер. Огарково и дер. Борисково (также в 1697 г.) с 18 дворами и со 122 четв. пашни «с лесы, с санными покосы, со всеми угодья» по писцовым книгам 20-х годов XVII в.⁴³

Разграничение в с. Белом посева на «казенную» и на «крестьянскую» пашню, а в с. Ивановском на пашню, обрабатываемую крестьянами «па своих лошадях» и «на домовых лошадях», свидетельствует о том, что не вся домовая пашня обрабатывалась трудом барщинных крестьян, а лишь ее часть, приблизительно половина: в с. Белом из 23 дес.— 10 дес., в с. Ивановском из 20 дес.— 12 дес. Допустив, что в с. Ананьипо трудом барщинных крестьян обрабатывалась также половина всей пашни — 14 дес., обнаруживаем, что величина барщинной пашни в трех селах примерно одинакова. Заметим, что по переписи 1678 г. в этих селах было и одинаковое число дворов (30, 32, 32 соответственно по селам).

Следовательно, в качестве полевой барщины 94 крестьянских двора трех подгородных сел обрабатывали 120 дес. пашни, или по 1,28 дес. на один двор, исходя из численности дворов на 1678 г.

В том же 1671 г. в засодимских селах «па десятинную пашню» также «в большую меру» было посеяно ржи: в Степановском — 39,5 четв., Цыбоеве — 21,75 четв., Григорьевском — 24,75 четв.⁴⁴; всего па 86 дес. Домовая запашка во всех трех селах составляла в это время 283 дес. Средняя норма на один двор и в этом районе вотчины составляла 1,28 дес., т. е. была такой же, как и в подгородных селах.

Следовательно, в первой половине 70-х годов XVII в. в двух районах вотчины вологодского архиепископа, несших отработочные повинности, средняя норма полевой барщины на один крестьянский двор составляла около 1 дес. с третью.

Для характеристики повинностей первой четверти XVIII в. использована «Книга сбора с вотчин и пустошей оброков» 1712 г., в которой показаны не только оброчные районы вотчины вологодского архиепископа, но и районы, находившиеся на отработочной ренте: в «Засодимской волости 220 дворов на зделье»⁴⁵. 220 дворов — это число дворов во всей волости по переписи 1678 г. Архиерейские власти, следуя общегосударственным указам учитывать население для уплаты государственных налогов по переписи

⁴² ГАВО, ф. 883, д. 74, л. 78.

⁴³ ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177--1, лл. 223—224 об.

⁴⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 21, л. 16.

⁴⁵ ГАВО, ф. 496, д. 365, л. 4 об.

1678 г., и во внутреннем учете, вероятно, исходили из численности дворов на 1678 г. Дворы в подгородных селах перечислены по каждому из них отдельно: «Села Ананьино 31 двор на зделье. Села Ивановского 31 двор на зделье. Села Белого 31 двор на зделье», причем в последнем появились взносы натурой, отсутствовавшие в последней четверти XVII в. Собиралось: «яиц 30, оглобель березовых 150, осей тележных 50, вил сенометных 15, метел 555»⁴⁶. В четырех деревнях Бубнове, Пыхмареве, Прасолове, Демьянове, приобретенных к этому селу Вологодским архиепископским домом в 90-х годах XVII в., было еще 20 дворов «на зделье», но на них не распространялись введенные натуральные сборы. В Реброве был 21 двор на зделье⁴⁷.

Всего в подгородных селах было в 1712 г. 134 двора, отбывавших барщину и несших отработочные повинности. По сравнению с 1702 г. число дворов в подгородных селах уменьшилось с 228 до 134, т. е. почти в два (1,7) раза.

Как видим, в начале второго десятилетия XVIII в. характер и виды повинностей в районах архиепископской вотчины остались прежними.

Величину домово́й запашки характеризует «Книга записная хлебно́му посеву, и ужину, и умолоту» от ноября 1715 г., составленная посельскими старцами Засодимской волости и подгородных сел⁴⁸. В ней показан посев озимой ржи на 1714 г. и яровых — овса, ячменя, пшеницы, гороха и конопли на 1715 г. Распределение в подгородных и засодимских селах пахотной площади см. в табл. 19.

Из таблицы видно, что домовая пашня, где крестьяне выполняли различные барщинные работы, в середине второго десятилетия XVIII в. составляла в подгородных селах около 470 дес., а в засодимских — 400 дес. Учитывая число дворов, указанное в «Книге сбору...» 1712 г., получим, что в подгородных селах в среднем на крестьянский двор приходилось 3,5 дес. барщинной пашни, а в Засодимской волости — 1,8 дес. Норма полевой барщины крестьян подгородных сел была в два раза выше, чем у крестьян Засодимья. Изменение размеров домово́й пашни в подгородных и засодимских селах отражает табл. 20.

Она показывает, что наиболее интенсивно увеличивалась домовая пашня в подгородных селах. За последнее тридцатилетие XVII в. она возросла в этом районе в 3 раза, в то время как в Засодимье — в 1,4 раза. В начале XVIII в. темп роста архиепископской пашни снизился. С 1702 по 1715 г. ее размер возрос в подгородных селах лишь в 1,2 раза, а в Засодимье остался без изменения, на уровне 1702 г. В целом же за полувековой период домовая пашня выросла в подгородных селах в 4 раза, а в за-

⁴⁶ Там же, л. 5, 5 об.

⁴⁷ Там же, л. 5 об.

⁴⁸ Там же, д. 438.

**Распределение барщинной пахотной площади в подгородных
и засодимских селах**

Село	Число десятин под			Всего
	озимью	ярью	паром	
Ивановское	43	47,5	45	135,5
Ананьино	31	28,5	30	89,5
Белое	43	51,5	47	141,5
Реброво	28	40	34	102,0
Всего в четырех селах	145	167,5	156	468,5
Степановское	46	49,5	48	143,5
Григорьевское	45	50,5	48	143,5
Цыбоево	46	30	38	114,0
Всего в трех селах	137	130	134	401

содимских — в 1,4 раза. Расширение пахотной площади в хозяйстве вологодского архиепископа вызывало и увеличение норм барщинных работ, выполняемых крестьянами, а также нормы подворного тягла. Средняя норма пашни, приходившаяся на один крестьянский двор, с 1671 по 1702 г. увеличилась на треть десятины, или в 1,2 раза в подгородных и засодимских селах, а с 1702 по 1715 г. — на 1,9 дес., или в 2,2 раза в подгородных селах, в Засодимье же норма почти не изменилась. В целом за исследуемое время размер полевой барщины на двор увеличился в 2,8 раза в подгородных селах и в 1,4 раза в засодимских.

Рассмотрим теперь размеры барской запашки Спасо-Прилуцкого монастыря в начале XVIII в. В сентябре 1703 г. был составлен список «хлебному ржаному севу нынешнего 1703 г., сколько в котором селе и на скольких десятинах к предбудущему году засеяно ржи»⁴⁹. Из него следует, что монастырская запашка в подмонастырном поле, пятнадцати селах, двух полуселах и при-

⁴⁹ ГАВО, ф. 496, д. 404, л. 1. При определении размера пашни в целом здесь исходим из соотношения площадей озимых посевов к яровым, как 1 : 1,2. Такое соотношение было характерно для исследуемого времени и района (Колесников П. А. Динамика посевов и урожайности па землях Вологодской губернии в XVII—XIX вв.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г.» Кипшиев, 1966, с. 243; *он же*. Крестьянство и сельское хозяйство Европейского Севера России в XVI—XVIII вв. (К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве). Автореферат диссертации на соискание ученой степени докт. историч. наук, Л., 1972, с. 33).

Рост барщинной пашни и ее средней подворной нормы

Село	1671 г.			1702—1703 гг.			1715 г.		
	число дес. домо-вой паш-ни	число дво-ров на 1678 г.	средняя нор-ма на 1 двор	число дес. домо-вой паш-ни	число дво-ров	средняя нор-ма на 1 двор	число дес. домо-вой пашни	число дво-ров на 1712 г.	средняя нор-ма на 1 двор
Ивановское	40	32	1,25	115,5	65	1,7	135,5	31	4,3
Ананьино	47	32	1,4	92,5	51	1,8	89,5	31	2,8
Белое	33	30	1,1	79,2	82	0,9	141,5	51	2,7
Реброво	—	—	—	85,8	30	2,8	102	21	4,8
Всего в четы- рех селах	120	94	1,28	373	228	1,6	468,5	134	3,5
Степановское	130	87	1,5	150	105	1,4	143,5	87	1,6
Григорьевское	81	78	1,0	147	79	1,8	143,5	78	1,8
Цыбоево	72	56	1,28	99	58	1,7	114,0	56	2,0
Всего в трех селах	283	221	1,28	396	242	1,6	401	221	1,8

селке составляла 315 дес. в поле⁵⁰, или 1040 дес. в трех полях. По переписи 1701—1702 гг. за монастырем числилось 593 крестьянских (и бобыльских) двора⁵¹. В среднем на один двор приходилось 1,7 дес. пашни.

Следовательно, и в архиепископской, и в спасо-прилуцкой вотчинах средняя норма барщинной запашки на один крестьянский двор в первые годы XVIII в. была практически идентичной и составляла немногим более 1,5 дес. в трех полях.

Выясним состояние монастырской запашки и ее подворную норму в последней четверти XVII в.

По данным о посеве озимой ржи и яровых в Спасо-Прилуцком монастыре на 1684 г.⁵² посевная площадь под этими культурами в подмонастырном поле и в селах (Васильевском, Караваеве, Сафонове, Сергиеве, Паренцыне, Ивасовском, Богородском, Лоптунове, Бурдукове, Погодаеве, Великой Реке, Домшине, Ильинской Пустыни) составляла примерно 680 дес. Крупная книга житника Савватия 1684 г. охватывает население этой же территории, положенное в 114 вытей, кроме с. Домшина⁵³. В книге

⁵⁰ ГАВО, ф. 496, д. 404, л. 5.

⁵¹ Булыгин И. А. Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря..., с. 418.

⁵² Прокофьева Л. С. Указ. соч., с. 35, 36.

⁵³ ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10.

житника Галактиона 1666 г. учтены деревни с. Домшина⁵⁴, пасчитывавшие 10 вытей земли. В Приходо-расходной книге 1684/85 г. имеется запись о приеме денег за дрова, где по Домшинскому ключу значится также 10 вытей⁵⁵.

Крестьяне всех вышеперечисленных сел тянули в 1684 г. со 124 вытей. На одну выть приходилось 5,5 дес. монастырской пашни. По переписи 1678 г. в этом же районе было 482 двора⁵⁶. И. А. Булыгин показал, что в течение последней четверти XVII в. численность дворов во всей монастырской вотчине осталась на уровне переписи 1678 г. при возросшей населенности двора⁵⁷. Поэтому вполне допустимо считать, что в 1684 г. в районе 14 перечисленных сел было 482 двора.

В среднем на выти было около 4 дворов, а средний размер барской запашки на один двор составлял 1,4 дес.

В 1671 г., как свидетельствуют «Книги пашни и севу монастырскому»⁵⁸, величина пашни подмонастырской и сельской составляла 655 дес. Полагая, что дворов в тех же самых 14 селах было около 480, можем считать, что норма барской запашки на один крестьянский двор в 1671 г. составляла в среднем 1,35 дес.

Таким образом, в течение последнего тридцатилетия XVII в. монастырская пашня выросла с 655 дес. в 1671 г. до 1040 дес. в 1703 г., или примерно в полтора раза.

Средняя норма барской запашки на один двор за это же время возросла с 1,35 до 1,7 дес., или на треть десятины.

В последней четверти XVII в. все крестьяне монастыря, как уже говорилось, перерабатывали овес на крупу. Л. С. Прокофьева установила, что крестьяне получили для переработки овса на крупу в 1657 г. 4 четв. на одну выть⁵⁹. Она предполагает, что эта норма сохранялась до конца XVII в. «Во всяком случае,— говорит автор,— данные крупяной книги 1657 г. являются в этом отношении единственными: сохранившиеся до нас, более поздние крупяные книги, содержащие раскладку тягла по доставке в монастырь крупы, не содержат никаких данных о норме розданного овса»⁶⁰. Однако книга житника Галактиона 1666 г. «раздачи овсу на крупу и на ядро»⁶¹ позволяет внести некоторые коррективы. Из нее видно, например, что деревни Дубиково и Козлово имели по одной «выти земли». В каждую из этих деревень было «дано овса на ядро 6 четей»⁶². В книге указано число четвертей

⁵⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 61, л. 66, лл. 19 об.—21 об.

⁵⁵ ГАВО, ф. 512, д. 135, л. 13.

⁵⁶ Там же, ф. 496, д. 429, л. 7.

⁵⁷ Булыгин И. А. Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря..., с. 418.

⁵⁸ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 162, лл. 77—78.

⁵⁹ Прокофьева Л. С. Указ. соч., с. 134.

⁶⁰ Там же, с. 135.

⁶¹ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 66.

⁶² Там же, л. 7 об.

овса, розданного на село или ключ с входящими в них деревнями, и число «вытей земли» на каждую деревню, что позволяет высчитать норму овса, раздаваемого на выть. Например, в с. Богородском было $3\frac{3}{4}$ выти, дер. Сысоево — $1\frac{3}{4}$ выти, дер. Волвино — $1\frac{1}{2}$ выти, всего 7 вытей. В с. Богородское с деревнями было «роздано овса на ядро 42 чети»⁶³, т. е. по 6 четв. на выть. В с. Сергиеве с деревнями было $15\frac{3}{4}$ выти, а овса «роздано на ядро 94 чети с осьминою»⁶⁴, т. е. также 6 четв. на выть. Следовательно, норма «крупной» повинности за 10 лет — с 1657 по 1666 г. выросла с 4 до 6 четв. овса на выть, т. е. в 1,5 раза.

Всего в 1666 г., согласно книге Галактиона, было роздано 695 четв. овса⁶⁵. В 70-х годах XVII в., по данным Л. С. Прокофьевой, количество овса колебалось от 610 до 680 четв. в год⁶⁶, что определялось, естественно, нуждами монастыря. Если бы в 80—90-х годах это количество овса осталось неизменным, то только тогда можно было бы говорить об устойчивости нормы крупной повинности до конца XVII в., по в размере не 4, а 6 четв. овса на выть. Увеличение количества овса, раздаваемого крестьянам для обработки, пропорционально увеличивало нагрузку на одну выть, а следовательно, и на двор.

Если считать, что крестьяне получали для переработки по 6 четв. овса на выть, то в 70—90-х годах XVII в. от 46 до 55% хозяйств (см. табл. 13) с окладом в $\frac{1}{4}$ выти выделяли по 1,5 четв. крупы, от 12 до 20% дворов с окладом $\frac{1}{8}$ выти — по $\frac{3}{4}$ четв. и от 14 до 16% с окладом $\frac{1}{8}$ выти — по 1 четв.

Для первой четверти XVIII в. мы не располагаем сведениями, характеризующими монастырскую запашку во всех селах или хотя бы в большинстве из них. Такие сведения имеются на 1721 г. по деревням Спасского прихода с. Глубокого, которые несли барщину.

От 11 марта 1721 г. сохранилась ведомость мирского старосты, «что в нашем Спасском приходе деревень и в них крестьянских дворов, и пашен, и сепных покосов, и работ монастырских»⁶⁷. По ней в девяти деревнях прихода числилось 13 дворов вместо 51 двора⁶⁸ в 1701—1702 гг. За 20 лет число дворов сократилось почти в 4 раза (3,9).

Повинности крестьян Спасского прихода заключались в работе: 1) на монастырской сельской пашне — «пашню пашем на монастырь», а «в том селе пахотная земля вытново числа полтретьи выти»⁶⁹, т. е. 15 дес. в поле, или 45 дес. в трех полях; 2) на

⁶³ Там же, л. 14 об.

⁶⁴ Там же, л. 15 об.

⁶⁵ Там же, лл. 69—87; ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10.

⁶⁶ Прокофьева Л. С. Указ. соч., с. 134.

⁶⁷ ГАВО, ф. 496, д. 822, л. 20—20 об.

⁶⁸ Булыгин И. А. Из истории крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря..., с. 424.

⁶⁹ ГАВО, ф. 496, д. 822, л. 20 об.

монастырском сенокосе — «сена косим на монастырскую скотину», а «сенных покосов в полях и по речке Волошике возов ста на два»⁷⁰. Кроме этого, ведомость 1721 г. содержит развернутую характеристику барщинных работ, даваемую самими крестьянами: мирским старостой и семью выборными. «Да сверх того работаем монастырское зделье. На монастырь пашем, и хлеб в монастырь возим, сена косим на монастырскую скотину, и приплодную залишнюю скотину в монастырь гоняем, и всякий приплод от скотины в монастырь возим. В селе монастырский двор, избы и всякое хоромное строение строим и работаем»⁷¹. Крестьяне не указывают, к сожалению, принципа отбывания барщинных работ.

В этом районе монастырской вотчины, так же как и в других, на протяжении исследуемого времени росла посевная площадь, обрабатываемая трудом барщинных крестьян. В 1684 г. она составляла примерно 20 дес.⁷², в 1703 г. — 24 дес.⁷³, в 1721 г. — 45 дес., увеличившись в 2,25 раза. Норма монастырской пашни на один двор в с. Глубокое также возросла. В 1684 г. она составляла 0,4 дес., в 1703 г. — почти полдесятины (0,47 дес.), а в 1721 г. — уже 3,5 дес. Резкий скачок в подворной норме барщинной пашни в первое десятилетие был вызван не только увеличением пахотной площади, но и сокращением числа дворов в Спасском приходе в 4 раза. Итак, в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря как в последней четверти XVII в., так и в первой четверти XVIII в. наблюдалось расширение размеров монастырской пашни, сопровождавшееся увеличением нормы полевой барщины крестьян, которая возросла в 2,5 раза.

Сравнив нормы барщинной запашки в обеих вотчинах, видим, что в рассмотренные периоды времени они были практически одинаковыми: в 1671 г. — 1,28 дес. у архиепископских и 1,35 дес. у монастырских крестьян, в 1703 г. — 1,6 дес. и 1,7 дес. соответственно, а в 1715 и 1721 гг. — 3,5 дес. у крестьян обеих вотчин. Учитывая, что села и деревни обеих вотчин расположены в разных районах Вологодского уезда, можно считать эти нормы более или менее типичными.

Таким образом, убеждаемся, что повинности крестьян изучаемых вотчин были смешанного характера. Наибольший удельный вес (по числу отбывавших дворов) имела в Спасо-Прилуцком монастыре барщина, а в вотчине вологодского архиепископа смешанный оброк — денежный и натуральный. Но даже в оброчной волости архиепископской вотчины существовала отработочная повинность — поставка людей на сенокос. Чисто денежный оброк практически отсутствовал в обеих вотчинах. Он дополнялся либо натуральными взносами, либо «издельем». Районы, несущие толь-

⁷⁰ ГАВО, ф. 496, д. 822, л. 20 об.

⁷¹ Там же.

⁷² Вычислено по данным о посеве озимой ржи, овса и ячменя, приводимым Л. С. Прокофьевой (указ. соч., с. 36).

⁷³ ГАВО, ф. 496, д. 404, л. 5.

ко отработочную повинность, характерны для обеих вотчин, но больше — для монастырской. В Вологодском архиерейском доме были более развиты повинности смешанного вида.

За исследуемое время наибольшую тенденцию к росту обнаруживает отработочная рента в виде полевой барщины. Ее увеличение обусловлено расширением посевных площадей и растущим сельскохозяйственным производством. В результате — повысилась в обеих вотчинах норма барщинной пашни на один крестьянский двор: с 1,28—1,35 дес. в 70-х годах XVII в. до 1,6—1,7 дес. в 1702 г. и до 3,5 дес. в 1715, 1721 гг. В последней четверти XVII в. увеличение как барской запашки, так и норм барщинной повинности происходило во всех районах, бывших на отработочной ренте, а в первой четверти XVIII в. — лишь в некоторых. Это можно объяснить исчерпанием возможностей для расширения посевных площадей в одних местах и наличием таких возможностей в других. Кроме того, судя по хозяйству Вологодского архиерейского дома, расширение его собственной запашки в первой четверти XVIII в. шло заметно слабее, чем в последней четверти XVII в., что было связано с уменьшением числа работоспособного мужского населения вследствие мобилизации в солдаты и работники. Последнее обстоятельство и общее снижение численности дворов в обеих вотчинах и вызвало столь сильное увеличение барщинной нормы на один двор в первой четверти XVIII в.

Денежный и патуральный оброки в течение первой четверти XVIII в. в целом по своим размерам остались на прежнем уровне. Однако по причинам, уже названным, норма на двор в этот период возросла примерно в 1,5 раза.

Как было показано выше, наиболее распространенными являлись крестьянские хозяйства с одним — двумя взрослыми полными работниками при одном неполном (80%), а около половины всех семей имели одного взрослого работника.

По поголовью рабочего скота преобладали хозяйства одно- и двухлошадные. Причем однолошадные дворы составляли половину хозяйств. Двухлошадных дворов было около 20%. Всего же одно — двухлошадных дворов насчитывалось несколько меньше (70%), чем хозяйств с одним — двумя взрослыми работниками⁷⁴.

По обеспеченности наделной землей наиболее распространенным был надел в 9 четв. (4,5 дес.), его имели около 50% хозяйств, около 20% дворов пахали наделы в 4,5 четв. (2,25 дес.) и несколько более 10% хозяйств — 6 четв. (3 дес.) в трех полях. Следовательно, приблизительно 80% хозяйств владели такими чаще всего встречавшимися наделами, которые были посылны дворам с одним взрослым и одним неполным работником.

Обобщив только что сказанное о числе работников, поголовье рабочего скота и величине надела, можно заключить, что около

⁷⁴ 10% хозяйств были безлошадными и, видимо, являлись в основном хозяйствами только с одним работником.

половины хозяйств имели одного работника, одну лошадь и 2,5—4,5 дес. пахотной земли в трех полях.

Напомним, что один взрослый работник на одной лошади за посевную кампанию способен был обработать 1,7—2 дес. земли.

Рассмотрим теперь на примере 90 хозяйств Подмонастырского ключа Спасо-Прилуцкого монастыря возможности крестьянского хозяйства уже с учетом барщины. Выявим число хозяйств, в которых загруженность работников пахотой не была максимальной, а потому имелся резерв рабочей силы. При определении резерва исходим из возможности хозяйства обработать дополнительное количество пашни, кроме наделной и барщинной.

При сохранявшейся в принципе величине надела норма барщины па один двор за исследуемое время, как было показано, увеличилась. Выше приводилась группировка (см. табл. 17) 90 хозяйств Подмонастырского ключа по величине запашки, приходящейся на одного полного работника, исходя из размера наделов.

Так, имелось 40% хозяйств, в которых на одного полного работника приходилось 1,5 дес. посева. Эти дворы, кроме наделной земли, должны были обработать в год на барщине: в последней четверти XVII в.—1,3 дес., в 1702 г.—1,6 дес., в первой четверти XVIII в.—3,5 дес. В них один полный работник в посевную кампанию обрабатывал: в конце XVII в.—1,5 дес. надела плюс 0,4 дес. монастырского поля, всего 1,9 дес.; в 1702 г.—1,5 дес. надела плюс 0,5 дес. монастырского поля, всего 2 дес. и в первой четверти XVIII в.—1,5 дес. надела плюс 1,2 дес.⁷⁵ монастырского поля, всего 2,7 дес. Учитывая, что только треть хозяйств располагали еще и неполным работником, можно сказать, что эти хозяйства справлялись до конца XVII в. с обработкой как собственного надела, так и барщинной нормы. В первой же четверти XVIII в. хозяйствам с одним полным работником было уже не под силу обрабатывать свой надел и отбывать барщину.

Значительное число хозяйств (44,3%) имело наделной земли на одного работника от $\frac{3}{4}$ дес. до 1 дес. Дворам с одним работником (15,6%) приходилось обрабатывать в одну посевную наделной и барщинной пашни в последней четверти XVII в.—1,2—1,4 дес.; в 1702 г.—1,3—1,5 дес., в первой четверти XVIII в.—2—2,2 дес. Как видим, при данных размерах наделной земли треть этих хозяйств (около 5%), имевших еще и неполного работника, могли припахать до одной десятины как в последней четверти XVII в., так и в 1702 г. В первой же четверти XVIII в. подобная возможность уже отсутствовала во всех хозяйствах, ее поглощала работа на барщине⁷⁶.

⁷⁵ Барская запашка в одном поле составляла в последней четверти XVII в. 0,4 дес., в 1702 г.—0,5 дес., в первой четверти XVIII в.—1,2 дес.

⁷⁶ Учитывая одновременность работы на барщине и на своем поле, а также принимая во внимание, что половина дворов — однолошадные, за хозяйства, имеющие резерв рабочей силы, принимаем такие, которые располагали возможностью припахать 0,5 дес. и более.

В 44% хозяйств входило 25% хозяйств с двумя полными работниками. Эти дворы в посевную кампанию обрабатывали 1,5—2 дес. надела плюс барщинную запашку: 0,4 дес. в конце XVII в., 0,5 дес. в 1702 г. и 1,2 дес. в первой четверти XVIII в. Выделяя одного работника на отработку барщины, другого на обработку собственного надела, такие хозяйства могли припахивать в конце XVII в. и в 1702 г. около одной десятины пашни. В первой четверти XVIII в. такой резерв рабочей силы уже отсутствовал.

Было также 12,1% хозяйств с двумя — тремя работниками и наделной запашкой на одного работника от полудесятины и менее до $\frac{3}{4}$ десятины, которые обрабатывали 1—2 дес. надела плюс указанные величины барщины. Эти хозяйства с низкой величиной наделной запашки на одного работника имели, как правило, двух — трех полных работников при одном неполном. Поэтому в XVII и XVIII вв. они не только справлялись с наделной и барщинной пахотой, но и имели резерв рабочей силы.

Итак, при самой разнообразной обеспеченности крестьян Подмонастырского ключа наделной землей около 45% хозяйств в XVII в. имели резерв рабочих рук либо для возделывания вне наделной пашни, либо для приложения их в другом месте. Этот резерв в течение всего рассматриваемого времени уменьшался и к первой четверти XVIII в. стал минимальным. Для первой четверти XVIII в. о резерве рабочих рук можно говорить только в отношении хозяйств, располагавших не менее чем тремя работниками при наделной запашке на одного работника менее посильной нормы. Таких хозяйств в это время, как было показано, имелось около 15%. Следовательно, процент хозяйств, располагавших свободными рабочими руками, снизился с 45% в 1678 г. до 15% в 1717 г., т. е. в 3 раза.

Именно благодаря имевшемуся во дворе резерву рабочей силы было возможно при сократившемся вдвое населении и мобилизации мужчин в наиболее активном рабочем возрасте сохранить основные показатели крестьянского хозяйства: число работников, величину надела, основные структурные типы и численность семьи. Этот же резерв позволил вотчиннику увеличить норму барщины, а государству провести мобилизацию в солдаты и в работники.

В первой четверти XVIII в. норма барщинной запашки вдвое превышала норму конца XVII в. и приближалась к посильной норме. Стало быть, в первой четверти этого столетия, чтобы выполнить барщинную норму, требовалось либо увеличить число работников при сохранении прежних сроков отработок, либо увеличить сроки отработок при сохранении прежнего числа работников. Отсюда следует, что крестьянский двор должен был либо выделять на барщину еще одного, дополнительного работника, либо отрабатывать дополнительный день. Хозяйства, имевшие только одного работника или при одном полном еще неполного работника, попа-

дали в трудное положение. Именно дворы с одним работником и одной лошадей были более всего подвержены разорению в условиях все увеличивающейся барщины. Крестьянин дер. Тенково Засодимской волости Никита Елисеев в челобитной от 1708 г. указывал причину запустения своего участка, состоявшую в том, что он был «скуден, а дети не в полном возрасте»⁷⁷. Крестьяне дер. Борисовской Гаврило Калистратов 55 лет с двумя малолетними дочерьми и Михей Алексеев 53 лет также с двумя дочерьми 14 и 20 лет разорились и в 1710 г. сказали посельскому старцу, что «скота де и иных пожитков у них нет. А впредь кормиться они будут в мире милостынею»⁷⁸.

Деревенский мир, учитывавший при раскладке тягла число семейных работников, вероятно, регулировал и распределение барщинной нормы по дворам, быть может, обязывая «семьянистыс» хозяйства выделять большее число работников на барщину. Тем самым сокращались возможности для расширения собственного крестьянского хозяйства.

Вспомним, что в первой четверти XVIII в. структура семей усложнилась. Это выразилось в совместном проживании нескольких супружеских пар. Такое «разрастание» семьи находит свое объяснение в росте феодальной ренты.

Повышающаяся норма отработочной ренты обуславливала наиболее рациональные состав и численность семьи, вызвала существование крестьянской семьи с определенным числом работников.

В первой четверти XVIII в. норма барщинной запашки требовала трех полных или двух полных при одном неполном работников в семье. При сохраняющемся преобладании малой семьи в течение всего исследуемого времени, именно этим можно объяснить увеличение числа неразделенных семей в первой четверти XVIII в. Вотчинный режим, таким образом, влиял на структуру крестьянской семьи, оказывая на нее консервирующее действие.

Кроме несения барщины и оброка, крестьяне содержали административно-вотчинный аппарат. С архиепископских крестьян Лежского волока в первой четверти XVIII в. собиралось на жалованье приказчикам, присылавшимся из Вологды на годовой срок по одному — два, а иногда по три человека, по 25 руб. в год⁷⁹.

Будучи когда-то натуральным, в рассматриваемое время жалование приказчикам выплачивалось деньгами с выти, «за мясо свиное, и за масло коровье, и за куры русские, и за овчины, и за шерсть, и за яйца по десяти алтын по четыре деньги». Хлебное жалование приказчики получали натурой «по осьмине ржи, по осьмине овса с выти ж». Наряду с этими повытными

⁷⁷ ГАВО, ф. 496, д. 261, л. 1 об.

⁷⁸ Там же, д. 321, л. 3.

⁷⁹ Там же, д. 290, л. 100 об.; д. 604, л. 57.

сборам, приказчики получали деньги «на проезд в тос вотчину и на съезд», свадебные и судебные пошлины⁸⁰.

З. А. Огризко привела конкретные данные о размерах сборов с крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря в пользу монастырских слуг, занимавших приказчицьи должности. В 1672—1675 гг. с выти собиралось по 4 пуда ржи и овса, по 2 алт. денег, а также шерсть и лен («по десятку льну, по яретине»), которые можно было заменить деньгами. Сбор с выти служил основным источником дохода приказчиков⁸¹. Но кроме этих сборов в их пользу шли всевозможные судебные пошлины, взимавшиеся с крестьян. Такой вид оплаты приказчиков продержался в основном до 1701 г. Увеличились лишь размеры денежного взноса с 2 до 4 алт., «десяток» льна до 4 десятков⁸². И. А. Булыгин отметил также и обязанность крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря высеивать в пользу приказчиков полуосьмину ячменя и два загона льна на монастырской земле, которая не упомянута З. А. Огризко.

3. Государственные налоги и платежи

Наряду с повинностями в пользу вотчины, крестьяне платили государственные налоги. В последней четверти XVII в. основными из них были деньги — стрелецкие, ямские и полонянничные. Рассматриваемый период в целом был временем подворного обложения государственными налогами.

В литературе существует мнение, что в северных черносопных волостях при подворном и даже подушном обложении основанием «розруба» продолжали оставаться земля (А. С. Лаппо-Данилевский) и действительные хозяйственные силы и средства плательщиков (М. М. Богословский)⁸³.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 53, лл. 167 об.—168 об. Приведем сведения источника о размерах пошлинных сборов: «Да они ж крестьяня платят им приказчиком, которой крестьянин женится, новоженово два алтына две деньги. А которой крестьянин выдаст дочь свою девку, и с таких по три алтына по две деньги с человека. А которые крестьяня бьют челом им приказчиком по заемным кабалам, и памятам, и роспискам, и с того берут себе с рубля по два алтына по две деньги. А которые крестьяня бьют челом друг на друга в управлении земляных и иных каких дел, и с таких берут: с очной ставки по четыре алтына, хоженово по шти денег, за межевой и за потраву, за боран по два алтына по две деньги, езду на версту по деньге, по общую правду езда с ысца, и с отвечика вдвое».

⁸¹ Огризко З. А. Слуги Спасо-Прилуцкого монастыря XVI—XVII веков.— В кн.: Из истории крестьянства XVI—XIX веков («Труды Государственного исторического музея», вып. XXVII. М., 1955), с. 25, 27.

⁸² Булыгин И. А. Из истории крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря... с. 424.

⁸³ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890, с. 280—282, 291—292, 325—327, 352—353; Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. 2. М., 1912, с. 128—174; см. также Устюгов Н. В. К вопросу о раскладке повинностей по дворо-

Материал об уплате этих налогов крестьянами исследуемых вотчин недостаточно обширен и не позволяет проследить изменения размеров платежей с крестьянского двора на протяжении всего исследуемого периода. Однако конкретные сведения о раскладке, сборе и уплате налогов за определенные хронологические отрезки имеются. Такие данные по Спасо-Прилуцкому монастырю содержатся в приходо-расходных книгах мирских старост за 1686/87, 1687/88 (см. Приложение 2) и 1689/90 гг.

Приходо-расходные книги представляют собой источник, появившийся в результате финансовой деятельности крестьянской общины Спасо-Прилуцкого монастыря. Эти книги не опубликованы и до сих пор не исследованы.

Основное их назначение — бухгалтерский учет денежных средств, обращавшихся в крестьянской общине монастыря⁸⁴. Каждая из трех приходо-расходных книг представляет собой тетрадь в поллиста объемом от 40 до 50 листов. Они открываются заглавным листом, на котором обозначены дата ведения книги, имя вотчинного старосты, назначение книги — приход и расход «деньгам», и определение принадлежности этих денег — «вотчинным мирским деньгам». Все книги подлинные, имеют по листам записи рукоприкладств, каждая из них написана в основном одним почерком⁸⁵.

Книги велись старостой в течение года. Они состоят из двух частей — приходной и расходной, причем каждая из них названа книгой и начинается со вступительной записи. Такая запись приходной книги сообщает о произведенном в монастырской вотчине разрубе государственных налогов и других платежей, которые перечисляются. Далее указан размер разрубного платежа, приходящийся на единицу обложения, и в конце оговорен порядок приходования сборов. Непосредственно за вступительной записью зафиксированы денежные поступления с ключей и сел, собиравшиеся на уплату государственных податей, монастырского «изделья» и на мирские расходы. Записи поступлений сделаны неодинаково для всех ключей. Так, для самого крупного — Подмонастырского указана сумма принятых податных денег по каждой из деревень в отдельности. «Деревня Шишкино, а подати платят с трех четверух, а приято у них податных денег два рубли дватцать семь алтын пять денег»^{85а}. Перечислив подати с каждой деревни Подмонастырского ключа, староста, однако, не дает итога общей суммы по всему ключу. По остальным десяти ключам, наоборот, дана только итоговая сумма со всего ключа без росписи по деревням. «Великоричкой ключ — семьнатцать вы-

вому числу в конце XVII в.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952, с. 221—231.

⁸⁴ Об общинной организации рассматриваемых вотчин см. в § 1 главы IV.

⁸⁵ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339; ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 125, 44.

^{85а} ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 125, л. 1 об.

тей без четверти, а податей у великорицково старосты у Матвея Иванова принято в рѣзных приносех пятьдесят пять рублей де-сятнатцать алтын»⁸⁶. Денежные поступления с ключей составляли основную часть в сумме приходных денег. Дополнением к ним служили займы на мирские нужды.

Вступительная запись второй, расходной части книги — краткая. В ней говорится о назначении книги — фиксации расходов и подтверждена принадлежность расходующихся денег миру — «расход мирским деньгам». Записи расходов расположены в хронологическом порядке и могут быть сгруппированы по содержанию. Книги 1687/88 и 1689/90 гг. заканчиваются сметным списком или выпиской, которая подводит итог финансовой деятельности старосты. В книге 1686/87 г. такой выписки нет. Сметный список представляет собой отчет старосты и утверждение этого отчета миром. В нем поименно перечислены лица, «считавшие» старосту, т. е. проверявшие правильность и соответствие расходных статей приходным. В нем указаны: сумма, должная быть в приходе в соответствии с разрубом; сумма приходных денег, имевшаяся налично; сумма израсходованных денег. Далее в списке названы документы, представленные старостой к счету и служившие основанием для зачета недостающих денежных сумм. Это — недоборная роспись, отписки об уплате податей. Список объявлял «начетными» на старосте деньги, на которые он не мог представить «оправдательных» документов. Заканчивается сметная выписка удостоверительными записями — рукоприкладством присутствовавших на «счете» лиц.

Выше было уже показано, что в обеих вотчинах бытовало вытное обложение. Государственные налоги и мирские платежи «розрубались» в них именно на выть как тягловую единицу. В приходных книгах мирских старост Спасо-Прилуцкого монастыря указано число окладных вытей по каждому ключу. Для Подмонастырского ключа дано число вытей по каждой из деревень.

Вступительные записи приходных книг свидетельствуют, что «розруб» платежей для всей монастырской вотчины совершался один раз в году. Книги констатируют произведенный «розруб» как акт, уже состоявшийся, причем без прямого участия в нем крестьян-общинников, хотя представители мира, равно как и монастыря, присутствовали на разрубе. «По указу государей наших властей архимандрита ... и келаря ... з братиею и по мирскому приговору вотчинной староста ... розрубил во всю монастырскую вотчину ...»⁸⁷. Эта запись приходных книг по отношению к самому «розрубу» вторична, и потому в ней отсутствуют размер разрубного платежа с выти по каждому из государственных налогов в отдельности и величина платежа в монастыр-

⁸⁶ Там же, л. 3 об.

⁸⁷ Там же, л. 1.

ское изделие и на мирские расходы, а указана общая сумма платежа для всех налогов и сборов вкупе. Так, в 1687/88 и 1689/90 гг. старосты разрубили «великих государей в подати в ямские и в полоняничные деньги, и в стрелецкой хлебной запас, и в прекормление московским отставным стрельцом, и в монастырские изделия, и во всякие мирские годовые держи по четыре рубли с выти»⁸⁸. По книге 1686/87 г. разруб составил 5 руб. с выти, так как в этом году к названным государственным налогам добавился платеж «в запросный четверишный хлеб»⁸⁹. Во вступительной записи книги 1686/87 г. нет ссылки на бывший «розруб» и прямо указывается, что староста «збирал ... великих государей в подати ... и в монастырские изделия, и во всякие мирские держи ... по пяти рублей с выти»⁹⁰. Эта формулировка конкретнее выражает назначение источника — сбор податных денег в определенный момент вне связи с предшествующим — «розрубом», как книги 1687/88 и 1689/90 гг.

Не имея в своем распоряжении приходо-расходных книг мирских старост Вологодского архиерейского дома, мы располагаем сказкой старосты волости Лежский волок, поданной к переписи архиерейской вотчины в 1702 г., а также записью старосты о разрубках налогов в Засодимской волости от 1679 г. Последняя чрезвычайно лаконична и сообщает только о самом факте трех разрубов. Однако она имеет название «Книги мирского старосты Якова Леонтьева приходные и расходные», хотя книги, как таковые, отсутствуют. Самой записи предшествует вытная роспись, представляющая собой перечисление деревень Засодимской волости с указанием вытного оклада каждой из них. Оба документа свидетельствуют, что в двух волостях архиерейской вотчины старосты вели приходо-расходные книги, в которых были отражены сборы государственных налогов. И на Лежском волокe, и в Засодимье государственные подати, во-первых, «розрубали миром», во-вторых, разрубали по вытно и несколько раз в году⁹¹. Сказка старосты Лежского волока говорит о сборах платежей с выти в 1701 г. по двум разрубам на уплату денежного оброка вотчиннику, государственных податей и на мирские расходы. В Засодимье в 1679 г. было три разруба, причем указано назначение двух из них. В первый раз «розрубали миром в поворотные деьги с выти ...»⁹² Эта запись несет в себе внутреннее противоречие. Термин «поворотные» деньги предполагает сбор с двора, но он был разрубен не на двор как единицу обложения, а на выть. Второй разруб — в полоняничные деньги и в стрелецкие. Цель третьего разруба не названа.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 125, л. 1; см. также там же, д. 44, л. 1.

⁸⁹ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339, л. 2.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 53, лл. 166—170 об.; ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 19; см. также ГАВО, ф. 496, д. 290, л. 66.

⁹² ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 19.

Итак, источники, и в особенности приходные книги мирских старост, свидетельствуют, что при подворном обложении государственных налогами внутри вотчины действовал новытно-тягольный принцип их разверстки^{92а}.

После определения величины платежа с выти самый сбор податных денег производился в Спасо-Прилуцком монастыре в общинах-волостях. Старосты каждого ключа платили вотчинному старосте податные деньги в соответствии с вытным окладом, причем не сразу, а в несколько приемов. Вотчинный староста выдавал ключевому старосте «отписи» на принятые деньги. Вероятно, ключевые старосты не только сдавали подати в несколько «принососв», но и несколько раз их собирали. Солучествовал ли каждому сбору податей «розруб» их в волости-ключе в соответствии с вытным окладом каждого крестьянского хозяйства, судить по приходо-расходным книгам нельзя, ибо сведения об этом в них отсутствуют. Остается также неясным, фиксировали ли ключевые старосты в каких-либо росписях размер сбора с каждого крестьянского двора.

Сопоставляя данные трех приходо-расходных книг, видим, что из одиннадцати ключей лишь один — Глубоковский каждый год выплачивал налоги полностью. Домшинский ключ заплатил все налоги за два года — 1686/87 и 1689/90 гг., Лоптуновский — за 1689/90 г. и Погодаевский — за 1686/87 г. Остальные ключи ежегодно недоплачивали причитающиеся с них суммы. В 1687/88 г. недобор составил 14% от приходной суммы, а в 1689/90 г. — 6,8%.

Стремясь к своевременному поступлению налогов, монастырь применял обычное средство воздействия на крестьян — правож. В 1686/87 г. сторож Казенного приказа монастыря Родион Носов «ездил в Богороцкое и в Лоптуново на старостах, на крестьянех податных денег править»⁹³. В 1689/90 г. с этой же целью он четырежды побывал в ключах и деревнях один, дважды вместе со старостой, а два раза староста ездил один⁹⁴. Взыскивание неуплаченных податей монастырские власти осуществляли через низшего представителя вотчинной администрации, отводя мирскому старосте подчиненную роль. Вотчинный контроль при этом проявлялся в наиболее жесткой форме.

«На ослушниках правил» и приказчик архиепископской вотчины Афонасий Головков, ездивший с «выборными ведущими людьми», старостой и двумя крестьянами, возможно целовальниками, в села Засодимской волости собирать налоги в 1685 г.⁹⁵

^{92а} В. А. Александров установил, что подушная подать в поместьях Центра европейской России раскладывалась в соответствии с тяглом каждого крестьянского двора (Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, с. 114, 216).

⁹³ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339, л. 46.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 44, лл. 12, 16, 16 об., 19 об.— 20, 21 об.

⁹⁵ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 107.

Во избежание налоговой задолженности и праведжа староста нередко занимал деньги. Так, в 1686/87 г. он указал, что занял «в платеж стрелецково хлеба денег у иноземца у Володимера Иевлева и на те деньги платил ему по договору в почесть десять рублей денег. Да у вдовы у Стефаниды Ивановы дочери Акинфиевския жены Горяинова займовали ж денег в платеж запросново и четверишново хлеба и на те деньги почести ей плачено четыре рубли денег»⁹⁶. К сожалению, староста не записал размера занятой суммы. В 1687/88 г. староста занял «в мирские держи» 50 руб., а в 1689/90 г.— «к рожеству ... на разносные почести» 7 руб.⁹⁷

Но не всегда староста называл цель займа, порой он сообщал лишь о самом факте займа: «Апреля в... депь занято у иноземца восьмьдесят семь рублей»⁹⁸. Сведения рассматриваемых книг как о совершенных займах, так и о выплатах по ним не равноценны. Наибольшими они были в 1687/88 г., когда староста занял в трех местах 167 руб. (50 руб.+87 руб.+30 руб.). Выплатил он 180 руб: одному кредитору «по двум кабалам бывшего старосты заем Копдратя Григорьева сто рублей денег», двум другим — 50 руб. и 30 руб. «займов» того же Григорьева (старосты в 1686/87 г.)⁹⁹. Выплаты по кабалам составили в 1687/88 г. 32% от всей расходной суммы. Однако оставался еще непогашенным прошлогодний долг, сумма которого в книге не названа. В апреле 1688 г. «приставливал Семен Макаров по кабале в деньгах займов бывшего старосты Кондратя Григорьева ...»¹⁰⁰, срок которой, видимо, к этому времени истек. Не имея денег для погашения долга, староста «ходил к нему Семену на дом с почестию, бил челом об отсрочке и о договоре вновь переписать кабала». Новая кабала была составлена, и ее вручение кредитору сопровождалось еще одной «почестию»¹⁰¹. В 1689/90 г. староста, заплатив «иноземцу Ивану Олферьеву на сто рублей по кабале ростовых десять рублей денег», не смог до истечения срока займа выплатить всей занятой суммы. Он просил отсрочки платежа, но и через месяц не погасил долга. Тогда «приставил иноземец Иван Олферьев, и селди за решеткой Иван Анфилофьев и Никифор Романов»¹⁰² (последний был земским целовальником).

В 1704 г. подьячий Вологодской приказной избы Герасим Попов требовал заплатить ему долг в 4 руб. Эти деньги заняли у него на мирской расход староста и выборный крестьянин Павлово-Обнорского монастыря. Поручниками при составлении кабалы были монастырский подьячий и слуга. К осени 1704 г. срок зай-

⁹⁶ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339, л. 41 об.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 125, л. 5; д. 44, л. 7.

⁹⁸ Там же, д. 125, л. 5 об.

⁹⁹ Там же, лл. 12 об., 18, 25 об.

¹⁰⁰ Там же, л. 30 об.

¹⁰¹ Там же, лл. 30 об.—31, 32.

¹⁰² Там же, д. 44, лл. 32, 35, 35 об., 36 об.

ма истек, а в октябре староста оказался в Вологде. Этим воспользовался Г. Попов, чтобы получить с займщиков долг¹⁰³.

Возможно, чтобы избежать долговой тюрьмы, староста 1686/87 г. ходил просить об отсрочке вместе с монастырским стряпчим Иваном Ощериным «к чужеземцу к Володимеру Иевлеву, ... чтобы нам дал сроку в заемных деньгах»¹⁰⁴.

Как видим, пользуясь кредитом и, вероятно, постоянно, община не была способна погашать займы в срок и над ее выборными представителями периодически нависала угроза долговой тюрьмы. Тогда община обращалась за поручительством к вотчинной администрации. Сколь частым было такое обращение, судить трудно. Отметим, что ростовой процент с занятых сумм был довольно высоким — 10, 12, 15%.

К займам прибегали не только всевотчинный староста, но и ключевые. Так, в сентябре 1698 г. «староста ... и все крестьяне ... Великорецкого ключа» заняли 9 руб. у крестьянина Комельской вол. д. Онтропово Степана Нефедова сына Ветошкина¹⁰⁵. Для какой цели были заняты деньги, в заемной кабале не сказано. Возможно, они понадобились для уплаты налогов.

М. М. Богословский установил, что почти все чернососшные волости Севера обращались к займам не только для покрытия причитающегося с них тягла, но и для мирских расходов. Обращение к кредиту было, по его мнению, обычным явлением в хозяйствовании миров¹⁰⁶.

Собранные с крестьян государственные подати вотчинный староста отправлял прямо в Москву в соответствующий приказ, минуя Вологодскую приказную избу. Он наряжал для этого представителей, оплачивая из мирских денег дорожные расходы, прокорм и приказные издержки. Одним из таких представителей на протяжении всех трех лет был монастырский стряпчий Иван Ощерин, а другим — кто-либо из крестьян. В 1686/87 г. Иван Ощерин ездил в Москву с сыном вотчинного старосты, в следующем 1687/88 г. — «с товарищем» и в 1689/90 г. — с крестьянином Кондратием Софоновым, который был старостой в 1687/88 г. Присутствие монастырского стряпчего при уплате государственных налогов в московских приказах было, по всей вероятности, постоянным и обязательным и являлось в то же время проявлением вотчинного контроля. Известна расходная роспись того же Ивана Ощерина от 1683 г. «мирским деньгам, что издержано, ходя за делом в Стрелецком приказе»¹⁰⁷. Осуществление контроля за уплатой налогов монастырскими приказчиками, находившимися в своей должности длительное время, могло перерасти с их

¹⁰³ ГАВО, ф. 496, д. 145, л. 1 об.

¹⁰⁴ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339, лл. 47 об.

¹⁰⁵ ГБЛ, ф. 287, карт. 3, д. 5.

¹⁰⁶ *Богословский М. М.* Указ. соч., т. 2, с. 156.

¹⁰⁷ АЮ, № 376, стр. 398.

стороны в злоупотребления. В 1708 г. крестьяне подали архимандриту мирскую челобитную на Ивана Ощерина, притеснявшего и разорявшего их. Так, Иван Ощерин «на Вологде начальным людям сулил самовольно без наших мирских людей приговоров, взятки великие». Судя по фразе «в которых (т. е. взятках.— Е. Б.) и ныне в том держат», продолжалось это, по-видимому, несколько лет ¹⁰⁸.

Записи в расходных книгах 1687/88 и 1689/90 гг. об уплате государственных налогов довольно краткие, сообщающие о самом факте уплаты: «Генваря в 31 день платил на Москве великих государей в житницы стрелецкой хлеб и отпись взята. А платил подрядчик Иван Ощерин с товарищем» ¹⁰⁹; «Платил порядчику Кондратию Софону, что он подряджался платить на Москве стрелецкой хлеб ... и с проводинами ямских денег, всего платил ему...» ¹¹⁰.

Запись в книге 1686/87 г. о расходах во время поездки в Москву для уплаты податей — довольно подробная. Это — как бы одноразовая расходная тетрадь, органично вошедшая в состав расходной книги. В ней указан: «Расход мирским вотчинным деньгам, как ездил сын мой Флор да Иван Ащерин к Москве платить по указу великих государей отставным стрельцом на жалование на нынешней 195 год и стрелецково и запросново четверишного хлеба и ямских и полоняничных денег» ¹¹¹. Из нее видно также, что запросный хлеб разверстывался на монастырскую вотчину из расчета «со всякого двора по 2 четверика ржи да по четверику овса», а стрелецкий из несколько большей нормы — «по полуосмине с получетвериком ржи» и столько же овса. За весь хлеб стрелецкий и запросный было заплачено деньгами 187 руб. 17 алт. 5 ден.

Отослав налоги в Москву, староста извещал об этом подьячих Вологодской приказной избы, что видно из книги 1686/87 г.: «Дали скаску Вологодской приказной избы подьячему Софону Васильеву, что у нас из монастыря стрелецково платежу хлеб к Москве платить отпущен. Несено ему Софону хлеб 10 денег да рубль денег» ¹¹².

Государственные налоги составляли наибольший процент от всей ежегодной расходной суммы: в 1686/87 г. — 55,1%, в 1687/88 г. — 41,5%, в 1689/90 г. — 64% (см. табл. 21).

Государственные окладные налоги при подворном обложении составляли со всей монастырской вотчины какую-то определенную сумму. Поэтому процент государственных налогов в каждом году зависел от суммы остальных расходов на мирские нужды.

¹⁰⁸ ГАВО, ф. 496, д. 233, л. 1 об.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 125, л. 19 об.

¹¹⁰ Там же, д. 44, л. 33.

¹¹¹ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339, л. 20.

¹¹² Там же, л. 40 об.

Соотношение расходов по книгам мирских старост

Год	Статьи расхода, в % ко всему расходу								
	государствен- ные налоги	мирские платежи							
		выплаты по заемным книгам	подносы и развозы в почту	подможные деньги	оплата работ по найму	оплата под- вод	издержки при ведении дела	за «изделье»	прочие
1686/87	55,1	—	13,5	10,8	6,6	1,3	11,1	0,7	0,9
1687/88	41,5	32,0	10,8	8,1	4,6	1,0	0,7	—	1,3
1689/90	64,0	2,7	8,4	9,1	7,0	4,0	3,0	0,8	1,0

• Посмотрим, каковы были платежи с каждого крестьянского двора (см. табл. 22). В 80-е годы XVII в. Спасо-Прилуцкий монастырь платил государственные налоги с 589 дворов ¹¹³.

Как видим, в среднем на двор приходилось около одного рубля всех платежей и 40—50 коп.— государственных налогов ¹¹⁴.

Зная процентное отношение государственных налогов ко всем платежам, величину платежа с выти и вытный оклад дворов, мож-

Таблица 22

Средние платежи крестьянского двора в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря

Год	Всех платежей					
	всего в руб.	на 1 двор, в коп.	в том числе			
			государственных		мирских	
			всего, в руб.	на 1 двор, в коп.	всего, в руб.	на 1 двор, в коп.
1686/87	561	95	308	52	253	43
1687/88	564	96	232	39,5	332	56,5
1689/90	372	63	238	40	134	23

¹¹³ Там же, лл. 21 об., 32.

¹¹⁴ В начале 90-х годов крестьянский двор Железоборовского монастыря в Галицком уезде платил в среднем по 53 или 63 коп. основных окладных налогов (Горская Н. А. Государственные повинности монастырских крестьян XVII в.— В кн.: Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975, с. 323).

Размер платежей крестьянских дворов в зависимости от вытного
оклада в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря

Оклад в вытях	Крестьян- владельцев		Платежи на 1 двор, в коп.							
			всего		государственные			мирские		
	абс.	%	1686/87 г.	1687/88 и 1689/90 гг.	1686/87 г.	1687/88 г.	1689/90 г.	1686/87 г.	1687/88 г.	1689/90 г.
$\frac{3}{4}$	2	0,4	375	300	207	124	192	168	176	108
$\frac{5}{8}$ с $\frac{1}{16}$	1	0,2	344	275	190	114	176	154	161	99
$\frac{1}{2}$	26	5,6	250	200	138	83	128	112	117	72
$\frac{3}{8}$	24	5,1	187	150	103	62	96	84	88	54
$\frac{1}{3}$	22	4,7	166	133	91,5	55	85	74,5	78	48
$\frac{1}{4}$ с $\frac{1}{16}$	3	0,7	156	125	86	52	80	70	73	45
$\frac{1}{4}$	240	51,4	125	100	69	41,5	64	56	58,5	36
$\frac{1}{8}$ с $\frac{1}{16}$	6	1,3	94	75	52	31	48	42	44	27
$\frac{1}{6}$	55	11,8	83	66,5	46,5	27	42,5	36,5	39,5	24
$\frac{1}{8}$	80	17,1	62,5	50	34,5	21	32	28	29	18
$\frac{1}{12}$	6	1,3	41,5	33	22	13,7	21	19,5	19,3	12
$\frac{1}{16}$	1	0,2	31	25	17	10,7	16	14	14,3	9
$\frac{1}{24}$	1	0,2	20	16,5	11	6,75	10,5	9	9,75	6

но точнее определить размеры государственных налогов, выплачиваемых крестьянскими хозяйствами. Воспользуемся данными о вытном окладе и числе крестьян-владельцев на 1684 г., приведенными в табл. 13. Это возможно потому, что на протяжении 80-х годов XVII в. вытный оклад принципиально не менялся. Напомним, что в последней четверти XVII в. крестьянские дворы с обложением в $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{6}$ выти составляли большинство. Таблица 23 показывает, что в зависимости от вытного оклада величина государственных платежей колеблется от 2 руб. до 11 коп. в 1686/87 и 1689/90 гг. и от 1 руб. 24 коп. до 7 коп. в 1687/88 г. Около 16% дворов с высоким вытным окладом (по $\frac{1}{3}$ выти) платили в 2—3 раза больше среднего платежа в 1686/87 и 1689/90 гг. и в 1,5—2 раза в 1687/88 г. 17% хозяйств с окладом $\frac{1}{8}$ выти платили в 1,5 раза меньше среднего платежа в 1686/87 и 1689/90 гг. и в 2 раза — в 1687/88 г. Два процента хозяйств с мелкими наделами платили значительно меньше среднего платежа. Около 64% дворов с наделами $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{6}$ выти платили государственные налоги в размере, приближающемся к среднему.

Итак, конкретные размеры государственных платежей, приходящихся на один двор, в значительной степени отличались от средних величин платежей.

А. Л. Шаппро выдвинул положение, поддержанное Ю. А. Тихоновым, что вытный оклад владельческих крестьян зависел как от населенности двора и размера его земельного надела, так и от прожиточности крестьянского хозяйства¹¹⁵. Присоединяясь к этой точке зрения, уточним только, что при определении тягоспособности хозяйства учитывалась не населенность двора вообще, а число мужчип-работников в нем. На это обстоятельство в свое время обратил внимание А. С. Лаппо-Данилевский, подчеркнувший, что состояние хозяйства плательщика «определялось, главным образом, количеством рабочих рук, находившихся в его распоряжении, а также размерами его участка пашни и сепных покосов или доходами (урожаем) с таких участков, соответственно которым он и облагался известной податью»¹¹⁶.

Реальная налогоспособность крестьянских дворов была, естественно, различной. При подворном обложении она не учитывалась государством и не соответствовала налогоспособности двора, принятого за счетную единицу при исчислении государственных налогов. Представители мира, облагая хозяйства, тонко учитывали их состоятельность и доходность, а также хозяйственный потенциал. Малоимущие дворы не были в состоянии платить государственные налоги в размере, приходящемся на двор как расчетную единицу. Община путем повытно-тягольной разверстки регулировала сбор государственных налогов. Эта мера обеспечивала исправное их поступление и служила для вотчинника гарантией от задолженности перед государством.

Таким образом, при общегосударственном подворном обложении повытное взимание налогов внутри вотчины свидетельствует о большой гибкости и универсальности повытно-тягольной системы, обеспечивавшей и вотчинника, и государство доходами, в которых реализовался прибавочный труд крестьянских хозяйств.

Наряду с государственными налогами, крестьянский двор нес расходы, связанные с различными нуждами мира. Таблицы 22 и 23 дают представление о размерах этих платежей на один двор в среднем и в соответствии с вытным окладом.

Наиболее значительные среди расходов на мирские нужды были «подносы и розвозы в почесть» как монастырским, так и уездным властям на основные праздники (Рождество, Пасху, Петра и Павла, Введение) и в связи с любыми делами. Они составляли 13,5% в 1686/87 г., 10,8% — в 1687/88 г. и 8,4% — в 1689/90 г. (см. табл. 24). Староста подносил праздничные почести в монастыре не только архимандриту, казначею, келарю, по

¹¹⁵ Шаппро А. Л. Переход от повытной к повепечной системе обложения крестьян владельческими повинностями.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 г.» Киев, 1961, с. 211—212; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодалная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974, с. 156.

¹¹⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 291.

и их келейникам, а также монастырским слугам — подьячим Казенного приказа. В городе праздничные почести развились «начальным людем» — воеводе, городничему, губному дьяку, их родне и дворне и приказной избы подьячим (в количестве 20 человек). По книгам прослеживается достаточно строгая таксировка размеров «почести» в зависимости от занимаемой административной должности. В составе подносимого были хлеб, мясные туши, птица, деньги. Праздничные «розвозы» в городе составили в 1686/87, 1687/88 и 1689/90 гг. соответственно по годам: 25 руб. 22 алт. 2 ден., 23 руб. 9 алт. 2 ден. и 16 руб. 23 алт. 2 ден., а в монастыре в те же годы: 9 руб. 1 алт. 4 ден., 12 руб. 9 алт. 2 ден. и 8 руб. 31 алт., т. е. примерно в 2,5—2 раза меньше, чем в городе.

«Почести» подносились «на приезд» в город и отъезд из него воеводы, вологодского архиепископа, архимандрита монастыря, в связи с оформлением отписей об уплате государственных налогов, «сказок» об отправке их в Москву, при выборах уездных земских должностных лиц и выдаче им наказных памятей и крестоприводных записей. Ходатайства об отсрочках налоговых и заемных платежей также сопровождались «почестями». С уверенностью можно сказать, что контакт представителей общины с чинами местного административного аппарата по любому возникшему вопросу не обходился без «подносов в почесть».

Приблизительно таким же, как и по предыдущей статье, был расход, связанный с уплатой подможных денег мирским и уездным земским выборным лицам. Книги 1686/87 и 1689/90 гг. свидетельствуют, что подможные деньги губным целовальникам, целовальникам «розбойной» и «опальной» тюрем крестьяне платили на основе сошного обложения с живущей четверти: «Платил губному целовальнику Миките Корнилову па ныпешней 195 год подможных ево денег по сошному окладу по шти алтын по четыре денги с четверти. Итого плачено ему со всей монастырской вотчины 9 рублей двадцать восемь алтын две денги». В книге 1689/90 г. указано и число живущих четвертей — 49¹¹⁷. Другим выборным лицам (тюремным, приказным сторожам, соцким) староста платил деньги «по договору».

Еще одну статью расходов на мирские нужды составляла оплата работ по найму. Староста нанимал крестьян чинить и расширять монастырские скотные дворы. Эти работы падали на осенне-зимние месяцы с октября по март. В декабре 1686 г. Яков из дер. Красново и Влас из дер. Алексино «на коровье дворе» чинили ясли, крыли сам двор и «столбы подводили». У Якова дважды в том же году покупали бревна «на конюшню в поделку»¹¹⁸. Тот же Влас в марте 1690 г. опять чинил па конюшне

¹¹⁷ ЛОНИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339, л. 12 об.; ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 44, л. 19, 19 об.

¹¹⁸ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339, лл. 16 об., 40 об., 43 об.

ясли вместе с Григорием из дер. Красново¹¹⁹. Последний в октябре 1687 г. крыл коровник и делал завалины. Как видим, упомянутые работы выполняли одни и те же крестьяне, вероятно плотники. Эти работы прямо не входили в состав монастырского «изделия», их оплачивали из мирской кассы, т. е. деньгами, собранными со всех монастырских крестьян. Следовательно, община нанимала квалифицированного специалиста из своей среды для выполнения барщинных по сути своей работ. Расход на оплату работ по найму составил 6,6% в 1686/87 г., 4,6% — в 1687/88 г. и 7% — в 1689/90 г.

Крестьянские дворы в течение года оплачивали проезд чинов местных и центральных учреждений (приказной, губной изб, Сысского приказа), ехавших в разные волости Вологодского уезда. Крестьяне обеспечивали их подводами и «кормом». Служилые чины ехали, как правило, небольшими группами в 2—4 человека, но иногда эти группы бывали довольно значительными, как, например, в январе 1688 г., когда в «розные поместья и вотчины» ехали осадный голова и подьячий в сопровождении десяти стрельцов с наказом из Сысского приказа «розыскивать разбойных и татинных дел и про всяких прибылых и воровских людей»¹²⁰.

Отметим попутно, что наибольшее число записей в расходных книгах мирских старост касается именно предоставления подвод, но выплаты по этой статье были незначительными — около 1% — в 1686/87 и 1687/88 гг. и 4% — в 1689/90 г.

В вотчине вологодского архиепископа, так же как и в Спасо-Прилуцком монастыре, крестьянская община раскладывала государственные подати в соответствии с вытным окладом. Мирской разруб в полоняничные и стрелецкие деньги в 1679 г. составил в Засодимской волости с выти 2 руб. 13 алт. 2 ден.¹²¹ Крестьянские дворы волости были обложены 52 вытиями, и потому крестьяне заплатили 124 руб. 26 алт. 4 ден. Известно, что в монастырских и церковных вотчинах двор платил ямских и полоняничных денег по 10 коп.¹²² С 220 дворов Засодимской волости величина этого налога составила 22 руб. Из общей суммы налогов в 124 руб. 26 алт. стрелецкие деньги составили 102 руб. 26 алт.

Располагая подеревенской вытной росписью и цифровой платежа с выти по трем разрубам старосты Засодимской волости от 1679 г., зная число дворов на 1678 г. в каждой из деревень, назвавшее в переписи В. И. Кошелева 1702—1703 гг., и определив вытный оклад, приходящийся в среднем на двор, можно

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 44, л. 21 об.

¹²⁰ Там же, д. 125, л. 19.

¹²¹ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 19, л. 2.

¹²² «Платили в Ямском приказе ямских и полоняничных денег по три алтына по две деньги с двора» (ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339, л. 22 об.; Милоков И. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, с. 6, примеч.; с. 64).

Размер платежей крестьянских дворов в зависимости от среднего вытного оклада в архиепископской вотчине

Средний вытный оклад на 1 двор, в осьмаках	Дворы		Платеж на 1 двор, в коп.	
	абс.	%	всего	полоняничные и стрелецкие деньги
1—1,3	11	5,0	72,5—94	32—41,5
1,5—2	158	71,4	100—145	48—64
2,2—2,4	50	22,6	160—174	70—77
1 шестын	2	1	97	49

получить довольно точное представление о размере государственных платежей в Засодимье (см. табл. 24).

Из таблицы видно, что подавляющее число дворов — 94% с окладом от 1,5 до 2,5 осьмаков заплатило государственных налогов в 1679 г. от одного рубля до рубля с тремя четвертями. Платеж основных окладных податей составлял 50—80 коп. 71,4% дворов с наиболее характерным окладом в 1,5—2 осьмака платили по 50—65 коп. денег полоняничных и за стрелецкий хлеб.

В 1679 г. крестьяне Засодимской волости, кроме основных окладных налогов, заплатили с выти по 2 руб. 30 алт. 4 ден. «поворотных» денег. Вероятно, это был платеж по сбору 1679 г. «даточным людям на корм по рублю с двора»¹²³. В 1686 г. правительство объявило такой же сбор на жалованье ратным людям¹²⁴. Приходо-расходная книга старосты Спасо-Прилуцкого монастыря за 1686/87 г. называет этот платеж «поворотными рублевыми деньгами»¹²⁵. Рублевой сбор в Засодимье в 1679 г. с 221 двора равнялся бы в таком случае 221 руб. Однако с 52 вытей платеж «поворотных» денег составил 151 руб. 84 коп. Можно предположить, что необходимая сумма запросного налога была сразу внесена в Печатный приказ, куда он поступал из вотчинной казны, а потом уже в счет этого платежа собирались деньги с крестьян. Подобные прецеденты бывали в налоговой практике. Так, государственный указ от 3 марта 1680 г. рекомендовал полтинный сбор денег на жалованье ратным людям заплатить всем владельцам «за крестьян своих самим из своих пожитков в нынешнем марте месяце безо всякого перевода»¹²⁶. В 1689/90 г. мирской староста Спасо-Прилуцкого монастыря «платил в монастыр-

¹²³ ПСЗ, т. II, № 1210, с. 818.

¹²⁴ Там же, с. 819—820.

¹²⁵ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339, л. 32.

¹²⁶ ПСЗ, т. II, № 799, с. 236.

скую казну» деньги оставшим стрельцам на жалованье, уже внесенные монастырским стряпчим в Стрелецкий приказ¹²⁷. Возможно, деньги с крестьян Засодимской волости в счет уже уплаченного запросного налога собирались в архиепископскую казну в несколько приемов и не в один год. Вероятно также, что у крестьян Засодимской волости был еще один дополнительный «розруб» в поворотные деньги в том же 1679 г., или в следующем, 1680 г.

Относительно третьего «розруба» по росписи старосты Якова Леоптьева 1679 г. можно сказать только, что его размер, по сравнению с двумя первыми, невелик — 6 алтын с выти. Платеж по нему составил в среднем по 11 коп. с двора.

В марте 1685 г. приказчик Засодимской волости собрал с крестьян «за стрелецкий хлеб денег 60 рублей» и 2 руб. 25 алт. «в губную избу» вероятно, «подможных» денег. Он сообщал, что было «в недоборе» денег на трех крестьянах «за их скудостью, что у них хлеба и скота нет и с осени бродят в мире»¹²⁸. В апреле 1690 г. староста Засодимской волости, по данным вотчинной Приходо-расходной книги 1689/90 г., заплатил 67 руб. 16 алт. 4 ден. «в стрелецкий хлеб» (т. е. почти столько же, сколько и в марте 1685 г.), 20 руб. ямских и полоняничных денег, 2 руб. 10 алт. «на житничное строение» и 20 алт. подможных денег¹²⁹. Всего 91 руб., а на каждый двор пришлось по 13 алт. 5 ден., или 41 коп.

Эта приходо-расходная книга, так же как и рассмотренные выше документы мирской финансовой деятельности, отметила по-вытнкую раскладку государственных налогов, отразив ее в емком выражении «розвытка». Книга показывает, что староста двумя отдельными платежами внес в вотчинную казну собранные «со всех засодимских домовых крестьян» сначала деньги за стрелецкий хлеб и на житничное строение, потом ямские и полоняничные.

Сравнив эту запись вотчинной Приходо-расходной книги с разрубной записью старосты 1679 г., убеждаемся, что в Засодимье каждому разрубку того или иного из государственных налогов соответствовал сбор денег с крестьянских дворов и платеж их в архиепископскую казну. Такой порядок уплаты государственных налогов и других платежей в Засодимской волости, с одной стороны, отличался от порядка в Спасо-Прилуцком монастыре, где был лишь один не расчлененный по государственным налогам разруб, при совершении которого роль крестьян-общинников была пассивно-наблюдательной; с другой стороны, он напоминает порядок уплаты налогов в черносозных районах Поморья. Разрубы Куростровской волости от XVI в., Слободского уезда Вятской земли, волостей Устюжского уезда (Енанги, Шарженги, Евды) от

¹²⁷ ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 44, л. 14 об.

¹²⁸ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 107, л. 9 об.

¹²⁹ ГАВО, ф. 883, д. 74, л. 26—26 об.

XVII в.¹³⁰ показывают, что, во-первых, черносошные крестьяне раскладывали каждый из налогов или мирских сборов отдельно, хотя в один разрубный список могла вноситься раскладка пескольских податей; во-вторых, разрубы черносошных волостей свидетельствуют об активной роли волощан или их представителей при разверстке налогов. Эта роль видна как из формуляра разруба, так и из следующих выражений: «все крестьяне разрубили емя в своей волости ...» или «целовальник ... да тех же волостей крестьяне ... и во всех крестьян место ... розрубили ...» Запись о разрубе мирского старосты 1679 г. Якова Леонтьева с предпосланной ей вытной росписью скорее всего основывалась на предшествовавшем ей приговоре засодимцев о раскладке налогов в 1679 г., и потому в ней отразилось участие самих крестьян в их разверстке, которые «розрубали миром» по трем разрубам в три платежа государственные подати. Именно участие самих крестьян-засодимцев в раскладке налогов и разруб каждого из них сближают их порядок уплаты податей с порядком, существовавшим у крестьян черносошных волостей.

Возвратимся к весеннему сбору налогов в архиепископской вотчине в 1690 г. Полоняничные и ямские деньги в Засодимской волости были собраны почти полностью, недобор составил лишь 2 руб. Денег за стрелецкий хлеб было уплачено 67 руб. 16 алт., т. е. в 1,5 раза меньше, чем в 1679 г. Весной 1685 г. того же самого налога было собрано 60 руб., почти столько же, сколько и в 1690 г. Вероятно, стрелецкие деньги весной этих лет были недобраны и производились их следующий сбор. В декабре 1690 г. старосты Лежского волока платили недоимку за 1689 г. в стрелецкий хлеб в размере 115 руб. 24 коп.¹³¹ Недоимки были обычны не только в Спасо-Прилуцком монастыре, как мы видели выше, но и в архиепископских волостях.

Крестьяне подгородных сел Ананьина, Белого, Ивановского и дер. Куликово (с. Реброво) в 1690 г. заплатили тех же самых налогов (стрелецкого, ямского и полоняничного, на «житничное строение» и «в подмогу») со 102 дворов на общую сумму 53 руб. 65 коп.¹³², т. е. в среднем по 52 коп. с двора. В этих селах государственные подати, так же как в Засодимской волости и на Лежском волоке, крестьяне платили по «розвытке». Относительно порядка их сбора и уплаты старосты каждого из подгородных сел дали при переписи архиерейской вотчины в 1702 г. следующее объяснение: «А какие у них живут денежные сборы в платеж великого государя в казну, и те зборы збирают

¹³⁰ *Копанев А. И.* Куростровские столбцы XVI в.— В кн.: *Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник*, вып. 1. Вологда, 1970, с. 401—420; АЮБ, т. III. СПб., 1884, с. 98—106, 119—123; *Вогословский М. М.* Указ. соч., т. 2, с. 138—139; Приложения, с. 24—28.

¹³¹ ГАВО, ф. 883, д. 74, л. 6 об.

¹³² Там же, лл. 26 об.—28.

они меж себя, и посылают те деньги к Москве к домовому архиерейскому стряпчему, а он, стряпчей, платит и отписки присылает в домовую казну»¹³³. Старосты подгородных сел не вели приходо-расходных книг и объясняли это тем, что крестьяне каждого из сел «в домовую архиерейскую казну денежного оброку и никаких доходов не платят», в том числе и жалованье приказчикам, а отбывают только полевую барщину¹³⁴. Факт, сообщенный крестьянами, заслуживает внимания как сам по себе, так и проявившимся осознанием необходимости ведения приходо-расходных книг для фиксации денежных платежей вотчиннику.

Несомненно, что барщина и будучи расположенными под Вологодой в непосредственной близости к Казенному приказу, управляемые сельскими старцами, крестьяне этих сел несли денежные платежи только в пользу государства. Возможно, поступление податных денег с крестьян-дворохозяев старосты подгородных сел и учитывали в каких-либо росписях и хранили их, но лишь до момента отсылки собранного налога к архиерейскому стряпчему. Отсутствие или наличие приходо-расходных книг, поставленное в зависимость от вида ренты, свидетельствует о большем контроле вотчинной власти в барщинных подгородных селах, чем в Засодимье и на Лежском волоке.

В архиепископской волости Лежский волок в 1701 г. дважды, а в 1702 г. четырежды разрубали вотчинные и государственные платежи. Сказка мирского старосты Карпа Данилова, представленная для переписи 1702 г., не сообщает, разрубались ли государственные налоги отдельно от вотчинного денежного оброка и от денег на мирские нужды. Из нее также неясно, участвовали ли крестьяне-общинники в разверстке налогов. Судя по тому, что мирские сходы этой волости выбирали старост, верстали оклады, принимали решения о проверке приходо-расходных книг¹³⁵, правомерно предположить, что крестьяне на сходах сами разверстывали налоги.

Каждый из двух разрубов 1701 г. равнялся 12 руб. с выти. По обоим староста и целовальники денежного сбора, выбиравшиеся с 10 вытей по человеку, собрали с 79 вытей 5 осмиг 1915 руб. Денежный оброк из этой суммы составлял 637 руб., а на долю государственных податей (стрелецкой, ямской и полоняпичной, денег на покупку конских кормов, овса и сена, на починку корабельную, на дачу мастеровым людям) и мирских расходов пришлось 1278 руб. Крестьянские дворы с окладом в один осьмак платили в среднем 2 руб., а с окладом в полосьмак 1 руб. государственных податей и мирских платежей. Если по аналогии со Спасо-Прилуцким монастырем допустить, что государственные подати составляли от 40 до 70% от всех платежей, то тогда мож-

¹³³ ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 53, л. 17; см. также лл. 26, 32 об., 40.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 23, лл. 43—44; ГАВО, ф. 496, д. 290, л. 66.

Размер платежей крестьянских дворов в зависимости от среднего вытного оклада в архиепископской вотчине

Оклад двора, в осьмаках	Платеж на 1 двор, в коп.					
	всего		государственные		мирские	
	1701 г.	1702 г.	1701 г.	1702 г.	1701 г.	1702 г.
0,5	100	87,5	40—70	35—60	60—30	52,5—27,5
1	200	175	80—140	70—122	120—60	105—63
1,5	300	262,5	120—210	105—186	180—70	157,5—76,5
2	400	350	160—280	140—245	240—120	210—105

по вычислить в зависимости от оклада величину государственных налогов и мирских сборов (см. табл. 25).

Средний оклад на Лежском волоке, как уже говорилось, составлял полосьмака. Такой двор платил 40—70 коп. налогов. В начале XVIII в. размеры государственных платежей увеличились в связи с возросшими расходами государства на содержание армии и флота¹³⁶, и потому можно считать, что дворы на Лежском волоке в 1701 г., вероятно, платили около 70 коп. государственных налогов.

В 1702 г. по всем четырем разрубам староста собирал с выти по 22 руб.¹³⁷, а всего крестьяне заплатили в этом году 1752 руб. За вычетом денежного оброка государственные и мирские платежи составили 1115 руб. Крестьянские дворы с окладом в полосьмака платили по 87,5 коп. государственных и мирских платежей, а только государственных — по 61,25 коп.

Итак, в обеих исследуемых вотчинах крестьянские дворы платили государственные налоги в соответствии с их вытным окладом. Наиболее характерным в последней четверти XVII в. был платеж в 50 коп. (без учета запросных и мирских денег). В первые годы XVIII в., судя по архиепископской вотчине, двор стал платить 60—70 коп.

В течение первой четверти XVIII в. происходил дальнейший рост государственных платежей. Наряду с традиционными (ямскими и полонянничными, стрелецкими деньгами), крестьяне стали уплачивать новые окладные налоги: драгунские, корабельные, рекрутные, подводные, на конский корм, на жалование драгунам, на корм драгунским лошадям и на паем каменщиков и

¹³⁶ Миллюков П. Н. Указ. соч., с. 133—139.

¹³⁷ В первый разруб по 4 руб., во второй — по 8 руб., в третий — по 4 руб., и в четвертый — по 6 руб.

кириичников. Все эти сборы после 1710 г. назывались «Табельными повсягодними платежами» и просуществовали до введения подушной подати¹³⁸.

Из челобитной крестьянина Лежского волока дер. Мигилева Ивана Исакова, поданной 5 августа 1704 г. на имя Петра I на Вологодском съезде двора в связи со злоупотреблениями приказчиков, узнаем, что в сентябре 1703 г. было семь сборов денежных платежей «со крестьян со всякой выти»¹³⁹ на сумму 33 руб. 69 коп. К сожалению, из челобитной неясно, какие именно подати погашались каждым из этих сборов. На двор с полуосьмачным окладом пришлось 2 руб. 10,5 коп. В 1714—1719 гг. каждый двор архиепископской вотчины платил окладных налогов в разные приказы по 2 руб. 75 коп.¹⁴⁰ В челобитной Ивана Исакова говорится, видимо, о сборе в 1704 г. лишь окладных платежей.

В 1704 г. государственным указом устанавливались сроки выплаты налогов в последних числах марта, июня, сентября и декабря каждого года¹⁴¹. В соответствии с ним в вотчине вологодского архиепископа для мирских старост также были установлены сроки внесения податей в марте, июле и октябре, о чем свидетельствует предписание старосте и семи выборным крестьянам Засодимской волости¹⁴². Упомянутая челобитная Ивана Исакова указывает, что осенний сбор налогов на Лежском волоке крестьяне вносили в семь приемов. Этот способ уплаты частями говорит в какой-то степени о тяжести обложения.

Кроме окладных податей, на протяжении всего исследуемого периода крестьяне уплачивали различные запросные деньги, что значительно увеличивало тяжесть налогового бремени. В 1686/87 г. крестьяне Спасо-Прилуцкого монастыря собирали по рублю с выти «в запросный четверишной хлеб». В этом же году они заплатили подворный рублевой сбор на жалование ратным людям, что повысило платеж до 1 руб. 50 коп.— 1 руб. 70 коп. Крестьяне архиепископской Засодимской волости, как уже говорилось, платили в 1679 г. «поворотные» деньги. П. Н. Милюков показал, что запросные сборы (десятая деньга, полтинные и полуполтинные) на нужды армии за десятилетие с 1671 по 1680 г. были 6 раз¹⁴³. Н. А. Горская, основываясь на внутривотчинных источниках монастырей Центральной России, называет годы, в которые взимались чрезвычайные налоги. Она установила 14 таких сборов, осуществленных за период с 1679 по 1701 г.¹⁴⁴

¹³⁸ Милюков П. Н. Указ. соч., с. 210. Здесь же он привел расчет платежей на двор в Архангелогородской губернии и показал их распределение по приказам.

¹³⁹ ГАВО, ф. 496, д. 118, лл. 40—41 об.

¹⁴⁰ Там же, д. 403, л. 13; д. 522, л. 83; д. 610, л. 222.

¹⁴¹ Там же, д. 118, л. 23 об.

¹⁴² Там же, д. 522, л. 4—4 об.

¹⁴³ Милюков П. Н. Указ. соч., с. 56.

¹⁴⁴ Горская Н. А. Указ. соч., с. 323.

В 1710 г. крестьяне всех категорий Архангелогородской губернии заплатили в среднем по 1 руб. 30 коп. с двора запросных денег петербургским мастерам на жалованье, на дачу работникам за провиант, за подводы под фураж¹⁴⁵. Чрезвычайные платежи — на провиант, фураж, городовое строение в размерах, колебавшихся из года в год, просуществовали вплоть до 1724 г.¹⁴⁶

В 1714 г. архиепископские крестьяне заплатили с двора по 1 руб. 18 коп. и 6 коп. пошлины за рижский провиант, петербургский и смоленский фуражи, петербургским работникам¹⁴⁷. Всего в 1714 г. каждый крестьянский двор уплатил окладных и запросных денег по 3 руб. 90 коп. Кроме денежных платежей, с крестьян взимался провиант ржаной мукой по четверти с полчетвериком с каждого двора. В 1717 г. платеж провианта на Лежском волоке «приговорили мирские люди отдать ... на Вологде охочим людям в подряд»¹⁴⁸. В 1718 г. крестьяне всей архиепископской вотчины отдали «в подряд» вологжанам Пудову и Каргину сбор провианта¹⁴⁹. Они поставили нужное количество ржаной муки по цене 1 руб. 6 алт. 4 ден. за четверть на сумму 198 руб.¹⁵⁰ В 1723 г. крестьяне Засодимской волости тоже подрадили вологжанина Котова «платить окладной провиант»¹⁵¹. Вероятно, такая практика была в то время довольно распространенной. Видимо, и в 1686/87 г. в Спасо-Прилуцком монастыре мирские люди, собрав по рублю с выти на запросный хлеб, предполагали отдать его в подряд. Отметим также, что в Вологде были довольно крупные хлебоделатели, способные взять на себя поставки хлеба в счет государственных сборов.

Итак, в первой четверти XVIII в. в архиепископской вотчине крестьянский двор с учетом стоимости провианта платил в общей сложности около 5 руб. государственных податей. Эта цифра близка к приводимому П. Н. Милюковым размеру платежей для архиепископских и монастырских крестьян Архангелогородской губернии¹⁵².

Об уплате налогов в первой четверти XVIII в. в Спасо-Прилуцком монастыре располагаем лишь одним свидетельством. В 1721 г. мирской староста и выборные крестьяне с Глубокого сообщали, что платят «государевых податей ... окладных и неокладных по семи рублей с двора, да хлебного провианту ... ржаной муки по четверти с двора с полполумалым четвериком на год прошлого 1720 и 1719, и иные прошлые годы по тому же»¹⁵³.

¹⁴⁵ Милюков П. Н. Указ. соч., с. 211.

¹⁴⁶ Там же, с. 486.

¹⁴⁷ ГАВО, ф. 496, д. 403, л. 14.

¹⁴⁸ Там же, д. 538, л. 1.

¹⁴⁹ Там же, д. 522, л. 75.

¹⁵⁰ Там же, д. 610, л. 86.

¹⁵¹ Там же, ф. 512, д. 184, л. 33 об.

¹⁵² Милюков П. Н. Указ. соч., с. 212, 216.

¹⁵³ ГАВО, ф. 496, д. 822, л. 20 об.

П. Н. Миллюков при подворном расчете государственных податей исходит из числа дворов как на 1678 г., так и на 1710 г. По его данным, в Архангелогородской губернии монастырские и архиепископские крестьяне в 1710 г. платили государственных налогов по 7 руб. 95 коп. на двор¹⁵⁴. Следовательно, можно считать, что в первой четверти XVIII в. в исследуемых вотчинах государственные подати с крестьянского двора колебались в пределах 5—7 руб. По сравнению с последней четвертью XVII в. их размер вырос с учетом падения курса рубля примерно с 2 руб. 25 коп.— 2 руб. 50 коп.¹⁵⁵ до 5—7 руб. или более чем в 2 раза. Обложение, по данным Миллюкова, увеличилось в Архангелогородской губ. с 3 руб. 76 коп. в 1678 г. до 6 руб. 27 коп. в 1710 г.¹⁵⁶, т. е. почти в два раза.

Миллюков, давая статистику населения по переписям 1678 и 1710 гг., отметил, что перепись 1710 г. не показала ожидаемого правительством прироста населения, а, наоборот, его убыль. «Вследствие этой неудачи оно решилось в конце концов игнорировать перепись 1710 г. и пользоваться для раскладок по-прежнему цифрами переписи 1678 г.», — писал Миллюков¹⁵⁷. Он добавляет, что местные власти поначалу были предостережены сами себе в вопросе применения переписи, так как Сенат не сразу принял определенное решение из-за ее неудовлетворительных результатов. Эти колебания продолжались почти до конца 1712 г., и только в 1713 г. Сенат «требовал повсеместно платежа податей по старой переписи, за пустые дворы наравне с жилыми»¹⁵⁸. Однако имеющиеся документы показывают, что с вотчины вологодского архиепископа в 1714 г. окладные налоги собирались по переписным книгам 1710 г.: «На нынешний 1714 год по указу великого государя повелено собрать з домовых ево с вотчин окладных по переписным 1710 году книгам окладных по 2 рубля по 20 алтын по 3 деньги да па те деньги по три деньги па один рубль»¹⁵⁹ с двора. Далее приведены число дворов и сумма денежного налога по каждой из волостей архиепископской вотчины, по Лежскому волоку (641 двор — 1701 руб. 12 алт.), Засодимью (154 двора — 408 руб. 25 алт.), подгородным селам (84 двора — 226 руб. 3 алт. 2 ден.). В 1718 г. «велено ... с домовых ... вотчин собрать провиант по переписным 1710 году (книгам.— *Е. Б.*) муки ржаной...»¹⁶⁰ В этом же 1718 г. на Лежском волоке была собрана недоимка и платеж на 1718 г. «за провиант з дворового числа

¹⁵⁴ Миллюков П. Н. Указ. соч., с. 216.

¹⁵⁵ Приблизительно к такой же величине государственных поборов с крестьянского двора в последней четверти XVII в. пришла в своих расчетах П. А. Горская (*Горская П. А. Указ. соч.*, с. 324).

¹⁵⁶ Миллюков П. Н. Указ. соч., с. 217.

¹⁵⁷ Там же, с. 207.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ ГАВО, ф. 496, д. 403, л. 13.

¹⁶⁰ Там же, д. 522, л. 75.

по рублю с двора со 641 двора»¹⁶¹, т. е. с числа дворов по переписи 1710 г. В марте 1719 г. вологодская канцелярия второй доли ландрата приняла взносы окладных податей с подгороднего села Ивановского, с его 22 дворов и с Засодимской волости со 154 дворов¹⁶². Другими словами, и в этом году государственные подати взимались по переписи 1710 г. Очевидно, местная власть в лице ландратской канцелярии, несмотря на требования Сената, взимала платежи по книгам 1710 г., возможно, из-за сильной убыли населения, которое в сравнении с 1701 г. уменьшилось в 1,6 раза. Вероятнее всего, данными переписи 1710 г. пользовались вплоть до следующей переписи 1717—1719 гг., показавшей дальнейшую убыль населения, после чего платежи стали брать с числа дворов, значившихся в переписи 1678 г.

В 1723 г. в расходной книге мирского старосты Засодимской волости Степана Обросимова зафиксирована отдача в подряд выплаты фуража, именно исходя из данных 1678 г. Крестьянин Корнильева-Комельского монастыря Яков Осипов сын Коровин брал этот подряд, и «по переписным книгам 1678 году с 220 дворов ряжено ему по 30 алтын с двора»¹⁶³.

4. Увеличение феодального и государственного налогового бремени и его последствия

Увеличение вдвое государственных налогов, усиление вотчинной эксплуатации, а также мобилизация мужчин в солдаты и на различные работы были основными причинами оттока населения и упадка крестьянского хозяйства. В апреле 1707 г. староста и выборные крестьяне Засодимской волости в челобитной на имя Петра I сообщали, что из 220 дворов, значившихся по переписи 1678 г., «ныне... в пусте крестьянских сто дворов»¹⁶⁴. Они объясняли причину запустения следующим: «Многие крестьяне в новозавоеванных городех в плотниках, и в работниках, и в каменщиках померли, а иные от скудости сошли безвестно. И за те пустые дворы тое вотчины достальные крестьяне твои государевы подати платили и сельское зделье делали, и от того всеконечно оскудали, а впредь в тех вышеписанных селех всякого зделья управить нам за малолюдством невозможно»¹⁶⁵. Для облегчения своего положения крестьяне просили уравнивать их с крестьянами Лежского волока, но не перевести на оброк, взимавшийся на Лежском волоке, а, наоборот, «всякого изделия ... Лежского волока архиерейским крестьянам быть»¹⁶⁶.

¹⁶¹ ГАВО, ф. 496, д. 522, л. 14 об.

¹⁶² Там же, д. 610, л. 223.

¹⁶³ Там же, ф. 512, д. 184, лл. 3 об.—4.

¹⁶⁴ Там же, ф. 496, д. 169, л. 1 об.

¹⁶⁵ Там же, лл. 1 об.—1 а.

¹⁶⁶ Там же, л. 1 а.

Упадок крестьянского хозяйства проявлялся прежде всего в его обеднении, оскудении. Так, засодимец дер. Тенково Никита Елисеев в 1705 г. «за скудостью» не платил государственные налоги и не отбывал «барщинных работ»¹⁶⁷. У засодимцев же Гаврилы Калистратова, Михея Алексеева и Тимофея Афонасьева из дер. Борисовской в 1710 г. не было «скота и иных пожитков» и потому «податей им за скудостью ныне и впредь платить печем»¹⁶⁸. В результате разорения упомянутые крестьяне «покинули повытки свои».

Не только разорение, а самый сбор податей и в особенности недоимок, сопровождавшийся правежом, вынуждали крестьян бросать землю и уходить или бежать из деревни. Крестьяне Лежского волока в апреле 1717 г. подали архиепископу мирскую коллективную челобитную, что при сборе недоимки провианта за 1716 г. «держат на правеже многих людей без всякого милосердия. И от того немерного правежу крестьяне бредут врознь. И всякие его государевы платежи на сей 1717 год остановились»¹⁶⁹. Сбор оброчного хлеба с крестьян также сопровождался правежом, хотя крестьянам «того оброчного хлеба вскорости платить за скудостью невозможно»¹⁷⁰. Крестьяне подгороднего села Ананьина в своей челобитной от 1717 г. сообщают, что посельские «правят» на них, занятый для посева в прошлом году хлеб и «бьют на правеже бесчадно». «А нам взять негде, ... градом выбило. ... А ныне мы скитаемся в мире»¹⁷¹. В 1719 г. архиепископский стряпчий в челобитной на имя Петра I просил солдат для поимки беглых крестьян, «которые з женами и с детьми из вотчин, нехотя платежей платить, бежали»¹⁷².

Крестьяне, чтобы не разориться, стали неполностью обрабатывать свои наделы или переходить на меньшие участки. Это делали не только малообеспеченные крестьяне, но и зажиточные. Засодимец дер. Шейкино Владимир Ларионов в своей челобитной от июля 1709 г. сообщал, что «иные в той вотчине крестьяне семейные и прожиточные тяглых своих повытков покинули и владеют малыми жеребьями, а миром на них в неволю тех повытков не наваливали»¹⁷³. Крестьяне Засодимской же волости дер. Севригино Матвей и Семен Ивановы с братьями, «не хотя податей с земли своей платить, покинули полосьмины и не владеют»¹⁷⁴. Характерно, что они публично «при многих людех в том отказали тому уже третьей год и податей никаких не платили». Участок, от которого отказались братья Ивановы, был отдан «во

¹⁶⁷ Там же, д. 261, л. 6.

¹⁶⁸ Там же, д. 321, л. 3.

¹⁶⁹ Там же, д. 538, л. 1.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же, л. 5.

¹⁷² Там же, д. 610, л. 231.

¹⁷³ Там же, д. 177, л. 29 об.

¹⁷⁴ Там же, л. 9 об.

владенье» крестьянину дер. Пирогово Василию Савельеву «с товарищи». Когда те приехали «на тое землю ... для пашпи, и они Матвей с братьями пахать тое земли не дали, потому что засеяна их хлебом»¹⁷⁵. В последнем случае — уже отказ платить подати со всего обрабатываемого падела.

В этом плане интересно еще одно дело, возникшее в 1710 г. в Засодимской волости. Староста Осип Васильев сообщал, что «многие ж крестьяне» платят подати только с половины своих наделов, а со второй половины платить подати и нести барщинные повинности на мирских сходках отказываются. «И платят подати и зделье делают с половины повытков своих. А те покидные свои повытки пашут же сильно без податей»¹⁷⁶. Наряду с таким «избыванием» повинностей, крестьяне «посеяли яровым хлебом без мирской поверстки многие пустые повытки сильно. А с тех повытков сельского изделия не делают и податей платить не хотят»¹⁷⁷.

При выяснении дела поселский старец Исайя обнаружил 9 случаев посева на неполном «убавочном» паделе и 28 — на запустевших участках. Всего же в росписи сельского старца поименно перечислено 55 крестьян, скорее всего дворовладельцев. Засевались озимым или яровым хлебом преимущественно (20 случаев) участки в $\frac{1}{3}$ выти и более мелкие. При этом крестьяне засевали на двух или трех пустых паделах небольшие участки, иногда даже четвертую или шестую долю осьмухи выти.

Так, в дер. Севригино Семен Иванов «посеял в дву полях яровым хлебом осьмую долю с четвертью осьмака»¹⁷⁸. Крестьяне дер. Ильинской Флор Васильев, Федот Кириллов и Алексей Максимов каждый посеял «в дву полях рожью и яровым хлебом два осьмака»¹⁷⁹. Крестьянин этой же деревни Иван Меркулов посеял «в дву полях рожью и яровым хлебом на убавочном повытке на полуосмаке без малой доли. Да другого осминного повытка по полюсе»¹⁸⁰. В дер. Шейкино Владимир Ларионов засеял «в дву полях и на пустых дворицах яровым хлебом осьмую долю выти без трети»¹⁸¹. В девяти случаях размер посевной площади указан не в долях выти, а в загонах¹⁸², которые тоже были разными по

¹⁷⁵ ГАВО. ф. 496, д. 177, л. 9 об.

¹⁷⁶ Там же, д. 322, л. 6 об.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же, л. 2.

¹⁷⁹ Там же, лл. 2 об.—3.

¹⁸⁰ Там же, л. 3.

¹⁸¹ Там же, л. 4 об.

¹⁸² Загон — пахотный участок земли, полоса до двух саженой ширины; в Ярославской губернии и Сибири равнялся четверти десятины, в других местах — полдесятины. Гоны — расстояние, какое можно проехать в одну упряжку; расстояние, какое лошадь в сохе проходит без передышки; длина пашенной полосы; часть поля, пашня, в один прием обрабатываемая; в Вологодской губернии примерно 20—60 саж. длины, смотря по ширине, которая бывает (вят.) 7—10 саж. (*Даль В. И.* Толковый словарь, т. I. М., 1956, с. 566, 374—375).

величине: «в гоны» — у Григория Степанова из дер. Головково, Андрея Яковлева из дер. Чюприню, Елфима Сидорова из дер. Пирогово; «четверы гопы» — у Максима Павлова из дер. Ягодино; «шесть загонов» «на двух повытках» — у Ивана Васильева из дер. Пирогово¹⁸³.

Значительное количество запустевшей земли давало возможность выбрать участок, быть может, лучшего качества и вместе с тем свидетельствовало о нарушении правильного распределения земельной полосы в полях. Некоторые крестьяне, забросив свои полосы, пахали другие, а некоторые стали засеивать хлебом участки в непосредственной близости от жилья. Например, в дер. Ягодино Андрей Григорьев «покинул свою пахотную полосу от перегороды, а пашет такову ж пустотную полосу у перегороды ж», а Мипа Иванов, оставя «свою полосу в нусте от лесу», стал возделывать «такову ж пустотную полосу среди поля»¹⁸⁴. В дер. Ножевница засеяли коноплей: Афанасий Егоров — «загороду», Федор Степанов — в гуменнике загон, а Дмитрий Семенов — в капустнике загон¹⁸⁵. Посевы на пустых наделах различались по своим размерам. Документ приводит величину участка не только в долях выти, но и в обиходных мерах. Площадь, которую засеял крестьянин дер. Пирогово Иван Тимофеев, объединила в себе все эти меры. Он посеял «в поле на дву повытках яровым хлебом четыре полосы. В другом поле осмью долю выти без трети, да в третьем поле в гуменнике три загона»¹⁸⁶.

Посельский старец, разбирая это дело, выяснял, на каком основании крестьяне владеют запустевшими землями. Подавляющее большинство крестьян отвечало, что владеют «без мирской поверстки». Иван Тимофеев дал более обстоятельный ответ: «Сеял де он без мирской поверстки, только де жеребьевал о той пустоте с соседями своими с Григорьем Федоровым, с Васильем Савиным, что те пустые повытки им пахать и сена косить по два года»¹⁸⁷. Крестьяне дер. Севригино Семен Иванов и дер. Блиново Павел Иванов сказали, что пустые «повытки» они засеивали «по велению старосты Осипа Васильева, а с мирскими людьми о том у них поверстки не было»¹⁸⁸.

Приведенные факты свидетельствуют о нарушении обычного правопорядка в отношении пустошных земель и пустых повытий, которыми распоряжались мирские власти. Взятие в пользование «пустовытного» надела, как известно, сопровождалось и несением тягла с него¹⁸⁹.

¹⁸³ ГАВО, ф. 496, д. 322, лл. 3, 3 об., 4.

¹⁸⁴ Там же, л. 3.

¹⁸⁵ Там же. Загород, задворок — зады селения (*Даль В. И. Указ. соч.*, т. I, с. 569).

¹⁸⁶ ГАВО, ф. 496, д. 322, л. 3 об.

¹⁸⁷ Там же, л. 4.

¹⁸⁸ Там же, лл. 2, 4.

¹⁸⁹ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 845; ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 66, л. 33—33 об.; д. 73 (212), л. 58.

В рассматриваемом же деле крестьян Засодимской волости от 1710 г. отражен массовый отказ (55 из 154 дворов по переписи 1710 г.) отбывать феодальные повинности как за пользование пустыми наделами, так и за обработку «убавочных» тяглых участков.

Возникает предположение, что крестьяне, сеявшие на пустых наделах, обрабатывали только часть своего тяглого участка, стремясь тем самым уменьшить обложение. Недостаток земли они восполняли за счет посева на запустевших участках. Эта мера была одним из способов отказа от уплаты податей.

Приведем еще один пример пассивного сопротивления крестьян налоговому бремени. В конце марта 1720 г. на Лежском волоке возникло дело об укрывательстве крестьян от уплаты податей. Денежного сбора целовальник одного из десятков на мирской сходке в с. Раменье сказал перед приказчиком, что в его десятке «лутшие люди» крестьяне дер. Черниеве Дмитрий да Петр Ростовиковы и дер. Михайлова Андрей Прокофьев «против окладных книг с повытков своих по требованию его целовальничью денег по разрубам не платят неведомо зачем и из домов своих укрываютца»¹⁹⁰. Посланный к этим крестьянам рассыльщик 25 марта 1720 г. на мирской валовой сходке сообщил, что «не только де они, и домашные их от них посланных из домов убегают и укрываютца»¹⁹¹. На сходке было принято решение опечатать «и дома их Ростовиковых, и в житницах хлеб», пока они не заплатят всех причитавшихся с них платежей. Эта строгая мера была вызвана тем, что и в 1719 г., и в 1720 г. братья Ростовиковы «с вытного тягла по окладам ... упрямством своим ... не платят, а хотя что и платеж чинят, и по своей воли с половины окладу или меньше»¹⁹². Но самое главное, что «многие другие крестьяне в десятках, смотря на них являются в таких же самовольствах»¹⁹³. Этот массовый отказ от уплаты податей, вероятно, и вызвал созыв валовой мирской сходки крестьян Лежского волока в с. Раменье. В результате разбора дела братья Ростовиковы обязались погасить платежи 1719 г. и готовы «впредь платить всякие ... деньги с ними мирскими людьми»¹⁹⁴.

Крестьянское сопротивление возникало не только при сборе податей, но и при наборе рекрутов. В феврале 1718 г. на Лежском волоке шел очередной набор в солдаты — с 45 дворов брался один человек. Крестьяне были оповещены о созыве мирской сходки, «чтоб на сходку февраля к 25 числу с детьми приходили лучшие, средние и все крестьяне. На нее собралось лишь 16 человек (это от 640 дворов, значившихся по переписи 1710 г.), а в

¹⁹⁰ ГАВО, ф. 496, д. 646, л. 1.

¹⁹¹ Там же, л. 1 об.

¹⁹² Там же, лл. 2 об.—3.

¹⁹³ Там же, л. 3.

¹⁹⁴ Там же, л. 8.

рекруты не привели ни одного крестьянина¹⁹⁵. Целовальники ездили по деревням и трижды оповещали о сходке. Но «в деревнях крестьян являюцца малое число, и тех они на сходки высылали с подтверждением. А другие многие крестьяне из деревень с детьми укрываютца и бегают»¹⁹⁶. Лишь к 28 февраля был собран для отдачи в рекруты 21 человек, из которых «выберетца к отдаче годных» 7 крестьян¹⁹⁷. В январе 1718 г. на Лежском волоке было собрано в с. Раменье для отдачи в рекруты «крестьянских детей малоданных и бобылей всего 32 человека», которых держали под караулом. 21 февраля того же 1718 г. они «в ночи, разломав у тюрьмы трубу и двери, все бежали неведомо куды»¹⁹⁸.

Следовательно, вызванное тяжестью налогов и повинностей разорение крестьян в первой четверти XVIII в. привело к пассивному классовому сопротивлению, выражавшемуся в отказе платить податные деньги, в укрывательстве и бегстве. Безусловно, классовая борьба крестьян в тот период не исчерпывалась только названными формами, но это вопрос, требующий самостоятельного изучения.

Таким образом, рассмотрев в данной главе феодальные и государственные повинности крестьян обеих вотчин, мы установили увеличение податного гнета более чем в два раза. По этой причине, а также в условиях Северной войны хозяйственный уровень и рабочие возможности крестьянского двора сильно понизились. Все вместе взятое вело к разорению и запустению значительного числа дворов и сопротивлению крестьян. Имущественное неравенство в этих условиях, несомненно, усиливалось.

¹⁹⁵ Там же, д. 522, л. 67.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же, л. 65.

СИСТЕМА КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

1. Форма владения землей
и регулирование падельного землепользования

Существование общинных порядков у черносошных крестьян Поморья давно отражено в литературе. Среди многочисленных дореволюционных исследований, посвященных этой проблеме, наиболее обстоятельно рассмотрены принципы землевладения на поморском Севере в работах П. А. Соколовского, А. Я. Ефименко, М. М. Богословского¹. Соколовский полагал, что возникновение общины восходит к родовому строю, выделял две ее формы — деревенскую и общину-волость. Для русского поморского Севера XIV—XVII вв. Соколовский считал более характерной общину-волость². Рассматривая крестьянское землепользование в общине и право распоряжения землей, он отмечал, что крестьяне могли «делить на части, передавать наследникам, меняться своей землей, закладывать, отдавать в наем и даже отчуждать посредством дарения и продажи при условии сохранения участка во владении общины»³. Последнее обстоятельство позволило ему считать крестьян волостной общины владельцами своей земли. Далее Соколовский отметил, что эти права общинников на черных землях были большими, чем на землях частновладельческих, где они ограничивались только пользованием. «Различие между черными и владельческими общинами,— говорил он,— заключалось не в способах распоряжения землею, а лишь в объеме права на нее»⁴.

Иначе смотрела на происхождение общины-волости А. Я. Ефименко. Она не разделяла взгляда Соколовского на исконность поземельной общины. Вместе с тем Ефименко приводила много данных о землях, находившихся в общем междеревенском пользовании. Такими землями, по ее материалам, были сенокосные угодья и рыбные тони⁵. Еще одним проявлением общинных порядков

¹ Соколовский П. А. Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877; Ефименко А. Я. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере.— В кн.: Исследования народной жизни, вып. I. Обычное право. М., 1884; Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. 1. М., 1909; т. 2. М., 1912.

² Соколовский П. А. Указ. соч., с. 65, 80.

³ Там же, с. 87.

⁴ Там же, с. 120—121.

⁵ Ефименко А. Я. Указ. соч., с. 210, 228.

было вервление земли в пределах волости. Волостное веревное уравнивание земель проводилось «с целью податного уравнивания»⁶. Как и Соколовский, Ефименко отмечала, что были распространены различные формы отчуждения земельных участков — продажа, заклады, дарения, передача по наследству. В отличие от Соколовского, в распоряжении земель она видела проявление «права собственности»⁷.

М. М. Богословский уделил большее внимание не вопросам землевладения и землепользования общины, а различным сторонам жизни волостного мира. Очень обстоятельно он исследовал волостное самоуправление: раскладку тягла, финансовую деятельность — сбор податей и платежей на мирские нужды, расходование этих средств, отчетность мирских властей перед общиной, вопросы судопроизводства и т. д.

Формулируя свое понимание общинного землепользования, Богословский считал обязательным равноправие всех владеющих землей, и эти «права отдельных членов сливаются в общине в единое общее право, а не составляют только совокупности прав отдельных членов»⁸. Волость XVII в., как не удовлетворявшая этим требованиям, не была, по его мнению, поземельной общиной, а стала таковой лишь во второй половине XVIII в. Однако и в волости XVII в. наблюдались элементы общинного владения, одним из проявлений которого было право распоряжения запустевшими землями. «В распоряжении покинутыми участками волость выступает с признаками поземельной общины»⁹. Наряду с владением и распоряжением запустевшими землями мир приобретал участки по различным сделкам, совершая куплю-продажу, мену, дарение.

Таким образом, несмотря на различия в трактовке и понимании отдельных вопросов жизни общины авторами рассмотренных работ, община черносошных крестьян выступает не только как поземельная организация, но и как общественный институт с финансово-фискальной, правовой, административной, судебной функциями.

Советские историки в работах о формировании феодальной собственности показали рост феодального землевладения за счет поглощения черных земель. В этой связи исследователи касаются и вопросов землевладения в черных волостях. Черный мир, располагавший комплексом общих земель и угодий, стремился сохранить свои земли. Здесь он сталкивался с интересами феодалов, увеличивавших свои владения путем захвата черных земель¹⁰.

⁶ Там же, с. 239, 245, 249.

⁷ Там же, с. 223, 250, 320.

⁸ *Богословский М. М.* Указ. соч., т. 1, с. 177.

⁹ Там же, т. 2, с. 10.

¹⁰ *Копанев А. П.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, с. 190—201; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 185—188; *он же.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности

Право черносошных крестьян на землю в XIV—XVI вв. по-разному оценивается авторами. Так, Л. В. Черепнин считает черных крестьян владельцами земли, верховным собственником которых было государство в лице княжеской власти¹¹. А. Д. Горский также считает, что крестьяне черных волостей не были собственниками земли, хотя имели широкие права в распоряжении ею¹². А. И. Копанев полагает, что черные крестьяне «владели землей на правах частной собственности». Основанием для этого служат многочисленные факты распорядительных земельных сделок¹³. Г. Е. Кочин рассматривает население черных волостей как свободных крестьян на общинных землях, которые находятся в коллективной собственности общинников¹⁴. Ю. Г. Алексеев считает черного крестьянина собственником аллода, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению и который был частью волостной общинной территории¹⁵.

Исследуя землевладение черной волости и концентрируя внимание на распоряжении черными землями в центре России и в Подвинье, Н. Н. Покровский обнаруживает региональную разницу в характере черного землевладения. В центре черная земля была в феодальной собственности князя и находилась в пользовании черных волостей с незначительным правом распоряжения этой землей. В Подвинье черная земля — собственность феодального государства; крестьяне — владельцы с неограниченным правом свободного распоряжения черными землями при относительно целом и неравномерном развитии феодальных отношений на них¹⁶.

Сущность землевладения черных крестьян вскрывается при рассмотрении общинных порядков. А. И. Копанев указывает

в IX—XV вв.— В кн.: *Новосельцев А. П., Пашуго В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, с. 126—251; *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 156—157; *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.—Л., 1965, с. 386—395; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966; *он же.* Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в.— В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дюктябрьский период. Л., 1972, с. 88—101; *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973.

¹¹ *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы..., с. 217—218; см. также *он же.* Образование..., с. 182—183.

¹² *Горский А. Д.* Указ. соч., с. 135—136, 158.

¹³ *Копанев А. И.* Указ. соч., с. 190, 192—193; *он же.* Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в.— В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дюктябрьский период. Л., 1972, с. 124, 125, 130, 136.

¹⁴ *Кочин Г. Е.* Указ. соч., с. 370, 386.

¹⁵ *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история..., с. 23.

¹⁶ *Покровский Н. Н.* Указ. соч., с. 99, 106—109, 113—114, 167—173, 177—187.

на связь между этими порядками и земельными отношениями в черной волости, сохранявшей пережитки древнего общинного владения¹⁷. А. Д. Горский полагает, что общинное устройство как форма земледельческого производства должна была существовать и на черных, и на владельческих землях, так как земледельческая агротехника была на них одинаковой¹⁸. Г. Е. Кочин рассматривает волостную общину черных земель в сопоставлении с частновладельческой и считает, что «волостная сельская община была общераспространенной формой организации крестьянства как в древности, так и в ... XIV—XV вв. и позднее»¹⁹.

Таким образом, существование общинных порядков, наиболее выпукло выступавшее у черносопных крестьян, прослеживается в XIV—XVI вв. и у владельческих. Посмотрим, проявлялись ли они в исследуемое время, когда существование феодальной земельной собственности было бесспорным, в Вологодском крае, лежащем в непосредственной близости с черносопными областями.

Землевладение крестьян изучаемых вотчин было наделным. Надел крестьянского двора, переходил ли он из поколения в поколение, приобретался ли по сделке, был ли получен «из пуста», представлял собой комплекс необходимых для сельскохозяйственного производства угодий: пашенных, сепокосных, лесных и др. Величина падела определяла размер тягла и в свою очередь определялась им.

Пашенная земля составляла основу землевладения, хотя существенное значение для хозяйства имела и земля при дворе. Земельные участки при дворе, так же как и площади самих дворов, были различны. Двор представлял собой совокупность жилых и хозяйственных построек — хлевов, житниц, сенников, сараев. Сведения о надворных постройках с различной степенью подробности содержатся в отписных книгах: «Хоромного строения изба да сенник и с дворовым, и с задворным хоромным строением...»²⁰ или «изба ... против избы сенник»²¹, или «избенко, против избенка сенник, между ими сарай, около двора забор»²², или вовсе кратко «изба да сенник»²³.

Наиболее полно перечислены надворные постройки вотчины Федора Федоровича Плещеева в Сямской волости при ее отписи в 1723 г. Кроме изб, сенников, житниц, упоминаются хлевы, амбары, сарай, погреба, бани, гумна²⁴. Отписные книги не выделяют строений, стоявших непосредственно на территории двора и рас-

¹⁷ Копанев А. И. История землевладения..., с. 189.

¹⁸ Горский А. Д. Указ. соч., с. 143.

¹⁹ Кочин Г. Е. Указ. соч., с. 383.

²⁰ ЦГАДА, ф. 1209, д. 14856, л. 30 об.; см. также лл. 32, 37.

²¹ Там же, л. 32 об.; см. также лл. 33—35.

²² Там же, л. 378; см. также лл. 378 об.— 379 об.

²³ Там же, л. 31.

²⁴ ГАВО, ф. 496, л. 773.

положенных за его пределами — «напольных», каковыми были гуппа, овины, бани, порой амбары и житницы²⁵. В некоторых книгах указано место расположения построек. Сенники чаще всего находились против избы, например в Двилицкой и Уфтыужской волостях, реже над избой, над хлевом²⁶ и над воротами. Над воротами также строили амбары и клетки²⁷. В Сямской волости амбары и клетки ставили и отдельно — у ворот²⁸.

Какие именно постройки располагались во дворе и за двором, показывает материал челобитных. Двор вдовы Пелагеи Филипповой в дер. Чувалино Комельской волости в 1723 г. имел две избы, новую и старую, «сенник с подклетом да пристен с подклетом же, а круг двора заборы и сараи ... Да напольных хором житница да овин»²⁹. Кроме этого двора, у вдовы был другой двор в дер. Дворец «мужа же моего работы. На дворе изба с подъизбицей, сенник с подклетом, чулан со мшаником, да сепница с конюшном ... Да напольных хором овин, ... да житница ... да баня»³⁰. В челобитной крестьянки Ирины Козьминой Спасо-Прилуцкого монастыря дер. Кожевниково о разделе от декабря 1704 г. приводится роспись имущества и дворовых построек: «На дворе изба, да на дворе хлев скотей, ... да за двором житница, да половина бани, да половина ж овина»³¹.

В Сольвычегодском, Устюжском, Пинежском, Двинском уездах, как свидетельствует материал крестьянских актов, избы, сенники, хлевы, сараи были собственно «дворовыми хорами», а «вне двора» или «вон двора» стояли амбары, погреба, бани, житницы, овины и огуменники³². Как видим, с территории двора были вынесены строения, связанные с сушкой, обмолотом и хранением хлеба. О таком же распределении построек на территории крестьянской усадьбы говорит и материал, приводимый М. М. Богословским³³. Это объясняется принадлежностью северных уез-

²⁵ Подробная характеристика конструктивных особенностей жилища и хозяйственных построек двора с выделением их по типам распространения дана в работе Е. Э. Бломквист «Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов» («Восточнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР», Новая серия, 1956, т. XXXI).

²⁶ ГАВО, ф. 496, д. 773, лл. 5 («два сенника, под теми сенниками два хлева»), 9 об., 10, 13.

²⁷ Там же, лл. 6 об., 7 об.

²⁸ Там же, лл. 17, 22.

²⁹ Там же, ф. 512, д. 167, л. 12.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, ф. 496, д. 140, л. 17.

³² ЦГАДА, ф. 1161, оп. 1, д. 15, 17, 23, 24; *Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян. — «Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества», 1902, т. II, вып. 2, с. 206; Сборник грамот Коллегии экономии. т. I. Грамоты Двинского уезда. Пб., 1922 с. 506—507.

³³ *Богословский М. М.* Указ, соч., т. 1, с. 147.

дов, в том числе Вологодского, к одному северному долинному типу заселения и единому типу крестьянской усадьбы, т. е. способу застройки усадебного места³⁴. Семья упомянутой выше И. Козьминой пользовалась баней и овином пополам с кем-то из своих однодеревенцев, возможно соседей. Такое совладение задворными постройками было характерной чертой складнических отношений черпосошного Севера³⁵.

Актовый материал содержит некоторые сведения о размерах дворов. Например, двор, проданный в с. Коровничье в 1652 г. прилуцким крестьянином Дружиной Ермолиным, состоял из избы и клети без подклета, за двором в конце огорода была баня «с передбаньем, ... рублена о пяти стенах». Двор был с улицы «мерюю семь сажен поперек без четвертка ж, за двором в огороде с верхнево конца восемь сажен, а в нижном конце от реки (Вологды.— Е. Б.) в той же огороде восемь сажен. А в длину в дворе, и в огороде длины шестнадцать сажен в монастырскую казенную сажень»³⁶, т. е. площадь этого двора была примерно 17×34 м. Архиепископский крестьянин Засодимской волости дер. Юрьцево Василий Михайлов в 1715 г. имел «с лица» дворовой земли четверть выти (1,5 дес., или 3600 кв. саженей), а позади двора стояли два сеника его соседа Петра Иванова, между которыми был проезд к задним воротам. «Мерюю тое земли под сениками и проездом в длину девять сажен с полуаршином, поперек три сажени с четвертью». В дальнем заднем конце «четверушной дворовой земли был капустник (Петра Иванова.— Е. Б.) мерюю в длину десять сажен без полуаршина, поперек четыре сажени с аршином»³⁷, т. е. 21,2×9,4 м. На дворовой земле выращивали овощи, хмель, коноплю. Засодимский архиепископский крестьянин дер. Юрьцево на своем огороде «капусту сажил, и коноплю сеял, и хмельник держал» (1715 г.)³⁸. Засодимец дер. Ножевница Афонасий Егоров весной 1710 г. посеял «загороду коноплем»³⁹. В то же время крестьяне этой деревни посеяли по загону коноплю, Федор Степанов — в гуменике, а Дмитрий Семенов — в капустнике⁴⁰.

Итак, на дворовой земле располагались жилые и хозяйственные постройки, часть которых была отнесена от жилья. Землю, свободную от построек, проходов и проездов, возделывали.

Крестьянские дворы вместе с их паделами включались в систему общего землепользования деревни. В рассматриваемых вотчинах как в конце XVII в., так и в начале XVIII в. вся надель-

³⁴ Бломквист Е. Э. Указ. соч., с. 30—33, 61—64, 161—172.

³⁵ ЦГАДА, ф. 1161, оп. 1, д. 14, 15, 17, 23, 24; Богословский М. М. Указ. соч., т. 1, с. 165; Иванов П. И. Указ. соч., с. 207.

³⁶ ЛОИИ СССР, ф. 217, оп. 1, д. 613, л. 4.

³⁷ ГАВО, ф. 496, д. 445, л. 1.

³⁸ Там же, лл. 1—2; см. также ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 606, 866.

³⁹ ГАВО, ф. 496, д. 322, л. 3 об.

⁴⁰ Там же.

ная земля, принадлежавшая той или иной деревне или группе деревень, делилась на три поля, в каждом из которых крестьянские дворы имели свои полосы: «... Верстали мы полосы ...»⁴¹; «... мне Сеньке соседи тое деревни ... четверишной полосы пахать не дают»⁴²; «...владеет он Иван моей полосовой землей»⁴³; «... своими полосами не владею»⁴⁴; «... в одном поле у нас полосы посреди»⁴⁵.

Трехпольная система в изучаемом районе была прочно установившейся. «Везде в трех полях земля папнется»⁴⁶, — говорится в одной из крестьянских челобитных. Именно поэтому прилуцкий крестьянин дер. Поповкино Матвей Федоров считал себя вправе просить воздействовать на двоюродного брата, который ему в 1689 г. «поступился ... четверухи земли девятую долю ...», а в следующем году «в третье поле тое девятые доли пахать не дает неведомо для какого вымыслу»⁴⁷.

Форма организации полей видна из групповой челобитной от 1725 г. крестьян дер. Чюглак Глубоковского ключа Спасо-Прилуцкого монастыря. В этой деревне «в трех полях по владению повыток пахотной земли со двориц и до зади ноль до огороду в длину по одной полосе все равные»⁴⁸. Но такое правильное распределение полос в полях могло нарушаться по каким-либо обстоятельствам, как это было, например, в дер. Шейкино архиепископской Засодимской волости. По переписи 1702—1703 гг. в этой деревне числились четыре двора, возникшие после переписи 1678 г. на пустоши и обложенные выгным тяглом в четыре осьмака⁴⁹. К 1709 г. в дер. Шейкино остался один двор Лариона Иванова с сыном Владимиром. Соседи Лариона Иванова, «покиня тяглые свои повытки, вышли в иные деревни на пустовытные ж земли», а он свой тяглый повыток осьмину, который составлял в деревне четвертую долю всей пахотной земли, «покиня ... в дву полях, а [в]место того стал пахать в одном (общедеревенском.— Е. Б.) поле четвертую ж долю всей деревни»⁵⁰, сохранив при этом трехпольный севооборот («повожепная назмом паровая земля») ⁵¹. Сын Лариона Иванова Владимир пояснял, что владеет

⁴¹ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 953, л. 1.

⁴² Там же, д. 1178, л. 1.

⁴³ ГБЛ, ф. 178, карт. 7113, д. 65, л. 1.

⁴⁴ ГАВО, ф. 496, д. 177, л. 32 об.

⁴⁵ Там же, д. 822, л. 3. Каждое поле имело свое название. Например, под с. Домшино Спасо-Прилуцкого монастыря были поля Полуденное (южное), Сиверское (северное), Кунское (очевидно, по названию протекавшего здесь ручья) и т. п. См. также *Богословский М. М.* Указ. соч., т. 1, с. 167.

⁴⁶ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1217, л. 1.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ГАВО, ф. 496, д. 822, л. 3.

⁴⁹ ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—2, л. 400.

⁵⁰ ГАВО, ф. 496, д. 177, л. 129 об.

⁵¹ Там же.

землей «с краю, не выбором, а во всех трех полях своими полосами не владею, для того что в той деревне живу я один, и обгоразивать мне одному все поля не в силу»⁵². Нарушение сложившейся структуры полей и выпаживание чужих полос в одном из них вызвало возражение бывших одподеревенцев Лариона Иванова, подавших челобитную. Так как в дер. Шейкино в начале XVIII в. было четыре двора и четыре тяглых осьмака, а Ларион Иванов владел $\frac{1}{4}$ деревни, можно думать, что все четыре двора имели «повытки» одинаковых размеров.

Равенство тяглых паделов в пределах одной деревни наблюдается и в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря. Вытные крупные книги монастырских житников отмечают в дер. Высочка Малая с. Ивановского трех владельцев, у каждого из которых было по чети выти земли⁵³. В дер. Масляпка Лоптуновского ключа — четверо крестьян-владельцев, также имевших равные паделы по четверти выти⁵⁴. Та же картина наблюдается в других ключах: в дер. Шелепино (3 двора по $\frac{1}{4}$ выти), в дер. Микиткино (6 дворов по $\frac{1}{4}$ выти), в дер. Боброво (2 двора по $\frac{1}{4}$ выти), в дер. Звягино (4 двора по $\frac{3}{8}$ выти), в дер. Труфаново (4 двора по $\frac{1}{4}$ выти), в дер. Борилово (5 дворов по $\frac{1}{4}$ выти). Деревни более крупные — свыше 5—6 дворов распадаются на две-три группы, внутри которых крестьяне имели равные паделы. В дер. Токарево села Парищыно в 1675 г. из десяти крестьян-владельцев у шестерых было по $\frac{1}{4}$ выти, у четверых — по $\frac{1}{8}$ выти, а в 1684 г. из девяти крестьян-владельцев те же шестеро имели по $\frac{1}{4}$ выти, а трое — по $\frac{1}{8}$ выти⁵⁵. В с. Богородском в 1684 г. 12 крестьянских дворов образовали три группы: трое имели по $\frac{1}{2}$ выти, шестеро — по $\frac{1}{4}$ выти и трое — по $\frac{1}{8}$ выти⁵⁶. В дер. Гридино 14 крестьянских дворов составляли в основном две группы: девять из них имели по $\frac{1}{4}$ выти, трое — по $\frac{3}{8}$ выти, один — $\frac{1}{2}$ выти и один — $\frac{3}{4}$ выти⁵⁷. В самой большой монастырской деревне Сычово Великоорецкого ключа, насчитывавшей 23 владельца паделов, было четыре группы крестьян, в каждой из которых все имели по равному паделу: десять человек — по $\frac{1}{4}$ выти, четверо — по $\frac{3}{8}$ выти, двое — по $\frac{1}{8}$ выти, четверо по $\frac{1}{8}$ выти; у одного крестьянина было полвыти земли, у одного же — треть выти и еще у одного — полосьмухи⁵⁸. Число таких примеров можно увеличить.

Крупные книги показывают, что из 70 деревень, в них описанных, не было ни одной, где все крестьянские паделы были

⁵² Там же, л. 32 об.

⁵³ ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10, л. 260 об.

⁵⁴ Там же, л. 262.

⁵⁵ Там же, л. 267 об.

⁵⁶ Там же, л. 265.

⁵⁷ Там же, л. 266—266 об.

⁵⁸ Там же, лл. 270 об.—271.

бы разной величины. Значит, увеличение или уменьшение участков пашни шло по определенным долям и крестьяне могли по-пасть из одной группы в другую, но не увеличить число этих групп. Это говорит прежде всего о бытовании нескольких определенных долей окладной единицы — выти, кратных двум или трем ($\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$). Кроме того, здесь можно усмотреть существование уравнилельной системы землепользования. Подобное равенство папшеннх участков в XVII в. существовало в Пинежском уезде. П. И. Иванов отмечал, что «в маленьких деревнях нередко все дворовые земли равны, в больших — эти пашни соединяются в группы, таких групп несколько в деревне, пашни каждой группы равны между собой и неравны дворовым пашням других групп»⁵⁹.

Порядок землепользования отражает определенный уровень в развитии сельской общины. По имеющимся материалам довольно четко представляется, что крестьянский мир в этот период существовал и действовал вполне активно. В вотчине вологодского архиепископа крестьянская община — мир территориально совпадала с вотчинными границами в пределах волости. Она объединяла в Засодимской волости три села — Степановское, Григорьевское и Цыбоево с деревнями, что устанавливается сопоставлением различных документов. Роспись мирского старосты Якова Леонтьева 1679 г., учитывая тяглые выти в Засодимской волости, перечисляет те же деревни, что и переписи 1678 и 1702—1703 гг.⁶⁰ Представители тех же деревень всех трех сел засодимской вотчины были на мирской сходке в с. Степановском в 1715 г.⁶¹

Все архиепископские деревни в волости Лежский волок также составляли одну мирскую общину с центром в с. Раменье. В сентябре 1682 г. в нем состоялся мирской сход, на котором присутствовали крестьяне — представители деревень Лежского волока⁶². В марте 1710 г. били челом 140 крестьян «и весь мир» архиепископской волости Лежский волок о проверке мирских приходо-расходных книг. Архиепископские власти рекомендовали для этого «учипить... в селе Раменье мирскую сходку», признавая тем самым сход органом мирского самоуправления⁶³. Крестьяне деревень каждого из подгородных сел Ивановского, Ананьица, Белого, Реброва также составляли свои общины⁶⁴.

⁵⁹ Иванов П. И. Указ. соч., с. 202.

⁶⁰ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 19; *Водарский Я. Е.* Вологодский уезд в XVII в. (К истории сельских поселений). — В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, с. 319; ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—2, лл. 294—299 об., 353—358, 396 об.—400.

⁶¹ ГАВО, ф. 496, д. 445, л. 4—4 об.

⁶² ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 23, лл. 43—44; ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—3, лл. 419—453; *Водарский Я. Е.* Указ. соч., с. 333—335.

⁶³ ГАВО, ф. 496, д. 290, лл. 71—72 об., 66.

⁶⁴ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 107, л. 113 об.; ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—1, лл. 104 об.—107 об.; ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 53, лл. 17, 26, 32 об., 40.

В Спасо-Прилуцком монастыре община объединяла крестьян деревень, входивших в один ключ. Так, у крестьянина с. Ивановского Ильи Петрова в 1679 г. пропали лошади, которые оказались «за волостью у Качкаровых крестьян в деревне Дмитриевской»⁶⁵, у крестьян другой, видимо, соседней вотчины. В судебном деле 1696 г. двух крестьян того же Глубоковского ключа дер. Верхнее говорится: «сказали все соседи вправду, что де мы ... суды всякие емлем за волость, по суды не ездим»⁶⁶. В деле о пропаже «трех пахотных меринов» у трех крестьян дер. Родионцово Домшинского ключа Водожской волости (1697 г.) подозреваются «заволостные крестьяне Федора Баскакова», один из которых в момент пропажи лошадей «был за волостью» у свойственников⁶⁷. В деле есть допрос крестьян «всякого чело- века порознь» большинства деревень Домшинского ключа, входивших в его мирскую волость⁶⁸. Во всех документах, относящихся к этому делу, неоднократно подчеркивается принадлежность крестьян к данной территориальной общине. Такой же опрос крестьян почти всех деревень в том же ключе был произведен по челобитной крестьянина дер. Левушкино о пропаже коровы⁶⁹. Пропажа скота вызывала розыск на территории всей общины.

Наиболее полное представление об общей структуре общины в Спасо-Прилуцком монастыре дают приходо-расходные книги мирских старост за 1686/87, 1687/88 (см. Приложение 2) и 1689/90 гг.⁷⁰ Одинадцать ключей или вотчинных сел с входящими в них деревнями были самостоятельными общинами-волостями, различными по своим размерам. Каждая из общин-волосток имела старосту. Сравнение имен ключевых старост по трем приходным книгам показало, что они ежегодно сменялись. Лишь в ключах Оларевском и Сергиевском один и тот же староста оставался в течение двух лет — 1686/87 и 1687/88 гг. В общинах-волостках, кроме старост, были и другие выборные мирские должности, например земские целовальники в Подмонастырском ключе.

Существование в волостках мирских должностей, таких, как старосты, целовальники, десятские, подтверждается и материалом крестьянских челобитных последней четверти XVII в. Фигурирующий в Приходо-расходной книге 1687/88 г. староста Лоптуновского ключа Марк Естифеев в августе 1688 г. с цело-

⁶⁵ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 958, л. 1. По списку дворовладельцев Вологодского уезда на 1699 г., составленному Я. Е. Водарским, значится А. Р. Кочкаров, имевший 16 дворов, Г. М. Кочкаров — 14 дворов и Я. А. Кочкаров — 4 двора (указ. соч., с. 281).

⁶⁶ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1289, л. 2.

⁶⁷ Там же, д. 1303, л. 1.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, д. 1320, л. 1.

⁷⁰ Там же, оп/2, д. 339; ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 125, 44.

вальником Федором Матфиевым и с двумя монастырскими слугами ездили на пустошь Хвощево «земли спорные досматривать»⁷¹. В 1684 г. старостой этого ключа был тот же Марк Естифеев. Он с целовальником Филиппом Ивановым давали представителям монастырской администрации «скаска» о величине тяглого оклада дер. Щекино в связи с челобитной крестьян этой деревни о сбавке тягла⁷². В 1683 г. староста Лоптуновского ключа Кондратий Иванов, десятский Фалилей Иванов и соседи-понятые предприняли обыск по обвинению в краже у крестьянина дер. Надево Исака Киприянова⁷³. В 1690 г. подали коллективную челобитную «церковной старостишка Демид Филипов, мирской старостишка Моска Гаврилов, целовальник Иев Афанасьев... (далее имена восьми крестьян.— *Е. Б.*) и все крестьяне» Спасского прихода с. Глубокого о расходах, оспариваемых крестьянами Ильинского прихода этого же села⁷⁴. В 1697 г. представители монастырской администрации и «выборные их истца и ответчика» третейские люди в составе десятского Павла Хролова, целовальника Бориса Ермолина и четырех крестьян разбирали в дер. Верхнее села Глубокого спорное дело из-за неразмежеванных сенных покосов, бывших в совместном владении крестьян этой деревни⁷⁵.

Приходо-расходные книги в сочетании с крестьянскими челобитными и другими крестьянскими актами выявляют не только существовавшие выборные мирские должности, но и круг их деятельности. В архиепископской волости Лежский волок крестьяне, наряду со старостой, выбирали целовальников денежного сбора в количестве восьми человек «з десяти вытей по человеку»⁷⁶.

Союз ключевых общин-волостей составлял крестьянскую общину в рамках всей монастырской вотчины. Возглавлял ее вотчинный староста; «... выбрали меня миром в старосты ...» — записал в своей книге Афанасий Григорьев в 1689/90 г.⁷⁷ Эта запись о выборе старосты в книге 1689/90 г. — самая лаконичная. Вотчинные старосты 1686/87 и 1687/88 гг. сделали более развернутые записи. Они свидетельствуют, что монастырские власти не были сторонними наблюдателями при выборе всеотчинного старосты. «Спасова-Прилуцкого монастыря государи наши власти архимандрит ... и келарь ... з братьею благословили и указали мне ... в монастырской своей вотчине быть в вотчинных старостах ...»⁷⁸ Трудно судить, была ли эта формулировка, оттеняющая первостепенную роль монастырских властей, только формулой, привычной для сознания зависимого крестьянина, или она отразила

⁷¹ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1194, л. 1; ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 125, л. 4.

⁷² ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 61, лл. 84–85.

⁷³ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1031.

⁷⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 73, л. 36.

⁷⁵ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1327.

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 53, л. 165; ГАВО, ф. 496, д. 290, л. 100.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 44, л. 9.

⁷⁸ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339, л. 8; ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 125, л. 6.

реальное положение. Глаголы этой формулы «...благословили и указали... быть в старостах...» можно истолковать двояко. Во-первых, монастырские власти могли утверждать избранного миром старосту в его должности, а во-вторых, они могли предлагать миру кандидата во всеотчинные старосты из уже избранных ключевых старост.

Удалось установить, что в 1686/87 и 1689/90 гг. всеотчинные старосты были крестьянами Подмонастырского ключа (Кондратий Григорьев из дер. Кожевниково и Григорий Афанасьев из дер. Скорое). Отметим, что приходные книги, упоминая земских целовальников этого ключа, не называют его старосту. Вероятно, вотчинный староста являлся одновременно и старостой Подмонастырского ключа. Тогда становится понятным подробное подеревенское фиксирование приходных поступлений с этого ключа.

Степень и полнота волеизъявления мира при выборе старосты из этой записи расходных книг до конца неясна. За уже приведенными словами источника идет следующий текст: «...и выбор за руками мирских людей мне дали» — книга 1686/87 г.; «...и мирской вотчинных крестьян дали мне за руками их выбор» — книга 1687/88 г.⁷⁹ Несомненность самого выбора старост налицо. Важно установить, что было первичным: самый выбор и последующее соглашение с ним монастырских властей, или принятие миром кандидата, предложенного монастырем. Выяснить реальное содержание цитированной записи расходных книг позволяет мирской приговор о выборе старосты, правда, в вотчине вологодского архиепископа (см. Приложение 3). В сентябре 1682 г. в волости Лежский волок мирские люди в количестве 120 человек, представлявшие на сходе всю общину⁸⁰, во главе с соцким и целовальниками «выбрали и излюбили в старосты Лежского волоку бывшего старосту Алексея Титова, человека добра»⁸¹. Этот акт мирской жизни проходил в присутствии представителя вотчинной администрации: «перед прикащиком перед Иваном Александровым». Так как старостой избирался прежний кандидат, то данная выборная запись опирается на аналогичный документ предыдущего года: «и по прежнему нашему мирских людей выбору». Новый срок старощенья Алексея Титова, видимо, как и предшествовавший, — один год. Несмотря на то что староста остался тот же самый, выбор его на новый

⁷⁹ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 2, д. 339, л. 8; ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 125, л. 6.

⁸⁰ Полагаем, что в рассматриваемых общинах, так же как и в черносошных, деревня или группа соседних деревень посылали своего представителя на сход. Обстоятельно рассмотрен характер представительства на нем крестьян в XVII в. М. М. Богословским (*Богословский М. М. Указ. соч.*, т. 1, с. 207—219), а в XVIII в. В. А. Александровым (*Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.)*. М., 1976. с. 124—125, 137—138).

⁸¹ ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 23, л. 44.

срок проведен на волостном мирском сходе и оформлен документально. Староста должен был собирать с крестьян без недоборов государственные подати, вотчинный денежный и натуральный оброки, не притеснять и не разорять при этом мирских людей, но «в архиепископлю домовую казну радеть неоплошно». Гарантацией исполнения старостой его обязанностей были мирские люди, «кои в сем выборе и в прошлом имены писаны». В случае перадивности старосты они вместе с последним платили штраф (пеню) в размере, указанном архиепископом. Выборная запись устанавливала и размер «подможных» денег старосте, в данном случае 10 руб. на год, так же как и по «прежнему» приговору.

Исполнение основной обязанности, предписывавшейся выбором, — сбор налогов и податей, как раз и отразили приходо-расходные книги мирских старост. Сравнивая саму выборную запись в старосты с текстом о выборе в приходо-расходных книгах (принимая во внимание, что эти документы относятся к разным вотчинам), убеждаемся, что последняя вторична и сделана на основе «выбора». Фраза «выбора» 1682 г. «...и по ...нашему мирских людей выбору быть ему ...мирским старостою...» близка к вышеприведенной формулировке приходо-расходной книги, например, 1686/87 г.: «указали мне ...в монастырской ...вотчине быть в вотчинных старостах...». Вся эта формулировка с ее продолжением — «и выбор за руками мирских людей мне дали» проясняется челобитной 1683 г. вологодскому архиепископу крестьянина Любима Паумова сына Губкина⁸². Он был старостой в 1683 г. и в «прошлых годах». Вместо него, заболевшего и находившегося при смерти, крестьяне выбрали новым старостой родного брата челобитчика — Андрея. В своей челобитной Л. Н. Губкин просит архиепископа утвердить нового старосту: «вели ...что быть в выборных старостах ему Андрею. И вели... дать ему свою святительскую грамоту против крестьянского выбору...». Из этого документа ясно видно, что в данном случае сначала состоялся выбор старосты, а потом архиепископские власти утверждали избранного старосту и документально оформляли это утверждение. Тем самым староста как бы «вводился в должность». Вероятно, такой порядок являлся обычным, а не был вызван только необходимостью экстренного выбора нового старосты. Именно при такой системе выбора и могла выработаться запись в приходо-расходных книгах старост Спасо-Прилуцкого монастыря: «...власти ...благословили и указали... быть... в старостах и выбор за руками мирских людей мне дали».

Итак, в обеих рассматриваемых вотчинах крестьянская община была самостоятельна в выборе старосты и других мирских должностных лиц. Роль вотчинной власти была при этом наблюдательной.

⁸² ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 19, л. 15.

По документам прослеживается, что мирские должности занимали одни и те же крестьяне. На Лежском волоке два года подряд были старостами Алексей Титов (1682 и 1683 гг.) и Карп Данилов (1701 и 1702 гг.). Марк Естифеев был старостой Лоптуновского ключа в 1684 и 1687/88 гг. Крестьянин Подмонастырского ключа Григорий Афанасьев Волк был соцким в 1686/87 и в 1687/88 гг., а в 1689/90 г. — вотчинным старостой Спасо-Прилуцкого монастыря. Другой крестьянин Подмонастырского же ключа Кондратий Софонов, бывший старостой в 1687/88 г., в 1689/90 г. ездил в Москву платить стрелецкий хлеб и был выборным на счете прихода-расходных книг в 1690 г. Чрезвычайно интересна в этом отношении уже упоминавшаяся челобитная Л. Н. Губкина от 1683 г., из которой следует, что должность старосты перешла от одного брата к другому. Пребывание в старостах и целовальниках денежного сбора было связано с несением финансовых издержек — с восполнением в мирскую кассу сумм, начетных на старосте, и тех, расход по которым не признавали выборные счетчики. Так, на старосте Спасо-Прилуцкого монастыря 1689/90 г. было «начету и пороченых статей шесть рублей 24 алтына 2 денги»⁸³. В 1709 г. мирские люди принимали отчет одного из целовальников Лежского волока Стефана Филимонова, собиравшего деньги для сдачи рекрут «по приговору мирскому и по разрубу по 16 рублей с выти». Они «начли» на С. Филимонова 13 руб., поднесенных в почесть «по велению их мирскому наборщику солдатскому Ивану Афонасьевичу Брянчанинову». Мирские люди сочли эту «почесть», вероятно, слишком большой по размеру, хотя «иные статьи, кои были ...же в держи и больше того, и то все считают»⁸⁴. При финансовой ответственности упомянутых мирских лиц и ориентировке вотчинных властей на крестьян «добрых и прожиточных»⁸⁵ выбор на мирские должности осуществлялся из среды наиболее обеспеченных крестьян; должности из года в год перераспределялись внутри этой группы крестьян и даже могли передаваться родственнику.

Должностные лица составляли основное ядро института выборных — представителей мира, уполномоченных общиной для ведения ее дел. По мере надобности община расширяла представительство института выборных, привлекая для решения тех или иных дел крестьян-выборных. Так, в 1690 г. приходо-расходные книги вотчинных старост «считали» старосты четырех ключей и двенадцать выборных крестьян в присутствии монастырского казначая; «...старец Игнатей да монастырские выборные крестьяне... (далее имена семи крестьян.— Е. Б.) да ключевые старосты и

⁸³ ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 44, л. 42.

⁸⁴ ГАВО, ф. 496, д. 290, л. 88 об.

⁸⁵ Там же, л. 66; ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 23, л. 43.

крестьяне (далее имена десяти крестьян — *Е. Б.*) Прилуцкого ж монастыря вотчинного старосту Кондратья Софонова приходные и розходные ево книги 196-го году ноября с ... числа да по сто девяносто седмой год ноября ж по десятое число считали и книг ево слушали»⁸⁶. Эти представители крестьянского мира проверяли отчеты двух старост сразу за два года 1687/88 и 1689/90 гг. Сметные списки книг 1687/88 и 1689/90 гг. датированы одним днем — 10 декабря 1690 г. Следовательно, комиссия из выборных крестьян и ключевых старост проверяла финансовую отчетность старост, причем за несколько лет.

Итак, в изучаемых вотчинах община не была однодеревенской, а представляла собой общину-волость и совпадала с административно-вотчинным делением. Община в Спасо-Прилуцком монастыре, как она вырисовывается из приходо-расходных книг вотчинных старост, была двухступенчатой. На нижней ступени — это община-волость. Ступенью выше община — это союз ключевых общин-волостей с всевотчинным старостой во главе. Такая община, поглощенная вотчиной, генетически была связана с раннефеодальной общиной. Н. П. Павлов-Сильванский писал, что «под верхним слоем господской власти в Новгородских боярщинах XV века, как и в дворянских имениях XIX в., лежал древний основной пласт крестьянского мира»⁸⁷. Он указывал также, что в границах старинной волостной территории с XV в. были объединены имения бояр, детей боярских, монастырей⁸⁸. Часть волости-общины, подчиненная вотчиной, продолжала действовать как отпочковавшийся организм, но прежняя свобода действий в самоуправлении стала ограничиваться властью вотчинника: «Сельский мир сохранял свое устройство и свои порядки в крупных государевых и частных вотчинах, хотя и здесь он подчинялся контролю и руководству приказчиков», — писал С. Ф. Платонов⁸⁹.

В Спасо-Прилуцком монастыре такой контроль осуществляли поселские старцы, сидевшие в селе ключа, по названию которого назывался и весь ключ, в Вологодском архиерейском доме — приказчики из детей боярских, служивших архиепископу. Они обязательно присутствовали на мирской сходке, являвшейся органом общинного самоуправления.

Одним из проявлений деятельности мира было регулирование землепользования и обложения.

В 1654 г. Спасо-Прилуцкий монастырь в с. Домшино «сводит» монастырскую землю в одно место, забрав у крестьян полосы и отведя им участки в другом месте и худшего качества: «И после того у нас была земляная поверстка промеж собою

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 125, л. 43—43 об.

⁸⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. Пг., 1924, с. 56.

⁸⁸ Там же, с. 62.

⁸⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, с. 44.

у крестьян»⁹⁰. Крестьяне «верстали полосы» под наблюдением поселского старца и священника.

От марта 1678 г. сохранился волостной приговор выборных крестьян архиепископской Заболотской волости, выбранных к «земельному разделу п к обежному окладу». Они «посоветовав меж собою, приговорили соопча» деревни, которые «в земельной мере и в обежном окладе у старца Иосифа и подьячего Федора положены не право тяжеле и не по нашим приговору, а пыне деревни в той земляной мере и в обежном окладе облегчены...»⁹¹. Этот акт мирской жизни был совершен в присутствии представителей вотчинной власти: старца, подьячего и священника. Слова «и не по нашим приговору» можно истолковать как прошлый, предшествовавший теперешнему 1678 г. приговор других выборных крестьян, время составления которого в данном документе не указано. Однако за время от предыдущего приговора до 1678 г. в земельном фонде деревень произошли изменения. Как результат этих изменений появились деревни и дворы с более высокими размерами тягла, обложенные «не право тяжеле», ищжали другие. Нарушилось соответствие между землевладением и обложением⁹². Целью приговора 1678 г. было уравнивание тяжести обложения в волости: «с тяжелой (деревни.— Е. Б.) снять, а положить на облегченные». Приведенный документ говорит о взаимосвязи между размером надельной земли и окладом: урегулирование одного из них влекло обязательно и урегулирование другого. Приговор 1678 г. закрепил земельный раздел и разверстание покосов, а также новый оклад.

Из челобитной группы архиепископских крестьян (4 человека) починка Боково Лежского волока узнаем, что в 1683 г. по указу архиепископа Симона «приказчик ...и староста с мирскими людьми промеж собою деревня на деревню окладом верстаются. С тяжелые деревни кладут оклад на легкую деревню»⁹³. Из этого следует, что в 1683 г. во всей волости Лежский волок также проходило выравнивание тяжести обложения между деревнями, а внутри них — и между дворами. Регулирование окладов и в данном случае повлекло упорядочение земель и угодий, так как челобитчики починка Боково просили «поверстаться» с починком Выходным, у которого «всякие угодыя и санными покосы при нашем починке лучше»⁹⁴.

⁹⁰ ЛОНИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 953, л. 1.

⁹¹ Там же, Колл. 34, карт. 7, д. 4; л. 1; ср. *Богословский М. М.* Указ. соч., т. 2, с. 22, Прилож. 5, см. также с. 136—137.

⁹² Л. П. Вдовина на материале 20—50-х годов XVIII в. пришла к убеждению, что наиболее важной причиной переделов была в большинстве случаев система обложения (*Вдовина Л. П.* Земельные переделы в крестьянской общине в 20—50-е годы XVIII в. (По материалам монастырских вотчин).— *История СССР*, 1973, № 4, с. 144).

⁹³ ЛОНИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 23, л. 7.

⁹⁴ Там же,

Оба приведенных документа показывают, что в общине-волости уравнивание земли проводилось не подворно, а по деревням: «деревня на деревню окладом верстаются»; «деревни в той земляной мере и в обежном окладе облегаются»⁹⁵. Естественно думать, что упорядочение окладов и земельных наделов происходило не только между деревнями одной волости, но и внутри каждой деревни — по дворам, а возможно, и по группам дворов, имевших одинаковые наделы. Размер тягла на двор определяли сами крестьяне. Так, один из челобитчиков починка Боково Михаил Алексеев за год до верстанья, в 1682 г., прося уменьшить ему тягло вдвое, говорил, что «Лежского волока крестьяне обложили в том починке Боково мое повытьцо в три осьмины»⁹⁶.

В мае 1715 г. в с. Степановском Засодимской волости «на мирской сходке» (см. Приложение 4) крестьяне — представители всех деревень волости в количестве 45 человек «и все тое вотчины крестьяня приговорили» подтвердить оклад прошлого 1714 г. и на кого из крестьян было «в прошлом 1714-м и в нынешнем 1715-м годах положено вновь к старым их повыткам в прибавку тягла и с кого что по усмотрению тягла сложено, быть по тому приговору нынешняго 1715-го году и впредь без всякой отложности»⁹⁷, подтвердив тем самым на новый 1715 г. старый принцип и порядок обложения. Кроме того, пустые земли, лежащие «за тяглыми повытками в разных деревнях», были разверстаны па «жилые повытки» для распахиwania или под сенокосы, в соответствии с имевшимся тяглым участком: «и на тех пустых землях по розверстке кому что на жилые повытки доста-нетца». Это увеличение земельного надела вызвало увеличение тягла и повинностей настолько, насколько прирос надел: «А податей и сельского изделья — сверх тяглых повытков, кто чем по окладу владеет»⁹⁸. Вероятнее всего, пустые земли, розданные в прибавку к наделу, были росчисти, окультуренные многолетним крестьянским трудом и введенные в хозяйственный оборот. Наступил момент, когда вологодский архиепископ увеличил за счет них площадь облагаемых земель. Не сдерживая трудовой инициативы крестьян и разрешая пользоваться земельным фондом вотчины сверх отданного в надельное владение, феодал присваивал результат производственной деятельности эксплуатируемого крестьянского населения. Таков был один из путей их хозяйственного освоения. Распространение тягла на земли, включаемые по этому приговору в надельные, меняло и характер пользования ими. Пока они были росчистными, существовало,

⁹⁵ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 23, л. 7; карт. 7, д. 4, л. 1. Равенственное распределение земли между деревнями в сложных общинах помещиц Центральной России прослеживает В. А. Александров (*Александров В. А. Указ. соч.*, с. 188—199, 202).

⁹⁶ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 19, л. 7 об.

⁹⁷ ГАВО, ф. 496, д. 445, л. 4 об.

⁹⁸ Там же.

возможно, подворное пользование ими, затем же они переводились в состав тяглых собственно общинных земель.

Приговором 1715 г. засодимские крестьяне оговаривали себе право и в будущем иметь в дополнение к наделным рощистыми землями, помимо тягла. Кроме того, приговор отразил стремление крестьян, во-первых, ограничить произвол местной власти в увеличении окладов, а во-вторых, пресечь сутяжничество между крестьянами. «Вновь на пустые земли, на пашню и на сенные покосы нынешняго 1715-го году и впредь никому ни на кого не накладывать и преосвященному архиепископу о новом накладе друг на друга не бить челом и убытков не наводить»⁹⁹. Приговор 1715 г. подчеркивал, что включение в оклад пустых земель и перевертка не могут решаться самовольно, например старостой, вопреки мнению всех крестьян-общинников. «А буде кто чрез сей мирской приговор и розверстку на пустые земли, на пашню или на сенные покосы кроме всего миру приговору станет накладывать всякое тягло и сельское зделье и бить челом о поверстке вновь и чинить мирским людям волокиты и убытки, таковым противникам по указу... архиепископа на мирских сходках чинить наказание нещадно»¹⁰⁰. Приговор 1715 г. устанавливал на будущее размеры наделов и величину тягла. «А земляной поверстке быть и впредь по сему мирскому приговору неотложно»¹⁰¹. Итак, мирским приговором крестьяне Засодимской волости подтверждали приращение надела за счет привертания пустых земель и вместе с тем увеличение подворного оклада.

В октябре 1717 г. уравниение земли было проведено в девяти деревнях Спасского прихода с. Глубокого Спасо-Прилуцкого монастыря (см. Приложение 5). Эта поверстка была проведена по просьбе крестьян:

«Спасского приходу староста и все крестьяне били челом общим челобитьем о поверстке деревень»¹⁰². По указу архимандрита 15 октября 1717 г. «выборные крестьяня... (7 человек) мирской выбор требовавши, свидетельствовали во всем Спасском приходе и верстали деревню к деревне пахотную землю, и запольную пашню, и сенные покосы»¹⁰³. Отсюда видно, что были осмотрены и, вероятно, оценены по их достоинству земли деревень всего прихода, после чего уравнительно переверстаны и переделены не только тяглые пашенные участки, но и нетяглые, лежащие за полями, или оставленные на отдых, или бывшие в рощистке, а также сенокосы. Эта переоценка земли и угодий сопровождалась пересмотром тяглых окладов соответственно земле. «Чинили су-

⁹⁹ Там же, л. 4 об.

¹⁰⁰ Там же, лл. 4 об.— 5.

¹⁰¹ Там же, л. 5.

¹⁰² Там же, д. 822, л. 28.

¹⁰³ Там же, л. 13.

щую правду за выбором. И что против чего падлежит, положили полевую и запольную пашню, и сеньны покосы». Так же, как и в Засодимской волости в 1715 г., в Спасском приходе были увеличены наделы за счет пустых земель, но на ином, чем в Засодимье, основании: «И пустоту розложили под то же тягло по четверику на пуз»¹⁰⁴. В трех деревнях — Зеленой, Хватунове, Верхнем, где, по-видимому, было мало удобных для росчистки земель, «вместо пустоты положены сеньны покосы против запольная пашни». В дер. Избной «заполенные земли сухмень за большой дорогой, которая над Избным болотом, да другая сухмень середняя, которая за гуменной лядиною, и те сухмени положили вместо сеньных покосов»¹⁰⁵.

Проведенное междеревенское уравнивание земли и окладов было документально зафиксировано. «...И что против чего падлежит в равенстве, и тому свидетельству зделали книги и записали, которой деревне в чем быть, вытным окладом положили». Земли, добавленные к наделам, также были документально оформлены: «И тому зделали порядную и полюбовную запись за выбором мирским и всех деревень крестьян»¹⁰⁶. Этот приговор, так же как и приговор Засодимской волости 1715 г., содержит оговорку о неизменности установленных размеров тягла. «Отныне друг на друга излишние тяготы не наваливать положились..., с которых деревень збавлено излишние тяготы, не наваливать. И буде ис которых деревень, порочя свой выбор и похиня властелинской указ, будут спорить, и на том заряду взять пять рублей да ...пеня, что власти государи изволят»¹⁰⁷.

О произвольном увеличении оклада в крестьянской жизни свидетельствует челобитная крестьянина того же села Глубокого дер. Избное Ивана Артемьева Савкова от 5 октября 1727 г. Он жаловался на крестьян соседних деревень Кремлево на Максима Елисеева и Козминской на Логина Дмитриева и Якова Ярофеева, которые вопреки приговору 1717 г., обложившему дер. Избное в 2 осмухи, «затеяли сверх полюбовной записи и властелинского указа, положили на деревнишко мое в тягло третью осмуху без делу и деньги правят с трех осмух». Далее челобитчик объясняет: «А у меня по моей деревнишке нет сеньных покосов, ни лесные отхожие пашни, никаково приволья». Иван Артемьев Савков просит «розыскать во всем Спасском приходе, хто бунтует и порочит властелинский указ и полюбовную запись и накладывает излишнюю тяготу»¹⁰⁸. По-видимому, самоуправствующие крестьяне были выборными лицами, возможно, целовальниками денежного сбора. К сожалению, неизвестно, последовал ли

¹⁰⁴ ГАВО, ф. 496, д. 822, л. 13.

¹⁰⁵ Там же, л. 13 об.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, л. 30 об.

разбор этой челобитной и была ли снята с И. А. Савкова лишняя осьмуха.

Итак, устанавливаемый мирским приговором порядок землепользования и обложения действовал в своей основе длительное время, в данном случае — десятилетие. Вероятно, происходили некоторые изменения принятого порядка, если они не вызывали возражений ни мира в целом, ни отдельных крестьян. Весь период функционирования приговора он служил основанием для действий в сфере землепользования. Следовательно, приговор Спасского прихода с. Глубокого от 15 октября 1717 г. устанавливал новый, более равносильный, чем ранее, оклад деревень, увеличивал размеры наделной земли, выдвигал ограничения в увеличении тягла. Эти статьи сближают его с приговором Засодимской волости от 1715 г. Но между ними есть и весьма существенное различие: мир Спасского прихода в 1717 г. приговорил разверстать «пустые» земли «под то же тягло», в то время как в Засодимской волости такое разверстание сопровождалось увеличением оклада.

В 1717 г. передел земли между деревнями был проведен и в архиепископской волости Лежский волок. О нем сообщает челобитная от 9 декабря 1719 г. крестьянина с. Павловское Федора Иванова, что «мирской староста Иван Андреев с другими выборными крестьяны окладчиками, кои были у оклада вытного тягла по выбору мирскому, а по твоему архиепископскому указу, повелено было поверстаться во всей вотчине всем крестьяном землю в равенстве и платить всякие... государя подати и твои... по тому окладу»¹⁰⁹. Отсюда четко видно, что земельное урегулирование затронуло всю вотчинную волость Лежский волок, что оно было уравнительным и устанавливало новый размер вытного тягла. Челобитчик Федор Иванов по прозвищу Боек, из «добрых», зажиточных крестьян, был в 1702 г. одним из трех житных целовальников в с. Раменье¹¹⁰. И потому мирские люди при поверстке на него «с сыном положили окладу много пе против себя и других моей братии крестьян». Это более высокое, чем у «других... многих крестьян», тягло соответствовало, вероятно, и более крупному земельному наделу, и большей степени зажиточности, так как в 1713 г. его отец был одним из выборных крестьян — участников приговора о продаже в Вологде 400 чств. ржи¹¹¹.

Все приведенные документы, регулирующие крестьянское землепользование и обложение, подчеркивают междеревенский уравнительный принцип распределения земли. Однако они не раскрывают принципа и условий внутридеревенского «равенства». Выше уже отмечалось, что документы о перераспределении земли среди архиепископских крестьян от последней четверти XVII в. гово-

¹⁰⁹ Там же, д. 612, л. 7.

¹¹⁰ Там же, д. 18, л. 17.

¹¹¹ Там же, д. 377, л. 2.

рят о подеревенском уравниши земли. (Также о подеревенском уравниши сообщает и приговор начала XVIII в. Спасского прихода с. Глубокого Снасо-Прилуцкого монастыря. Приговор же архиепископской Засодимской волости 1715 г. говорит о верстании и обложении крестьянских повытков — наделов в деревне. На Лежском волоке земля уравнивалась, вероятно, подворно — «во всей вотчине всем крестьяном... в равенстве»¹¹².

Что представляла собой «поверстка в равенстве», в какой-то степени видно из дела архиепископских крестьян Лежского волока дер. Жерновниково от мая 1719 г. В своей челобитной они сообщают, что их деревня «поставлена во всякие платежи в полсемя осмины», но «за скудостью платить печем, потому что пахотной землей и санными покосы у нас оскудение». В соседних деревнях Угленском, Якушкине, Михайлове, Старкове и Константинове «жилцей многое число и пахотной земли в тех деревнях и санных покосов много», и поэтому крестьяне дер. Жерновниково просят поверстать вытным окладом с крестьянами этих деревень «в равенстве»¹¹³. Посланный в дер. Жерновниково стряпчий с мирским старостой и выборными крестьянами осмотрели земли и угодья, принадлежащие деревне, и подтвердили, что «она деревня против вытного оклада пашнею непространна и санными покосы скудна», а также «приговорили с той деревни збавить три четверушки (осьмины.— *Е. Б.*), оброку 25 алтын»¹¹⁴. Староста и одиннадцать выборных денежного сбора целовальников к этому добавили, что крестьяне дер. Жерновниково «кортомят под посев земли на боярских пустошах, также и санные покосы»¹¹⁵. Снятое с них тягло было распределено по названным в челобитье соседним деревням, так как они «пашенною землею и санными покосы и всякими угодья против деревни Жерновникова пространны и имеют свободу во всем, якобы к платежу свободу, да и они ответчики о том не спорили»¹¹⁶.

Следовательно, верстание «в равенстве» прежде всего преследовало поддержание полного соответствия между размерами наделной земли и тягла¹¹⁷ как в одной деревне, так и среди всех деревень волостной общины. Это означает поземельный, в своей основе, характер обложения. Челобитная группы крестьян дер.

¹¹² ГАВО, ф. 496, д. 612, л. 7.

¹¹³ Там же, д. 610, л. 52.

¹¹⁴ Там же, л. 54 об.

¹¹⁵ Там же, л. 58.

¹¹⁶ Там же, л. 58 об.

¹¹⁷ Соответствие вытного оклада земельному наделу установил А. Л. Шапиро в статье «Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями» («Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960 г.» Киев, 1962, с. 208, 210). Ю. А. Тихонов на материале поместно-вотчинных дел также убедился в связи и пропорциональном соответствии выти и обрабатываемой крестьянами наделной земли (Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974, с. 140—141).

Лаврентьевской Великоорецкого ключа Спасо-Прилуцкого монастыря от 1693 г. подтверждает, что обложение было поземельным: «оброку платим мы в монастырь с пяти четвертух земли»¹¹⁸.

Определенную роль при разверстании налогов играло и число «жилцей» в деревне, скорее всего не общее население в ней, а число мужчин-наделодержателей и взрослых работников. Уравнительное распределение земли распространялось и на подворные крестьянские участки. При распределении тяжести обложения учитывалось число семейных работников в крестьянском хозяйстве. Упомянутый уже Федор Иванов Боек в челобитной подчеркивал: «а на меня с сыном наложили окладу много...»¹¹⁹. В 1716 г. архиепископский крестьянин подгородной дер. Александрово Андрей Афонасьев сообщал в Казенный приказ, что в этой деревне есть участок в 2,5 осьмухи, запустевший из-за оскудения его владельца Савелия Кондратьева, который «владел прежде всею землею полутретьей осьмухой. А ныне за скудостью своей тою землею покинул в пуге и пахать ему ту землю нечем»¹²⁰. Челобитчик считал, что этот запустевший надел должен взять, «чтоб той землею ..владеть», крестьянин той же деревни Степан Селуянов, который «семеен». Но владение этим добавочным участком влекло за собой и добавочное тягло. Не желая обременять свое хозяйство лишними податями, Степан «от той земли отбиваетца и владеть не хочет»¹²¹. Автор доношения настаивал на том, что «с той земли никаких податей и ...архиерейских оброчных денег платить и владеть некому, кроме вышенисанного Степана Селуянова, потому что ему в мочь»¹²².

Происходившее в 1717 г. в Глубоковском ключе уравнение было вызвано «общим челобитьем» крестьян Спасского прихода. В Засодимской волости в 1715 г. поводом для него послужил спор между двумя соседями дер. Юрьцево из-за части дворовой земли. Причину уравнения земли в 1683 г. на Лежском волоке, возможно, объяснит дело, возникшее в 1680 г. и длившееся три года между крестьянами деревень Рублево и Сычово, имевших смежные земли. По мере выяснения спора в него были вовлечены несколько соседних деревень: Герасимово, Онохипо, Паново. В 1680 г. группа крестьян дер. Рублево жаловалась на соседей крестьян дер. Сычово, что последние секли «за их деревнею у самого поля и в поле лес и их же деревню тем затеснили»¹²³. Приказчик Лежского волока с мирским старостой и мирскими людьми осмотрели участки, из-за которых возник конфликт,

¹¹⁸ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1274.

¹¹⁹ ГАВО, д. 496, д. 612, л. 7.

¹²⁰ Там же, д. 488, л. 4.

¹²¹ Там же.

¹²² ГАВО, ф. 496, д. 488, л. 4. А. Л. Шапиро отмечал, что вотчинные и мирские власти при обложении крестьянских дворов «стремились учесть трудовые и имущественные ресурсы двора» (указ. соч., с. 211).

¹²³ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 99, л. 1.

п признали, что дер. Рублево действительно «посечью затеснена»¹²⁴. В результате «мирского досмотра и приговора» лесные рощисты крестьян дер. Сычово под дер. Рублево были прирезаны к пашенной земле и разделены между обеими деревнями. «От дикого лесу посечи их против архиепископского указа в поле пригородить велели и размежевали. И межевая записка за руками у Филипа Караулова (приказчика.— *Е. Б.*) есть»¹²⁵.

После этого архиерейские власти распорядились двум крестьянам дер. Сычово «селиться на домовых отхожих рощистях и на посечищах деревни Сычова и Герасимова, что за деревнею Рублевым на речке на Бакланке», для того «чтоб жилым деревням от них утеснения не было»¹²⁶. И хотя по указу властей приказчик со старостой и мирскими людьми «в сей деревне Рублево досматривали и по досмотру развели» и были «в той досмотренной и размежевой с ними записке меж и границ учинены и записаны», в 1681 г. крестьяне дер. Рублево вновь били челом о нарушении установленных границ и о том, что «староста де новой спорные земли без розыску отдает, а жилым деревням тесноту чинит»¹²⁷. Решение по этому челобитью подтверждало правильность досмотра и межевой записки 1680 г.— «деревни Рублева крестьянам землею и владеть, а вновь того земляного дела приказчикам не переделявать»¹²⁸. Тем не менее в 1682 г. крестьяне дер. Рублево вновь подали челобитную, в которой сообщали о самовольстве приказчиков Максима Блинова «с товарищи», которые в 1681 г. «тот росход (1680 г.— *Е. Б.*) опорочили». Вновь были нарушены межи, которые «присек» один из крестьян соседней дер. Паново. Кроме того, «в нынешнем 190-м году деревни Сычово Илья Исаков и Илья Трофимов из-за тех межниц, которые драки примежеванцы к нашей деревнишке, сену у нас повозили» 35 копен¹²⁹.

Эта челобитная вызвала новый досмотр в июне 1682 г. нового приказчика Ивана Александрова со старостой, соцким и пятнадцатью мирскими людьми спорной земли и меж между деревнями Рублево, Паново, Сычово и Онохино. Осмотрев земли и уголья этих деревень, крестьяне приговорили: «Быть и владеть тех деревень крестьяном тою землею по Филиппову росходу Караулова» (1680 г.— *Е. Б.*), восстановить межи, установленные размежеваньем 1680 г., в результате которого увеличилось земельное пространство дер. Рублево. Кроме того, на ее крестьян по этому «мирскому приговору, что доведется... прибавить тягла, обложить их па мирской сходке»¹³⁰. Этот длившийся три года

¹²⁴ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 99, л. 1.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же, л. 2.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же, лл. 3, 5.

¹³⁰ Там же, л. 4.

спор из-за земли между деревнями Рублево и Сычово говорит, прежде всего, о введении в хозяйственный оборот всего фонда удобных для хлебопашества земель этих деревень, по-видимому, близко расположенных друг к другу. Предметом спора являлись, очевидно, земли, бывшие раньше в совместном пользовании и неразмежеванные¹³¹. Расширение пахотной площади нередко было связано со сведением леса. Предложение двум крестьянам дер. Сычово выселиться на отхожие рощи можно истолковать как свидетельство увеличения населения в этих деревнях. То, что население приросло, показывает и перепись 1702—1703 гг. За период с 1678 и по 1702 г. в упомянутых в споре деревнях число дворов увеличилось: в деревнях Паново и Герасимово — на 10 дворов в каждой, в дер. Онохино — на 4, в дер. Рублево — на 3. Только дер. Сычово стала на 1 двор меньше. За это же время появился починок Займище из 5 дворов, основанный «после 1678 года на поверстном лесу»¹³².

Об увеличении населения в вотчине вологодского архиепископа говорят не только материалы переписи 1702—1703 гг., но и, например, челобитная группы (5 человек) крестьян дер. Щукарево и дер. Тиунцово подгороднего села Ивановского архиепископу Гавриилу. В ней они сообщали, что «повытишка у нас пашнею мал и сепными покосы скудно», и объясняли причину малого размера наделов тем, что «людьми у нас умножилось». В дер. Дёбово с угодьями, которую приобретал архиепископ и в которую «охотников жильцей спрашивают», могли выселиться крестьяне из деревень Щукарево и Тиунцово. «И у нас в ту деревню будет жильцей охочих много». Челобитчики просили «ту деревню купить и в оброк нам... отдать, а оброку по чему ты, государь, благоволишь имать»¹³³.

Взросшее население и необходимость увеличения пахотной площади заставляли включать рощи в состав тяглой пашни. Ее увеличение влекло за собой рано или поздно (в дер. Рублево, например, через два года) прибавление тяглого оклада.

Известно также о земельном споре на Лежском волоке между деревнями Спасское и Максимовицы. Крестьяне дер. Спасское били челом архиепископу Симону, по указу которого приказчик

¹³¹ М. М. Богословский отмечал, что необходимость в междеревенских межах зависела от плотности деревень, расположенных, как правило, в прибрежной речной полосе (указ. соч., т. 1, с. 163).

¹³² ГВЛ, ф. 354, д. 177—3, лл. 421, 424, 433.

¹³³ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 128. Этот документ датирован 1685—1707 гг., т. е. временем архиепископства Гавриила. Отметим, что делопроизводство при нем было поставлено несколько хуже, чем при его предшественнике архиепископе Симоне, бывшем вологодским архиереем в 1665—1685 гг. Во время архиепископства Гавриила встречается больше недатированных документов, в частности крестьянских челобитных.

«приезжал на ту спорную землю. И мы ...при прикащиках с Максимовскими полюбовно землю разделили пополам»¹³⁴.

Следовательно, увеличение населения, недостаток окультуренной земли, возникавшие конфликты, требования крестьян о пересмотре результатов размежевания и в этих условиях злоупотребления приказчиков и старост создавали напряженную обстановку, выходом из которой мог быть уравнительный передел земли. Перечисленные факты могли служить поводом для их проведения не только на Лежском волоке, но, как было показано, и в других районах рассматриваемых вотчин. Переделы скорее всего не были периодическими. Они вызывались назревшей необходимостью. Эпизодичность в проведении переделов, как показал В. А. Александров, существовала в более поздние годы XVIII и в начале XIX в.¹³⁵

♦ Уравнительное переделение распространялось только на наделные земли. Земля нетяглая не переделывалась. Об этом свидетельствует ответ крестьянина Михаила Никитина из дер. Большая Мурга Засодимской волости при разборе конфликта, возникшего в 1710 г. в связи с обменом участками. Он заявил, что «заосечные» чищенья «особо с соседями в делу не бывают»¹³⁶.

Таким образом, в конце XVII — начале XVIII в. крестьяне исследуемых вотчин производили уравнительные переделы тяглой наделной земли. Росчистные земли не переделывались. Переделы сопровождался пересмотром и уравнием тяглых окладов. Ячейкой волостной общины была деревня, которая выступала в ней в качестве совокушного коллективного лица. Земли, находившиеся в междеревенском пользовании, распределялись по деревням и закреплялись межами. Тем самым совершался переход от волостной общины к однодеревенской. Этот переход был длительным процессом.

2. Пользование вненаделными землями

Хозяйства, рабочие силы которых не поглощались целиком работой на тяглой и барщинной пашне, возделывали вненаделные земли. В дополнение к наделу крестьяне арендовали у своего вотчинника пустошные участки, с которых платили оброк.

В переписи земель, санных покосов и монастырского скота Спасо-Прилуцкого монастыря за 1680 г. учтена 21 пустошь, которые «в прошлых годах отдавали крестьянам на оброк»¹³⁷. Эти

¹³⁴ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 79. Судя по тому, что челобитная обращена к архиепископу Гавриилу, а земельный спор разрешился при Симоне и длился, возможно, не один год, время спора можно отнести примерно к 1682—1684 гг.

¹³⁵ Александров В. А. Указ. соч., с. 203, 238.

¹³⁶ ГАВО, ф. 496, д. 323, л. 44.

¹³⁷ Там же, ф. 512, д. 112, лл. 9—12.

пустоши использовались главным образом как покосы. Пустоши были разными по величине, на них накашивалось от 2—3 до 10—15 возов сена. На пяти из этих пустошей (Пестово, Катаево, Боранцово, Кулаково, Пронино) были подсеки, засеянные рожью, с которых сжали по гряде¹³⁸ ржи. Однако груды были разными. На подсеке пустоши Пестово одна гряда содержала 80 суслонов, а в суслоне было по 10 снопов. На другой подсеке гряда состояла лишь из семи суслонов¹³⁹. А. Засецкий, отвечая на анкету Вольного экономического общества в 1773 г., сообщал, что «вяжутся снопы, ставя в суслоны, которые ярового хлеба по 10, а ржи по 15 снопов в суслон»¹⁴⁰. В с. Цыпоглазове у монастырского слуги Мишки Богданова в августе 1690 г. была «стравлена» гряда пшеницы, а в ней 14 суслонов¹⁴¹. На подсеках четырех пустошей Пестово, Владычка, Ребячья и Боранцово была посеяна рожь к будущему 1681 г.: на пустошах Ребячья и Боранцово — по четверти, на пустоши Владычка — полчетверти, размер посева на подсеке пустоши Пестово не указан. По свидетельству того же А. Засецкого, «подсеки для хлеба и для сенокосу, у кого есть, заготавливают рубкою и чищеньем» в мае¹⁴².

Не имея конкретных данных о степени распространенности подсек в дополнение к надельной земле, возможно предположить, что на короткомных землях они были распространены наряду с покосами более или менее широко, так как многие крестьянские хозяйства в конце XVII в. располагали свободными рабочими руками для их расчистки.

Крестьяне вологодского архиепископа также брали из оброка пожни, о чем свидетельствует «роспись озерским пожням, отданным в коротку косить в двоусотом (1692/93.— *Е. Б.*) году»¹⁴³. Шестеро коротомщиков были крестьянами архиепископа, двое — из соседней вотчины Лопотова монастыря. В пяти случаях аренда была коллективной «с товарищи», в трех — индивидуальной. В этой росписи в отличие от росписи по Спасо-Прилуцкому монастырю указан размер оброка за арендуемые пожни. За три из них платили по 30 алт., за три же — по 26 алт. 4 ден., за одну — 60 алт. и за одну же — 2 руб. 5 алт. Скорее всего пожни, оцененные одинаково, были приблизительно равными по качеству и размеру.

Случай аренды земли в конце XVII в. крестьянами Иверского монастыря у своего или чужого феодала проследил А. Л. Ша-

¹³⁸ Груды — способ вертикальной укладки снопов рядами для просушки их в поле.

¹³⁹ ГАВО, ф. 512, д. 112, лл. 9—12.

¹⁴⁰ Засецкий А. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия в Вологодском уезде. — Труды Вольного экономического общества, СПб., 1773, ч. XXIII, с. 236.

¹⁴¹ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1225.

¹⁴² Засецкий А. Указ. соч., с. 271.

¹⁴³ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1237.

пиро. Он на основе монастырских пустошных книг заключил, что «размеры оброчных угодий, приходившихся на двор, были не велики», так же как и плата за них, не превышавшая в основном одного рубля в год¹⁴⁴.

В хозяйственной переписи Вологодского архиерейского дома 1702—1703 гг. есть также роспись оброчных пустошей.

В Засодимской волости крестьяне арендовали их под «скотские» выгоны, в волостях под Вологдой и на Лежском волоке — под сенные покосы. Арендуемыми землями были пустоши, рощи (их 33) и пожпи по рекам и озерам. Отдавались они преимущественно своим вотчинным крестьянам, только в 4 случаях (из 52) крестьянам соседних монастырей Спасо-Рабангского, Лопотова и Нуромского. В 18 случаях аренда была коллективной «с товарищи»¹⁴⁵, в 9 — групповой, когда пустошь брали на оброк 2—3 крестьянина, в 17 — индивидуальной¹⁴⁶. Встречаются случаи семейной аренды. Например, полпустоши Игпатово арендовал Тимофей Тимофеев с сыном из дер. Левино с годовым obroком 2 руб. 16 алт. 2 ден., а пустошь Плоскушу — Тимофей Анофриев с детьми из дер. Тимошкино с годовым obroком 8 алт. 2 ден. Из этих примеров видно, что сын выступает в сделке наравне с отцом и как сотоварищ. Скорее всего это происходило, во-первых, в тех случаях, когда сын жил от отца не в разделе, а на одном хозяйстве и имел свой тяглый падел, второй во дворе; во-вторых, когда взрослый сын отделился от отца, жил своим хозяйством и выступал как самостоятельное лицо, но в силу патронимических связей объединялся с отцом.

Случай, когда сын или другой родственник — брат, племянник выступал наравне с отцом (братом, дядей), не ограничивались, естественно, только арендой. Из книги вологодского архиепископа за 1680 г. «заемному овсу на семена» видим, что крестьянин дер. Большой Дор на Лежском волоке Антонко Антропов с сыном Ивашкой дважды занимали рожь. В третий раз тот же Антонко занимал овес, но уже не с сыном Ивашкой, а с крестьянином дер. Боброво Парамошкой Овдокимовым¹⁴⁷.

Из росписи оброчных пустошей на Лежском волоке 1702—1703 гг. явствует, что пустошь Пискилево находилась в оброчном

¹⁴⁴ Шапиро А. Л. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма.— В кн.: Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960, с. 45.

¹⁴⁵ ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—1, лл. 34, 37 об.

¹⁴⁶ Распространение групповой и коллективной форм аренды уже отмечалось в литературе (Индова Е. И. Земельная аренда в дворцовой деревне первой половины XVIII в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.» Минск, 1964, с. 279, 284; Сахаров А. Н. Русская деревня в XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966, с. 130—132; Булыгин И. А. Земельная аренда монастырских крестьян в первой четверти XVIII в.— «История СССР», 1974, № 4, с. 168).

¹⁴⁷ ГАВО, ф. 883, оп. 1, д. 56, л. 4—4 об.

пользовании у крестьян с. Раменье Никиты Иванова и Кирила Харитоновна. Оброк за нее они платили в год по 1 руб. 16 алт. 4 ден. Из поручной записи по этим же крестьянам от 21 июня 1689 г. видно, что названную пустошь они арендовали с годовым оброком по полтора рубля сроком на 10 лет и обязались «вновь лес расчищать и траву косить»¹⁴⁸. Крестьяне дер. Паново того же Лежского волока Яков Никифоров и Сила Тимофеев также сроком на 10 лет взяли в кортому пустошь «Щедрипо, а Плоскуша тож, с лужками, что на реке Сеянге». Оброк в год они должны платить по 15 алт.¹⁴⁹ За этих крестьян поручились их же одноподеревпцы Стенька Ортемьев и Филька Тимофеев. Запись также составлена 21 июня 1689 г. Кортмщики дер. Панова внесены и в перепись 1702—1703 гг.

Кроме приведенных поручных записей, мы располагаем еще тремя от того же числа и года (21 июня 1689 г.). Пустошь храма Николая Чудотворца с пустошами Хрептово и Климково арендовали под расчистку пятеро крестьян дер. Герасимово из оброка по 60 алт. в год; четверо крестьян дер. Тимошкино — пустошь Кулишки с годовым оброком по 2 руб. 16 алт. 4 ден., и «росчисти, что вверх речки Бакланки Овиница тож с Овериными лужками», — двое крестьян дер. Сычово, «а оброку с тех росчистей и лужков платить им кортомщикам на год по 16 алтын 4 деньги»¹⁵⁰. Срок, на который арендовались эти земли, во всех записях — десятилетие, а срок выплаты оброка — Николин день осенний (6 декабря). Все кортомщики обязались чистить лес, косить траву и исправно платить оброк. В случае, если арендаторы этого делать не будут, а главное, «оброшных денег платить не станут», то поручики должны платить пеню, «что архиепископ изволит и оброшние деньги»¹⁵¹.

Пять поручных записей, составленные в один день 21 июня 1689 г. в архиепископском Казенном приказе, свидетельствуют, что все кортомщики были крестьянами из деревень Лежского волока.

Величина годового оброка во всех приведенных случаях различна, что объяснялось, конечно, различными размерами и качеством арендуемых участков. Вотчинник стремился к тому, чтобы имевшиеся земли не лежали впусте, а пускались в хозяйственный оборот и приносили доход. Об этом свидетельствует память приказчику на Лежский волок Дементию Головкову от 1697 г., по которой ему следует «отдать в оброк полпустоши Кожухова, да пустошь Шелперова, да, буде кто не владеет, полпустоши Чернопазовым, буде ж не взял хто в кортому ж да

¹⁴⁸ ГВЛ, ф. 354, д. 177—1, л. 37; см. также ф. 37, карт. 427, д. 25, л. 1.

¹⁴⁹ Там же, ф. 354, д. 177—1, л. 32; ф. 37, карт. 427, д. 25, л. 5.

¹⁵⁰ Там же, ф. 37, карт. 427, д. 25, лл. 2, 3, 4.

¹⁵¹ Там же.

треть деревни Якшуловицы. А когда отданы будут и что ряжено будет кортомы, и о том на Вологду указ ...»¹⁵²

Срок аренды приведенных пяти поручных записей от 21 июня 1689 г. истекал к 1700 г. Из хозяйственной переписи 1702—1703 гг. видно, что четверо крестьян возобновили аренду тех же самых угодий с тем же самым оброком: Яков Никифоров и Сила Тимофеев из дер. Паново — 15 алт. в год и Никита Иванов и Кирила Харитонов из с. Раменье — 1 руб. 16 алт. 4 ден. По истечении срока аренды заключался новый договор либо с тем же держателем, как это было в двух приведенных случаях, либо с другим¹⁵³.

Выше уже говорилось о том обстоятельстве, что в Лежском волоке распахивались луга. Упомянутые поручные конца XVII в., а также роспись оброчных пустошей в переписи 1702—1703 гг. показывают, что арендованные земли использовались преимущественно как сенные покосы. Крестьяне дер. Михалково на Лежском волоке в челобитной архиепископу писали, что их деревня «сенным покосом велми скудна»¹⁵⁴. Росчисти, которые они имели, «отняты», по-видимому, для нужд собственно архиерейского животноводческого хозяйства. В 1680 г. архиерейский дом учел не только собственный скот, но и скот служебников, который кормился вместе с вотчинным скотом¹⁵⁵. В том же году архиерейский дом купил у крестьян Засодимской волости 61 воз сена, около 20 возов осоки, 3 овина и 13 возов овсяной соломы¹⁵⁶.

Возможно, расширение домового животноводческого хозяйства, а также нехватка сена вызвали и покупку его у крестьян, и лишение последних их росчистей, и учет служебничьего скота, кормящегося вместе с вотчинным.

Использование арендуемой земли под покосы свидетельствует также о нехватке сенокосных угодий, которыми была наделена тяглая земля. Крестьяне Спасо-Печенгского монастыря из дер. Аннинское в своей челобитной игумену писали, что «село скудно сенными покосами, по вся годы сено прикупаем. А своими сенами скота своего прокормити немоцпо, потому что кормом зело скудны»¹⁵⁷.

¹⁵² ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 23, л. 52. Н. А. Горская отметила, что феодал, отдавая земли из оброка, использовал малейшее расширение производственных возможностей крестьянского хозяйства (*Горская Н. А. Крестьянская земельная аренда в XVII в.* — В кн.: Тезисы докладов и сообщений XI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1969, с. 68).

¹⁵³ Иванов П. И. Обложение бобылей в Вятском крае. — «Древности. Труды археологической комиссии Московского археологического общества», 1900, т. II, вып. 1, с. 59.

¹⁵⁴ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 106.

¹⁵⁵ Там же, карт. 7, д. 107, л. 40 об.

¹⁵⁶ Там же, лл. 87 об. — 88 об.

¹⁵⁷ ГБЛ, ф. 178, карт. 7173, д. 32.

Наиболее распространенной формой аренды была аренда коллективная («с товарищи»). Из спорного дела 1704 г. архиепископских крестьян Григория Фалилеева с его братом Акимом о покосе на пустоши Поползино видно, как распределялось угодье между участниками аренды. Пустошь Поползино делилась на три доли. Одной из них владел «поп Иван с причетники», второй — Самойло Гаврилов с пятью крестьянами, а третьей — братья Григорий и Аким Фалилеевы с тремя «соседьми». «Делят тое пустошь во всех вышеписанных трех долях по равенству на шестнадцать паев ... Оброчных денег платят они с тое пустоши в домовую казну по два рубли на год. Имеется на всякий пай по четыре алтына с деньгой»¹⁵⁸.

По-иному распределили арендуемую пустошь Фалицыно крестьяне Спасо-Прилуцкого монастыря. Ее взяли в кортому Матюшка Петров с соседями из дер. Гнездово и Федор Иванов, Прокопий Самойлов также с соседями из дер. Косачево. Землю на этой пустоши они в прошлом «поделили по третям с ним Матфеем и с соседьми его. И им Матфею с соседьми — треть, а нам ... — две трети против по вытем, и жеребей метали. А тот дел положен был ... Матфеем с соседьми его на слове». Именно поэтому и возникло в 1680 г. спорное дело между крестьянами-кортомщиками обеих деревень¹⁵⁹.

По-видимому, в каждом конкретном случае участники коллективной аренды договаривались об условиях распределения арендуемой земли. Они могли пользоваться равными паями или размер их доли определялся в соответствии с размером надела.

На оброчные земли, как отмечал П. И. Иванов, распространялось право распоряжения ими «по всевозможным сделкам: купле-продаже, закладу, завещанию. Как это право не свидетельствовало о собственности, так и приобретение его не создавало для дестинатора собственности на угодье и не исключало его из переоброчки»¹⁶⁰. Как один из видов сделки, вероятно, возможно рассматривать встретившиеся случаи субаренды угодий. Так, в 1685 г. четверо братьев Иван, Алексей, Григорий и Василий Пименовы из дер. Кожешниково взяли в Спасо-Прилуцком монастыре пожню «на пять лет в чищенье и в кортому. А косили и чистили по два года. А ныне они Григорий и Василий тое пожню отдали боярским крестьянам»¹⁶¹. В это же время крестьянин Лежского волока дер. Ковырино подал архиепископу Гавриилу челобитную, в которой просил в кортому «лет на пятнадцать в росчистку» пустошь Медведево. Этой пустошью и пожнями на ней владел крестьянин дер. Ляззунки Артемий Аристов «лет с двенадцать и больше». В переписи 1702—1703 гг. эта пустошь

¹⁵⁸ ГАВО, ф. 496, д. 140, лл. 23—26 об.

¹⁵⁹ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 998, л. 2.

¹⁶⁰ Иванов П. И. Обложение бобылей в Вятском крае, с. 59.

¹⁶¹ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1113.

записана за А. Аристовым¹⁶². Челобитчик сообщал, что у кортомщика есть на это угодье данная, но срок кортомы в ней не указан, а также что А. Аристов «тое пустошь и отхожие пожни заростил, отдает в кортому погодно». Кроме того, челобитчик предлагал взять эти угодья из более высокого оброка — 40 алт., чем тот, который платил А. Аристов, — 1 руб.¹⁶³

Таким образом, вологодские крестьяне к наделной земле арендовали дополнительные участки пустошной и рощистой земли. Это вызывалось недостатком наделной земли на одного работника и возникающим в силу этого резервом рабочих рук. По источникам прослеживается лишь одно направление использования арендуемых участков — в качестве сенокосов. Встретившиеся данные о посевах на пустошных подсеках все-таки позволяют предположить, что аренда комплекса угодий — пашни и сенокоса была распространена шире, чем это отразили имеющиеся в распоряжении источники.

3. Распоряжение крестьян землей

Охарактеризовав производительные силы двора, посмотрим, какими гражданскими правами располагал крестьянин и насколько широко мог ими пользоваться. С. М. Каштанов отметил, что, «будучи собственником орудий труда, владельцем земли и своей рабочей силы, крестьянин сохраняет какую-то гражданскую дееспособность: право распоряжаться в той или иной мере своим имуществом и своей личностью, право искать защиты от посягательств на них у публичной власти»¹⁶⁴.

Остановимся в первую очередь на праве имущественного распоряжения у частновладельческих крестьян. Его принято рассматривать главным образом как право распоряжения землей, — вопрос, имеющий непосредственное отношение к исследуемой теме и пока еще слабо освещенный в литературе. В ней прослеживаются два воззрения на этот предмет. Одно связано с периодом образования Русского централизованного государства и гегезиса феодализма, второе — с периодом гегезиса капитализма. Первая точка зрения высказывается в связи с выяснением природы черной волости. Авторы, по-разному решающие вопрос о том, являлись ли черные крестьяне собственниками своих участков земли, не расходятся во мнении относительно распоряжения имуществом владельческих крестьян. А. Д. Горский, не считая черносошных крестьян собственниками и признавая, что они «могли отчуждать свои участки земли, закладывать, дарить, даже продавать», что

¹⁶² ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177, л. 28.

¹⁶³ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 81.

¹⁶⁴ Каштанов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. Сборник статей. М., 1970, с. 193.

за ними «сохранялось право непосредственного распоряжения землей», решительно отрицает такую возможность у крестьян владельческих, которые «были лишены даже этого права»¹⁶⁵. Ю. Г. Алексеев, характеризуя крестьян черной волости как свободных аллодистов, также отмечает отсутствие права распоряжаться землей у вотчинных крестьян и говорит, что с образованием феодальной вотчины и подписанием вчерашнего черного крестьянина-аллодиста власти вотчинника он терял и право распоряжаться землей¹⁶⁶. В отсутствие у вотчинных крестьян права распоряжения землей Алексеев видит одну из черт, отличающих их от крестьян черносошных земель¹⁶⁷. Л. В. Черепнин допускает право распоряжения землей у частновладельческих крестьян в одном из его проявлений — потомственном владении земельными наделами¹⁶⁸, т. е. их наследовании.

Другая точка зрения связана с генезисом капитализма в позднефеодальной экономике. А. Л. Шапиро, разбирая как один из важнейших вопросов генезиса капитализма вопрос об имущественном неравенстве и социальном расслоении крестьянства, отмечает отдельные случаи купли-продажи, обмена тяглой земли крестьянами монастырских и светских феодалов¹⁶⁹. Ссылаясь на подобные же сделки среди частновладельческих крестьян, Шапиро вполне определенно говорит, что владельческие крестьяне как в отдельности, так и общиной в целом сохраняли «некоторое право распоряжения» надельными землями, хотя феодалы в XVII—XVIII вв. были уже давними собственниками этих земель¹⁷⁰. А. Н. Сахаров для XVII в. признает отчуждение надельных земель вполне возможным в различных формах: наследование, купля-продажа, обмен. Он связывает эти факты с борьбой «за землю внутри класса крестьянства» в условиях развития товарно-денежных отношений¹⁷¹.

Итак, исследователи социально-экономических отношений в деревне XVII — первой половины XVIII в. наблюдают и допускают право распоряжения имуществом у частновладельческих крестьян, тем самым расширяя пользование наделами до владения ими. А. Я. Гуревич определяет зависимого крестьянина именно как непосредственного владельца земли, на которой он хо-

¹⁶⁵ Горский А. Д. Указ. соч., с. 136, 159.

¹⁶⁶ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история..., с. 114, 127.

¹⁶⁷ Алексеев Ю. Г. Крестьянин и холоп в феодальной вотчине XV в. Переяславского уезда. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г.» Вильнюс, 1964, с. 148.

¹⁶⁸ Черепнин Л. В. Образование..., с. 265.

¹⁶⁹ Шапиро А. Л. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении..., с. 47.

¹⁷⁰ Шапиро А. Л. Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII в. — «Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», 1939, т. I (XIV), вып. 1, с. 49.

¹⁷¹ Сахаров А. Н. Указ. соч., с. 146—147.

зайствует¹⁷². С. М. Каптанов видит в крестьянах феодального государства, платящих поземельный налог, не собственников, а владельцев, «обязанных вкладывать в землю свой труд и приносящую доход потребительскую стоимость»¹⁷³.

Понимая исследуемые группы вологодских крестьян как владельцев наделов, полученных от феодалов-собственников, рассмотрим, как претворялось в жизнь право крестьян на их наделы. В каждом крестьянском дворе жил ряд родственных поколений. Двор с его постройками, а также земельный надел переходили из поколения в поколение. Сопоставляя имена крестьян-владельцев, записанных в крупные книги житников, можно проследить, что за время с 1675 по 1684 г.¹⁷⁴ из 455 наделов 63 (13,8%) надела перешли по наследству от отцов к сыновьям, а 276 (60,6%) сохранились за теми же самыми крестьянами. Владельцы 116 (25,6%) наделов сменились, и, возможно, среди них были получившие участки по наследству от боковых родственников. За период с 1684 по 1693 г. из 497 наделов 59 (11,9%) были унаследованы сыновьями от отцов и 13 (2,6%) младшими братьями от старших, 304 (61,2%) надела остались за прежними владельцами, а хозяева 121 (24,3%) обновились.

Более обстоятельно вопросы наследования земли и имущества раскрывает актный материал. Так, из челобитной бобыля Стеньки Пантелеева архиепископской Засодимской волости дер. Кадниково от 1697 г. узнаем, что около 10 лет назад его отец принял в свой дом зятя Григория Кожина, который «отца моего повытьем владел, ... а я был мал»¹⁷⁵. Зять, взятый в дом на определенных договорных условиях, приобретал право на имущество тестя. В редких случаях, как данный, когда у приемателя были сыновья, зять получал из наследства такую же долю, как сын¹⁷⁶. Но С. Пантелеев просил пожаловать его всем отцовским повытьем «во крестьянство» и обязывался «подати платить и зделья работать»¹⁷⁷. Свою просьбу он мотивировал тем, что он — «пыше в возрасте», т. е. способен нести крестьянское тягло, а также тем, что Григорий Кожин из-за своего «нерадения» был лишен участка тестя. Прилуцкий крестьянин с. Глубокое дер. Зеленая Фома Кирилов жил «в оной деревне Зелепове на отцовском жеребье ...»¹⁷⁸ (1725 г.), т. е. он подчеркивает тем самым свое право на земельный участок. В 1695 г. крестьянин того же села

¹⁷² Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с. 51.

¹⁷³ Каптанов С. М. Указ. соч., с. 176.

¹⁷⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 66; ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10.

¹⁷⁵ ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 26, лл. 3, 7.

¹⁷⁶ Ефименко П. С. Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии. — В кн.: Сборник народных юридических обычаев, т. II. СПб., 1900, с. 214—215.

¹⁷⁷ ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 26, л. 3.

¹⁷⁸ ГАВО, ф. 512, д. 183, л. 74.

дер. Верхнее Степан Григорьев Шипицын жаловался на одноподаренца Ивана Дмитриева сына Коровина, «насильством» захватившего «лисю яму и горностальи пути», которые «по повытью дядьев моих ... владенье. А ныне тем участком дядей своих ... со всеми згодьи владею я, в том у меня ... на тот участок — говоренье, и пути, и потуги оплачиваю, и зделья делаю»¹⁷⁹. Этот случай также показывает, что владелец участка и удобный не являлся прямым потомком прежних держателей. С. Г. Шипицын владел им на основе устного договора, имевшего такую же силу, как и оформленный письменно. О бытовании на Севере устного договора говорят и лодомские акты. Так, двое крестьян «поверстали есмь промеж собою по слову и полюбовно пунтик ...»¹⁸⁰

Одним из видов письменных распоряжений были завещания, в которых крестьянин — владелец надела передавал его родственникам по своему усмотрению. В «изустной памяти» прилуцкого крестьянина Глубоковского ключа Анкидина Никонова от апреля 1695 г. записано, что он отказал «дяде своему ... хоромы и полевая земля», а также «лесной насыяный хлеб и новипы»¹⁸¹. Крестьянин Подмонастырского ключа дер. Красново Иван Васильев в 1674 г. распорядился: «А что нашего нажитку и живота, то все вместе пополам с Федором Артемьевым (вероятно, с двоюродным или единоутробным братом. — Е. Б.) да снохою своею Ириной Насоновой дочерью делити после моего житья ... двор и скот, и живот, и землю, и хлеб с насыяною землею все пополам»¹⁸². М. М. Богословский приводит духовную 1672 г. крестьянина Синегодской волости Устюжского уезда Никифора Минеева Едповских, который завещал своему племяннику участок $\frac{1}{6}$ дер. Тучекурьи с двором, дворовыми хоротами, житпицей, баней, с посеянной рожью и с ржаными и яровыми семелами. Ему же был отказан весь скот — лошадь, 3 коровы, 6 овец, а также посуда¹⁸³.

Из приведенных примеров явствует, что оформлялась письменно или устно передача земли только боковым родственникам, вероятно, в случае отсутствия прямых наследников. Сыновья, естественно, оставались владеть отцовским наделом, и формула «отцовский жеребей», «отца моего повыть» сама по себе являлась же достаточным основанием как для владения, так и для притязания на участок.

Однако известно еще одно завещание архиепископского крестьянина дер. Максимово Лежского волока, который «при смерти благословил после себя ... дом разделить пополам» между

¹⁷⁹ ЛОНИ СССР. ф. 271, оп. 1, д. 1274, л. 1.

¹⁸⁰ РИП, т. XXV. СПб., 1908, с. 248.

¹⁸¹ ГИМ. ОПИ. ф. 61, д. 145, л. 14.

¹⁸² Там же, л. 8.

¹⁸³ Богословский М. М. Указ. соч., т. 1, с. 150—151.

двумя своими сыновьями. Из памяти от апреля 1677 г. приказчику Лежского волока Максиму Блинову явствует, что братья поделили «двор, и хоромы, и всякой домовый завод, хлеб и скот, и землю, и приемную землю все пополам»¹⁸⁴. Данный случай характерен тем, что здесь наследование по прямой линии оформляется документально, причем, очевидно, не столько с целью перехода имущества, сколько с целью его раздела. Этот документ, следовательно, так же, как и упомянутое выше завещание крестьянина дер. Красново Ивана Васильева, не только устанавливает наследников, но и фиксирует хозяйственный раздел, сопутствующий обычно семейному разделу.

Семейные разделы являлись одной из форм проявления гражданской дееспособности крестьян, так как были непосредственно связаны с разделом земли и имущества. Так, в июне 1690 г. в дер. Петраково Ракульской волости Спасо-Прилуцкого монастыря разделились «полюбовно» Василий Терентьев и Петр и Василий Тимофеевы. Монастырским властям они заявили, что «жить де мы с ним (Василием Терентьевым.— *Е. Б.*) вместе не хотим, и мы де меж собою разделимся». Василию Терентьеву выделили «за двором избушку с сенником, да с большого двора на заде подклет», а также из общей дворовой земли третью часть под двор. Кроме того, ему досталась соха. Петр и Василий Тимофеевы стали владеть «старым двором, опроче подклета, ... и житницею». Инвентарь — косы, серпы и топоры — разделили по третям, также по третям «положились про меж собою полюбовно разделить» землю с засеянным хлебом. Баня и овин, по-видимому, какое-то время оставались в совместном пользовании («держат им вместе по третям»)¹⁸⁵. На наделимость задворных построек и на совладение ими указывал М. М. Богословский¹⁸⁶.

В мае того же 1690 г. в дер. Ярыгино той же волости приказной слуга и вотчинный староста Спасо-Прилуцкого монастыря с понятыми по челобитью вдовы Вассы Лазаревой присутствовали при разделе «двора их и посуды» с ее деверем Василием Ивановым¹⁸⁷. Из переписной книги 1678 г. видно, что в одном дворе жили три брата — Иван, Григорий и Василий Ивановы, а к моменту раздела остался только Василий¹⁸⁸. Вдова одного из братьев, по-видимому, с детьми потребовала совершить полный раздел хозяйства, который был совершен «полюбовно з жеребьем». «Изба досталась и с сенничком, что на воротах, малепькой против избы сарай и с заплотом деверю ее Василию Иванову. А два сенника на заде, да житница, да на левой стороне заплот, и с сараем ж, и с наугольником, то ей вдове Василисе.

¹⁸⁴ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 6, д. 125.

¹⁸⁵ Там же, ф. 271, оп. 1, д. 1222.

¹⁸⁶ Богословский М. М. Указ. соч., т. 1, с. 165.

¹⁸⁷ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1219.

¹⁸⁸ ЦГАДА, ф. 1209, д. 14733, л. 284 об.

А дворовая земля делить им вся пополам ... А посуды и борошно ему Василию досталось: соха, жернова, вилы, две косы, два песта, ножницы овечьи, сковородник, ... серп. А ей вдове Василисе — клюка, коса, серп, котел медный, вилы, буравец, два песта. И всякая посуда крестьянская разделена пополам же»¹⁸⁹.

В 1683 г. архиепископский крестьянин Лежского волока дер. Ивонино Павел Митрофанов бил челом на своего родного брата Василия Митрофанова, что в прошлом 1682 г. уже жаловался на него «в земляной поверстке и в насаенной ржи, и в хоромах ... И подписная челобитная дана приказчиком в том, что та земля и насаенная рожь разделить», что и было сделано. Каждый получил по половине делимого имущества. Но «он брат мой хочет после судного дела ту мою отделенную землю...» [посевать]¹⁹⁰.

Материалы о семейных хозяйственных разделах можно найти и в переписях 1678 и 1717 гг. Перепись 1678 г. не содержит прямых указаний на разделы семей, однако проследить их возможно. Так, в дер. Кишкино Ракульской волости в двух соседних дворах живут Малофей Тимофеев сын и Гаврилко Тимофеев сын. Очевидно, они — родные братья, разделившиеся после смерти отца¹⁹¹. В дер. Никитино той же волости (Спасо-Прилуцкий монастырь) также в двух соседних дворах живут крестьяне Иван Андреев сын Всяченик с сыном и Петр Андреев сын Всяченик с сыном и братом¹⁹². В дер. Труфаново той же волости и владельца соседствуют дворы Федота Стефанова сына Шамаракова и Вахромея Стефанова сына Шамаракова¹⁹³. Относительно этих последних можно вполне уверенно говорить, что они — родные братья, совершившие раздел, так как у них не только одно отчество, но и одно прозвище.

М. О. Косвен, характеризуя процесс распада большой семьи и явления, его сопровождающие, отмечал, что «выделившиеся малые семьи поселяются отдельно, но обычно, если только это возможно, — смежно»¹⁹⁴. Очевидно, именно об этом и говорят приведенные примеры.

Насколько интенсивно шел процесс семейных разделов в исследуемое время, дает возможность судить перепись 1717 г., фиксирующая конкретные случаи разделов, совершенных за семь лет между переписями 1710 и 1717 гг. В ней определенно указывается, что брат, племянник или другой родственник главы двора, живший с ним вместе во время переписи 1710 г., теперь «живет отделясь в пижеписанный двор»¹⁹⁵. Или: «А он Афона-

¹⁸⁹ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1219.

¹⁹⁰ Там же, Колл. 34, карт. 6, д. 15.

¹⁹¹ ЦГАДА, ф. 1209, д. 14733, л. 185 об.

¹⁹² Там же, л. 283.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 69.

¹⁹⁵ ЦГАДА, ф. 350, д. 556, л. 108.

сий (глава двора.— *Е. Б.*) написан с братом своим двоюродным в одном дворе, а ныне по разделу живет в особливом дворе»¹⁹⁶. В некоторых случаях подчеркивается, что это разделение произошло после переписи 1710 г.: «А в книге 1710 году в том дворе написаны у него Ивана да Петра (братья — оба главы одного двора.— *Е. Б.*) племянники Никита Ларионов да Яков Мокиев, и они, отделясь после 1710 году, живут в особливом дворе»¹⁹⁷.

Перепись свидетельствует, что чаще всего разделялись между собой племянники и дяди, родные и двоюродные братья, т. е. главным образом боковые родственники. Так, в Кубенской трети из 428 семей монастырских крестьян разделилось 66 семей, или 15,4%; из 636 семей помещичьих крестьян разделились 92, или 14,4% (см. табл. 26).

Таблица 26

Семейные разделы по переписи 1717 г.

Тип разделившейся семьи	Крестьяне			
	монастырские		помещичьи	
	число разделившихся семей	% от общего числа семей	число разделившихся семей	% от общего числа семей
Супруги с холостыми (женатыми) детьми, женатые племянники с детьми	24	5,6	30	4,7
Женатые двоюродные братья	10	2,34	25	3,9
Женатые родные братья	27	6,3	32	5,0
Супруги, женатые сыновья и внуки	4	0,93	5	0,8
Семьи с зятем	1	0,23	—	—
Итого	66	15,4	92	14,4

Семьи, возникавшие в результате раздела, чаще всего состояли из супругов с малолетними детьми (70 семей, или 16,3%), из супругов с одним женатым сыном и внуками (21 семья, или 4,9%), из двух женатых братьев (13 семей, или 3,2%).

По-видимому, довольно часто инициатором раздела выступала женщина-вдова, жившая в семье мужа. Притеснения и ущемления в имущественных правах ее, а главное, ее детей родственниками мужа — свекром или деверем, бывшие нередкими в крестьянской жизни¹⁹⁸, побуждали вдов просить разрешения архиепископа или архимандрита монастыря на раздел. Так, крестьянка одной из деревень Спасо-Нуромского монастыря в марте

¹⁹⁶ ЦГАДА, ф. 350, д. 556, л. 606; ср. л. 610.

¹⁹⁷ Там же, л. 115.

¹⁹⁸ РИБ, т. XII. СПб., 1890, с. 918—922, дело устюжской крестьянки-вдовы от 1688 г.; см. также с. 1154—1162.

1676 г. жаловалась архиепископу на своих деверей, которые после смерти ее мужа «из его пожитку наделу мпе ничево не дали», и просила все имущество «развесть промеж мною [и] ими ...»¹⁹⁹ Вдова Ирина Козьмина из дер. Кожевниково Спасо-Прилуцкого монастыря в декабре 1704 г. просила «разделить двор, и повыток, и хлеб, и скотину, и всякой домовной завод» с ее пасынком²⁰⁰. Из челобитной крестьянина того же монастыря Глубоковского ключа дер. Зеленая Елисея Обросимова от поября 1676 г. на свою сноху узнаем, что в «прошлом 184-м году по ... властелинскому указу отделил меня от себя отец мой Обросим по ее снохипу челобитью»²⁰¹, причем «поделили Елеску от отца его Обросимка и от снохи Домашки» поселский «старец Власей, ... крестьянин Опашка, да бывший староста Кирилк да Куска Филиповы»²⁰². По этому разделу был выделен в самостоятельный двор, вероятно, младший сын: «и как меня отделил отец мой, и яз ставил дворенко себе, подрубил банишко», а вдова старшего осталась в доме свекра. Однако отделенный Елисей хозяйство вел вместе с отцом: «и я вешнее пасял с батюшком своим своими симины, а она вдова своих ссемян в землю не сеяла»²⁰³. По причинам, неясным из документа, «она в тех Елескиных хоромишках похотела жить»²⁰⁴, а Елисей возвратился к отцу.

В 1682 г. крестьянка Корбанской волости Георгиевского прихода Апаньца Осипова дочь подала вологодскому архиепископу челобитную, что свекор Ефим Никифоров ее с тремя детьми «сослал ... с двора ... А муж мой Иван покойной жил вместе (с отцом.— Е. Б.) в одном хлебе»²⁰⁵. Помета от 5 октября 1682 г. рекомендовала «у того свекра той снохе Анютке з детьми с тремя сыны отделить хлеба, и скота, и всякого живота четвертую долю»²⁰⁶.

Чрезвычайно интересно челобитье от 15 июня 1710 г. солдатки-крестьянки архиепископской Засодимской волости дер. Кадниково Матрешы Гавриловой дочери Стефановой жены. Ее муж был взят в рекруты в 1708 г. Она вынуждена со своим сыном скитаться «меж двор», так как ее свекор со своим другим сыном «в доме ее не держат, и земли, и хором не дают», хотя в 1709 г. по ее челобитной приказчик Засодимской волости Алексей Шавалдин и выборный крестьянин Тимофей Иванов отделили ей от свекра «скота и крестьянской рухляди треть ... А земли и

¹⁹⁹ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 6, д. 75, л. 5.

²⁰⁰ ГАВО, ф. 496, д. 140, л. 22.

²⁰¹ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 73, л. 59.

²⁰² Там же, л. 59 об.

²⁰³ Там же, л. 59.

²⁰⁴ Там же, л. 59 об.

²⁰⁵ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 2, л. 3.

²⁰⁶ Там же.

хором по тому указу мне не отделили»²⁰⁷. По ее просьбе и распоряжению из Духовного приказа посельский старец Исайя с понятыми приехал 26 июня 1710 г. в дер. Кадниково, чтобы произвести раздел земли. «При тех понятых людях она салдатка Матрона сказала, с пахотной де тяглою земли, которую ей от свекра ее отделят, податей платить и сельского изделия она делать не станет. И если де мирские люди тое отделенной тяглою земли не обелят и подати править и сельское изделие делать заставлять станут, и ей Матроне в тягло та земля и хоромы не надобны». Такое заявление Матрены Гавриловой, по-видимому, привело в некоторое замешательство понятых крестьян. «И затем тое земли и хором понятые люди делить не смели»²⁰⁸. Заявление Матрены Гавриловой свидетельствует о непосильности сельского изделия, которое несли крестьяне Засодимской волости, и податей, падающих па крестьянский двор во время ведшейся Петром I Северной войны, в особенности на двор, где отсутствовали мужские рабочие руки. Мирские люди Засодимской волости, по-видимому, не согласились обелить ее тяглый участок, так как им приходилось «пусто окупать».

Как видно, все разделы совершались по челобитьям крестьян и «по указу» вотчинника. Их санкционировали представители вотчинных властей — монастырский приказный слуга или посельский старец и архиепископский приказчик, а также представители мира — старосты, понятые и мирские люди из крестьян, чаще той же деревни, где происходил раздел. «И приказчики между нам и мирские люди и землю, и рожь, и хоромы разделили ...»²⁰⁹

Цитированные документы показывают, что при разделах земли и имущество делились в равных долях между участниками раздела. Вдова с детьми получала долю мужа, доли нескольких сыновей были одинаковыми. Определенные права членов семьи в разных поколениях на ту или иную долю имущества отмечал П. И. Иванов: «Размер доли каждого в общественном имуществе зависел от его положения в семье: сыновья имели права на равные доли, внуки, сколько бы их ни было, получали при разделе столько долей, сколько их следовало их отцу»²¹⁰. Разделы оформлялись деловой запиской, которая, видимо, хранилась у крестьян. Раздел, следовательно, был вполне официальным, юридическим актом и служил таким же основанием для владения землей, как

²⁰⁷ ГАВО, ф. 496, д. 323, л. 27 об.

²⁰⁸ Там же, л. 30 об.

²⁰⁹ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 6, д. 15; см. также карт. 6, д. 75, 125; карт. 8, д. 2, л. 3; ф. 271, оп. 1, д. 1219, 1222; ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 73, л. 59—59 об.; ГАВО, ф. 496, д. 140, л. 22; д. 323, лл. 17 об.—18, 26—30, 54 об.—55.

²¹⁰ Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы на Севере..., с. 205; см. также он же. К истории крестьянского землевладения на Севере в XVII в. Основание крестьянского владения и распределение земли в Кедровском уезде.— «Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества», 1898, т. I, вып. 3, с. 416.

и наследование²¹¹. Итак, разделы крестьянских дворов, сопутствовавшие семейным разделам, влекли за собой разделение всего крестьянского хозяйства — имущества, построек, сельскохозяйственного инвентаря, и главное, тяглой земли. Следствием этих разделов было мельчание наделов, увеличение числа дворов в поселении, а значит, и числа налогоплательщиков.

Наряду с наследованием и разделами, земельные участки перешли из одного двора в другой в качестве приданого. Однако, поскольку широко практиковалась отдача земли в приданое, судить довольно трудно, так как в нашем распоряжении имеются всего лишь два факта, хронологически отстоящие друг от друга сравнительно далеко. Об одном из них узнаем из челобитной 1725 г. крестьянина Спасо-Прилуцкого монастыря с. Глубокого дер. Зеленое Фомы Кирилова, который кроме отцовского надела имел «в деревне Хватунове жеребей же, который пришел з женою моею»²¹². Из купчей 1643 г. на двор «со всеми хоромы и с угодья» в с. Выпругове, который продал крестьянин Дружина Ермолин, ясно, что его жена Авдотья Андреева дочь получила этот двор в составе приданого. «Тот де двор был отца моего Андрея, и как выдал меня замуж за Дружину Ермолина, и тот двор дал за мною приданым»²¹³.

Таким образом, наследование, разделы земельных наделов, отдача их в приданое были теми видами распоряжения, которые совершались в семейной сфере; они основывались на родственных связях и обуславливались ими. При наследовании и разделах оставались участки земельных владений и в границах тех же самых селений. Отдача же земли в приданое как бы выводила надел из семейной сферы в деревню и за ее пределы, влекла за собой приход нового однодеревенца, расширяя тем самым границы сделки. Этот вид земельных сделок, строящийся на свадебном договоре, можно рассматривать как переходный к обмену и продаже участков, которые совершались между членами соседской общины.

Исследуемые группы крестьян по причинам, не всегда ясным из челобитных, обменивали свои тяглые участки. В марте 1687 г. архиепископские крестьяне Лежского волока починка Колотилишка Еремей Данилов и дер. Крюково Иван Иванов решили «из деревни итти в деревню, ис повытья в повытье»²¹⁴. В залог состоявшейся сделки они «кафтанами переменялись до покамест до записей. Записи попишем и кафтаны разменяемся». Но «он Еремей по нашему полюбовному по договору тех меповных записей на повытей переходжих... не пишет»²¹⁵ — жаловался в че-

²¹¹ Иванов П. И. К истории крестьянского землевладения на Севере..., с. 415.

²¹² ГАВО, ф. 512, оп. 1, д. 183, л. 74.

²¹³ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 613, л. 3.

²¹⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 23, л. 38.

²¹⁵ Там же.

лобитной И. Иванов. Обмениваемые участки не были одинаковыми. И. Иванов платил по вышнему окладу со своего — «с полу-гривной на десять алтын», а Е. Данилов — 16 алт. 4 ден., причем обменялись они «без ... архиепископского указа». Когда же возникли осложнения — «Еремей ... тех меповных записей ... не пишет», а также выяснилось, что променявший ему повытье И. Иванов «живет з братом своим Тихоном в одной избе», то оба обратились с челобитными к архиепископу. И. Иванов просил, чтобы Данилов выполнил обещание: «по договору ис повытья в повытье передти», а Е. Данилов — оставить его «жить в своем старом повытье». Вероятно, если бы не возникло осложнение, обмен состоялся без ведома архиепископских властей.

В 1678 г. на том же Лежском волоке крестьянин дер. Левино Лука Сазонов «свой жеребей земли променял ... крестьянину тое ж деревни Дорофею Абросимову, а против того он Лука выменял от него Дорофея на диком лесу драку»²¹⁶. Этот обмен неэквивалентный, так как лесная рощисть, свободная от тягла, была предпочтена окладной земле. Казалось бы, для Дорофея этот обмен невыгоден, но одновременно брат Луки Федор «свое повытье ему ж Дорофею продал» за 6 руб.²¹⁷ С таким распоряжением братьев своими участками не согласился их третий брат, который подал архиепископу челобитную и просил пожаловать его «теми жеребьями братьей моих». Притязания Василия были основаны, во-первых, на том, что эти жеребьи после смерти отца не разделены, так как «та земля ... отца моего была скудна», а во-вторых, и это главное, у Дорофея, «окромя тех жеребьев повытье большое», и, кроме того, он «в те жеребьи братьей моих призывает к себе в ту деревню Левино сына своего из иных деревни и хочет на те жеребьи ... садить во крестьянство»; в-третьих, «те жеребьи не братьей моих, отца нашего — старинное»²¹⁸. Подчеркивая старинность и нераздельность участка, Василий Сазонов претендует на возвращение ему ушедших из семьи по сделке жеребьев. Но если повытье было у них после смерти отца не разделено, то каким образом Лука «свой жеребей земли променял», а Федор «свое повытье ... продал»? Братья были совладельцами отцовской земли и, вероятно, по «полюбовному» соглашению между собой распределили ее, но официального раздела этой земли, оформленного в присутствии свидетелей отдельной записью или устным договором, не было. Видимо, Лука и Федор, быть может пахавшие участки уже несколько лет, воспринимали их как «свой» собственные, и потому считали возмож-

²¹⁶ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 34. Драка — подсека, рощисть (Даль В. И. Толковый словарь, т. 1, с. 490).

²¹⁷ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 34. По переписи 1678 г. братья Федор и Лука Сазоновы жили в одном дворе со своими малолетними детьми. Их брат Василий жил в отдельном соседнем дворе (ЦГАДА, ф. 1209, д. 14733, л. 121 об.).

²¹⁸ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 34.

ным их отчуждение, да и сам челобитчик Василий говорит «свой жеребей», «свое повытье». Из этого документа ясно выступает наследственное право на землю отца: если двое сыновей выпускают землю из своих рук, то третий сын считает себя вправе опротестовать совершенные сделки.

Здесь интересна фигура Дорофея Абросимова, уже имевшего «большое повытье» и все же приобретшего две части одного участка. Несомненно, он из «лучших», «добрых» крестьян дер. Левино, который не только не делит имевшийся большой надел, а приобретает для сына новую землю. Это факт существующего имущественного неравенства, и одновременно свидетельство мобилизации земли в одних руках. А. А. Преображенский, указывая на факты беспрепятственной продажи крестьянами Кунгурского уезда своих земельных участков, приводит сходный случай покупки одним крестьянином в 1637 г. также двух частей одного участка у двух крестьян-совладельцев ²¹⁹.

В феврале 1710 г. крестьянка-вдова Прасковья Федотова Ивановская жена архиепископской Засодимской волости дер. Большая Мурга обменялась со своим соседом и одиодеревенцем Михаилом Никитиным двором «и землю своим повытком, и сешные покосы, и всяким владеньем, чем муж мой владел, полушестынею, на ево Михайлове дворе и на хоромы, и на землю, чем он Михайло владел, пашнею и сешными покосы, и всякими угоды». 10 июля 1710 г. вдова Прасковья подала челобитную с жалобой на Михаила, что он «чищенья косит, те, которые мне променил» ²²⁰. Из разбора этого дела выяснилось, что обмен дворов и наделов, так же как и их раздел, происходил при четверых свидетелях, крестьянах-понятых ²²¹. Они подтвердили, что вдова Прасковья Федотова и Михаил Никитин обменялись «дворами свои и повытками полюбовно». Но обмен ограничился только тяглой землей, рощисти же, которые «чищены особо на заосечной земле», остались во владении «по старым повыткам», и обменявшиеся не должны «в те чищенья друг к другу вступаться». Это засвидетельствовали понятые и еще шестеро крестьян, допрошенные поселским старцем при разборе дела. Ответчик М. Никитин также сказал, что менялся тяглой землей, «окромя заосечных чищений, которые у нас чищенья особо с соседями в делу не бывают» ²²².

В 1710 г. в той же Засодимской волости в дер. Тенково совершили обмен наделами крестьяне Павел Тимофеев и Иван Степанов. Известны и размеры их участков. П. Тимофеев променял двор и «повыток свой осьмак земли со всякими угодыми», а И. Степанов «осьмак без четверти земли со всякими угодыми,

²¹⁹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972, с. 192, 196.

²²⁰ ГАВО, ф. 496, д. 323, л. 3^о

²²¹ Там же.

²²² Там же, л. 44.

и двором, и хоромами». Наделы обоих крестьян, как видно, были примерно одинаковыми, у первого лишь на четверть осьмака больше. Эта сделка коснулась также только тяглой земли, «а я (И. Тимофеев.— *Е. Б.*) на нынешней 1711-й год всякие подати и зделье с миром делал с повытка своего осьмака». Росчистная земля осталась за прежними владельцами, менялись «окроме засечных чищепий». Этот обмен совершался не только в присутствии понятых, но «по приговору» мирского старосты и выборных крестьян²²³.

Из этих дел вырисовывается различное отношение крестьян к разным землям. Земля тяглая, полученная в надельное пользование, находилась в обороте, делилась, обменивалась, продавалась, но только между крестьянами одной вотчины (в данном случае Засодимской). Слова «у нас чищенья особо с соседями в делу не бывают» свидетельствуют, что остальная земля, именно тяглая, бывала «в делу», переделывалась в необходимых случаях. Это указание на то, что крестьяне различали надельную землю, находившуюся в общинном пользовании крестьян, и лесные росчисти, труд крестьянских семей на которых строго индивидуализирован, а главное, его индивидуальный характер был общепризнан общиной. Росчистные земли не поступали в переделы, и на них, вероятно, распространялось право индивидуального подворного владения.

Это сближает рассматриваемых крестьян с черносошными, у которых, как показал М. М. Богословский, росчисти, заимки находились в личном владении с правом их наследования, а присельная земля распределялась в соответствии с долей тягла²²⁴.

На существование участков, преимущественно сенокосов, а также новопашен в индивидуальном владении дворов обратил внимание и А. И. Копанев, анализируя веревную книгу Паниловской волости 1612 г.²²⁵ Это явление было свойственно не только XVII в., но и более раннему времени. Так, Н. Н. Покровский, исследуя земельные отношения черносошной волости XIV—XVI вв. в Центре и Подвинье, показал, что росчистные земли находились вне компетенции общины и были потомственным владением крестьянского двора, поднявшего их. Он подчеркнул: «Сознание, что крестьянин имеет право владения на расчищенный им из-под леса участок, было чрезвычайно сильным (и не только у черных крестьян, но и у монастырских)»²²⁶. Владельческое право на росчисти, переходившее вместе с самим участком из поколения в поколение, было той обычайноправовой нормой, которая на протяжении веков признавалась общиной.

²²³ ГАВО, ф. 496, д. 350, л. 1 об.

²²⁴ Богословский М. М. Указ. соч., т. 1, стр. 170.

²²⁵ Копанев А. И. Веревная книга Паниловской волости 1612 г.— В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. III. Вологда, 1973, с. 386.

²²⁶ Покровский Н. Н. Указ. соч., с. 110, 168.

Дело об обмене двора и земли между вдовой П. Федотовой и М. Никитиным сообщает еще одну характерную деталь порядка обмена. Кроме свидетелей-понятых, сделка сопровождалась рукобיתьем и целованием иконы. «И на рукобיתье они Михайла да сын ея вдовы Григорий Иванов целовали спасителей образ и по рукам били. Я у них руки рознимал»²²⁷, — показывал свидетель той же деревни Большая Мурга Иван Петров. Скорее всего, рукобיתье и целование иконы сопутствовали любой из сделок, будь то обмен или продажа.

Следствием обмена тяглых участков было изменение размеров платежей и повинностей в соответствии с выменянным участком. Примечателен обмен, который совершил в сентябре 1675 г. архиепископский боярский сын Борис Сумароков, выменявший к своему владению на Лежском волоке повытье в дер. Мигилево у крестьянина Якова Веденева. Этот обмен был оформлен «записью», по которой Б. Сумароков принял на себя не только государственные подати, но также оброчные платежи, падавшие на выменянный участок в дер. Мигилево. В свою очередь Я. Веденев, получивший по этому обмену участок в починке Красново, должен «платить государевы подати и ево Яшки платежи дер. Красново»²²⁸. Крестьянин Спасо-Прилуцкого монастыря с. Ивановское дер. Поповкино Матвей Федоров в 1690 г. пахал, кроме своего надела, еще «четверухи земли девятую долю», которой «поступился» ему его двоюродный брат Никифор Петров и с которой уже в 1689 г. М. Федоров платил государственные подати и нес монастырское изделье²²⁹. Упомянутый уже крестьянин дер. Тенково Павел Тимофеев возбудил дело как раз потому, что после состоявшегося обмена с Иваном Степановым оба крестьянина засеяли свои новые участки к будущему 1711 году, по старости всякие подати правил со старых повытий²³⁰. Создалось несоответствие между размером тяглого участка и величиной оклада, почему челобитчик П. Тимофеев просил считать обмен недействительным, быть может на текущий год — «владеть пашнею и всякими угодыя по окупу по старым своим повыткам»²³¹.

Кроме подробных свидетельств о совершавшихся обменах тяглыми землями, крестьянские челобитные содержат и просто указания на них. Крестьянин вологодского архиепископа с Лежского волока Федор Матвеев в 1709 г. сменялся из дер. Высоцкое в дер. Илюшкино «в жило» с крестьянином Васильем Крысановым²³². Крестьяне Засодимской волости дер. Юрьецево, соседи Петр Иванов и Василий Михайлов обменялись равными кусками

²²⁷ ГАВО, ф. 496, д. 323, л. 44.

²²⁸ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 6, д. 112.

²²⁹ Там же, ф. 271, оп. 1, д. 1217.

²³⁰ ГАВО, ф. 496, д. 350, л. 1 об.

²³¹ Там же.

²³² Там же, л. 39.

огородной земли и владели до возникшего в 1715 г. спора «променною землей ... немногие годы»²³³.

Кружные книги монастырских житников XVII в. также отразили обмен и переход крестьян из деревни в деревню и с надела на надел. Например, крестьянин Оларевского ключа Федос Васильев имел в 1675 г. в дер. Шастово $\frac{1}{6}$ выти, а в 1684 г. жил в дер. Косачево на $\frac{1}{4}$ выти²³⁴. Крестьянин Лоптуновского ключа Осип Осока, державший в 1675 г. в дер. Надиево $\frac{1}{4}$ вытп, в 1684 г. хозяйствовал в соседней дер. Новоселка также на $\frac{1}{4}$ выти²³⁵. Василий Власов, имевший в 1684 г. $\frac{1}{4}$ выти в дер. Кулеберово Подмонастырского ключа, в 1693 г. жил на $\frac{1}{4}$ выти в с. Выпрягово того же ключа²³⁶. Фитис Опара в 1684 г. нахал шестын в дер. Кожкино Лоптуновского ключа, а к 1693 г. перебрался в том же ключе в дер. Надиево на четверть выти, оставив на своем прежнем наделе сына²³⁷.

Обмен наделами, таким образом, был еще одним видом распоряжения земельными участками. Обмен совершался по предварительному договору обменивающихся сторон, на нем обязательно присутствовали свидетели — мирские люди. Он сопровождался, но быть может не всегда, приговором мирского старосты и выборных крестьян, рукобительем и целованием образа.

Наряду с обменом монастырские и архиерейские крестьяне практиковали еще один вид распоряжения своим имуществом — куплю-продажу дворов и наделов. Вдова крестьянина Константина Козьмина из дер. Михалково Лежского волока в своей челобитной от ноября 1680 г. сообщает, что ее деверь пришел «на позем» ее мужа, а «отдильной деревни Строева свое повытье продал, взял девять рублей»²³⁸. Крестьянин Спасо-Рабацского монастыря Василий Федоров «в прошлых годах (80—90-х годах XVII в.)»²³⁹ продал свое повытье соседу крестьянину Денису Федорову, который его «купил, дал ему Василью за то повытье две четверти ржи». При совершении сделки «у нас с ним торг был», однако она не была оформлена, «и в том у нас записей нет». Отсутствие записей привело к спору, и Василий стал отбирать проданное «повытье назад»²⁴⁰. Случаи продажи земельных участков были и в середине XVII в. Но купчей 1652 г. крестьяне Спасо-Прилуцкого монастыря дер. Завраг Ермола Федоров сын Мельников с племянником Козьмой Остафьевым про-

²³³ ГАВО, ф. 496, д. 445, л. 1.

²³⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 66, л. 75 об.; ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10, л. 259.

²³⁵ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 66, л. 78 об.; ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10, л. 261—261 об.

²³⁶ ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10, л. 255 об.; ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1, л. 1.

²³⁷ ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10, л. 262 об.; ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1, лл. 9, 11.

²³⁸ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 22, л. 12.

²³⁹ Датировано автором по почерку и архиерейству архиепископа Гавриила.

²⁴⁰ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 105, л. 1.

дали своему одноподверенцу Ждану Савельеву сыпу Блинову «старинное свое поле земли ... полвыти без пestyна и з двором ... и со всеми угоды того повытья ... без насаянного хлеба». За все это они получили «два рубли двадцать алтын денег все наперед без остатка. И ему Ждану по сей папшей записе повытьем старинным моим Ермолиным и Козминым владеть и двором и земля пахать ... и сенные покосы косить ...»²⁴¹ В купчей продающие крестьяне обязуются не требовать и впредь не претепдовать на проданное повытье, так как продали его «без выкупа». В 1643 г. крестьянин того же монастыря с. Выпрягово Дружина Ермолип «с доклада» монастырским властям продал своему одноподверенцу Григорию Евсееву сыпу Плотнику «двор со всеми хоромы и с угоды» и взял 2 руб. 23 алт. 2 ден. «все сполна без выкупа». В составленной купчей продавец заявлял, что двор свободен от всяких обязательств и обязуется, если таковые появятся, «очищать от прежних купчих и от кабал, и от записей, и от всяких иных крепостей начисто со всеми угоды своими деньгами и Григорею убытка не довести ни в чем, ни которыми дель»²⁴². Власти монастыря, узнав о купле-продаже, поинтересовались, «есть ли у пиво продавца Дружины купчая, по чему он ... владеет двором»²⁴³. Признание монастырем купчей как основания для владения двором и участком показывает, что он допускал распорядительные сделки крестьян.

Условием обеих купчих была продажа участков «без выкупа». Выражения «без вывода», «без выкупа и без вывода» свойственны актам купли-продажи крестьян Сольвычегодского уезда 50—90-х годов XVII в.²⁴⁴ Термины «впрок», «в веки», «одежень», «без выкупа» хорошо известны по актам черносопных крестьян XVI—XVII вв. Явление, которое отразили все приведенные формулы, трактуется в литературе как право этих крестьян на выкуп их родовых земель и имущества²⁴⁵. Присутствие такого выражения в купчих монастырских крестьян свидетельствует о том, что когда-то у них, так же как и у черносопных, бытовало право родового выкупа.

В 1718 г. архиепископский крестьянин Лежского волока дер. Черниве Митрофан Осипов продал «свое повытье и с строс-

²⁴¹ Там же, ф. 271, оп. 1, д. 606, л. 1.

²⁴² Там же, д. 613, л. 1.

²⁴³ Там же, л. 2.

²⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1101, оп. 1, д. 1, лл. 2, 3; д. 3, л. 2; д. 7, л. 1; д. 8, л. 1; д. 10, л. 1; д. 13, л. 1.

²⁴⁵ Иванов П. И. К истории крестьянского землевладения на Севере в XVII в.— «Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества», 1900, т. II, вып. 1, с. 421—422; *Островская М.* Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII веках. СПб., 1913, с. 99—101; *Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л.* О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв.— В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дюктябрьский период. Л., 1972, с. 11—13.

нием» крестьянину дер. Малахино Семену Федорову за 2 руб. 26 алт. С этого надела он платил денежного оброка 11 алт., после продажи перешел жить в той же деревне на меньшее «отказное повытье крестьянина Григорья Федорова Заплаты» с тяглом 5 алт. 3 ден.²⁴⁶

В июне 1725 г. вновь приписанный к Спасо-Прилуцкому монастырю Василий Афонасьев Попов, зачисленный в подушный оклад наравне с крестьянами, купил у крестьянина с. Глубокое дер. Филпская Василия Петрова его «вотчинный тяглый повыток полтора четверика пузовых с сепными покосами и с путчными угодьями, со всяким владением, ... и с хоромами» за 4 руб., причем «два рубли денег платить нынче наперед ..., а другие два рубли платить на срок на Васильев день на первое число 1726 года»²⁴⁷. Об этой купле-продаже В. Попов, как вновь приписной крестьянин, сообщил в Казенный приказ монастыря, откуда посельский монах, мирской староста и выборные крестьяне получили предписание объяснить, что В. Петров, «продав тот повыток, живет во крестьянстве ль, и в которой деревне, и на каком повытке, и в чьем хоромном строении, и взял ис пуста, или по чьей отдаче, или купил»²⁴⁸.

Мирской староста Спасского прихода Осип Тимофеев и семь выборных крестьян подтвердили совершившуюся куплю-продажу «деревенского участка» с хоромным строением («изба и двор рублевой, четыре хлева, две клетки да горенка, над воротами анбар, овин, гумно, крыто желобьем»). Кроме надела, сенокосов и построек, были проданы В. Петровым «подсеки сичены дву годов четыре кулиги и пути, что во згодья благо»²⁴⁹. Они объяснили и причину продажи. «А продал он Василий Петров свой повыток и примысел свой, хоромное строение ради своей нужи, и бедности, и хлебной скудости. А перешел жить в деревню Зеленую от села за 13 верст на пустовытный повыток на переложную землю, а хоромной постройки одно избенко»²⁵⁰.

Из этого дела видно, что монастырь, узнав о купле-продаже после ее совершения, прежде всего интересовался, не бросил ли крестьянин своего тягла и с какого надела будет отбывать повинности. Допуская земельные сделки между крестьянами, феодал исходил из своих собственных интересов. Сделка не должна была повлечь за собой полного разорения, совершенно лишить крестьянина тяглоспособности, а феодала — плательщика повинностей и податей. Тем не менее оба последних документа свидетельствуют об одной и той же причине продажи наделов — оскудении и обеднении крестьянских хозяйств в начале XVIII в.,

²⁴⁶ ГАВО, ф. 496, д. 646, л. 7—7 об.

²⁴⁷ Там же, д. 822, л. 12.

²⁴⁸ Там же, ф. 512, д. 183, л. 85—85 об.

²⁴⁹ Там же, ф. 496, д. 822, л. 23.

²⁵⁰ Там же, л. 12.

вызванных как общими причинами в условиях ведшейся войны, особенно тяжело сказавшейся на северных уездах, так и увеличением феодальной эксплуатации. Можно предположить, что продажа, да и обмен тяглых участков были вызваны неустойчивостью крестьянских хозяйств.

Вероятно, каждая сделка о купле-продаже сопровождалась «торгом» и, так же как и обмен, происходила в присутствии свидетелей — выборных крестьян, мирского старосты и оформлялась купчей записью. Расплачивались, по-видимому, чаще деньгами, но в каких-то случаях и хлебом.

Из дела 1725 г. о купле-продаже в дер. Филипская Глубоковского ключа видим, что Спасо-Прилуцкий монастырь допускал наряду с куплей отдачу тяглых участков.

Содержание и механизм отдачи хорошо раскрывается из купчей крепости 1701 г. крестьянина Спасо-Печенгского монастыря Комельской волости дер. Федорково Любима Семенова. Он «отдал ... тяглой свой повыток земли полушку во всех трех полях в той своей деревне, и сепные покосы, и с отхожими пожнями, и со всеми угодьи, и с овинною землею, и з дворовою, чем я Любим владел», крестьянину той же деревни Борису Яковлеву. За эту наделную землю «рядил» Любим у Бориса «на всякой год давать найму по полтине денег». В отличие от обмена и продажи передача земли по этому виду сделки не была полной, она сохраняла возможность возвращения участка, но на определенных условиях. «А буде хотя мне земля и понадобится или сыну моему, и нам взять тое земли половина полушки, также и всяких угодий половина ж». Отдача участка влекла за собой и передачу новому владельцу всех повинностей и платежей по нему: «а подати великого государя и всякое монастырское изделие платить ему Борису», причем право платить со всего участка сохранялось за получившим надел Борисом даже в случае, если прежний владелец Любим возвратит его половину, но тогда «за другую половину полушки мне Любиму на нем Борисе найму не спрашивать. Владеть ему Борису и детям ево вечно». Эта сделка была оформлена письменно: «в том я Любим ему Борису и письмо на себя дал»²⁵¹.

Из челобитной архиепископского крестьянина подгороднего села Ивановского дер. Митинская Никиты Яковлева от июля 1713 г. узнаем, что подобная же отдача тяглого участка состоялась между вдовой Евдокией Ивановой дочерью Степановской женой и ее племянником Н. Яковлевым, который в 1712 г. «взял у тетки своей вдовы ... по смерти мужа ее пахотный повыток во владенье на 20 лет. И по договору с того повытка платил я всякие платежи»²⁵². Этот документ подробно не раскрывает условий отдачи надела, но из него следует, что взявший принял на

²⁵¹ Там же, д. 140, л. 32 об.

²⁵² Там же, д. 76, л. 18.

себя все падающие на участок платежи²⁵³. В приведенных документах участки отдаются во временное пользование на определенный срок, в одном из них сообщается размер годовой платы. Этот вид сделки представляет собой не что иное как аренду тяжелых крестьянских участков. В отличие от аренды, рассмотренной выше, где крестьянин вступил в отношения найма с феодалом, в данном случае сделки совершаются в пределах одного социального круга.

Итак, крестьяне делили, обменивали, отдавали в наследство и аренду и даже продавали свои тяглые земли. Как же реагировал на это феодал? Из Приходо-расходной книги Спасо-Прилуцкого монастыря казначей Иова за 1690 г. становится ясно, что продажа дворов и наделов облагалась пошпиной. 20 января крестьянин Сергиевского ключа дер. Дулепово Аверкий Спиридонов заплатил «с проданного его двора пошпин со шти рублей по десяти денег с рубля, итого десять алтын»²⁵⁴. 1 февраля казначей Иов «принял села Сергиева у крестьян у Сенки Дмитриева да у Ярофейка Григорьева с перекупной земли пошпин двадцать алтын»²⁵⁵, а 12 февраля крестьянин Великоорецкого ключа Сергей Чалков «с продажного его повьтья и з двором» заплатил пошпин 10 алт. с шести рублей также по 10 деп. с рубля²⁵⁶. Бобыль Григорий Спиридонов уплатил «пошпин, что он продал двор свой ... с девяти рублей по десять денег с рубля, итого пятнадцать алтын»²⁵⁷. С архиепископского крестьянина Лежского волока дер. Мигилево Ивана Яковлева 1 июля 1702 г. было взято «с продажной избы десятины 10 алтын», т. е., так же как с крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря, по 10 деп. с рубля²⁵⁸. Размер взимаемой пошпины был твердым и одинаковым как для крестьянина, так и для бобыля и не зависел от качества участка.

Размер пошпины показывает, что она являлась не чем иным, как 5-процентным сбором с оборота, который собирался с любого продаваемого товара. Это подтверждают имеющиеся в Приходо-расходной книге Вологодского архиерейского дома 1702 г. записи о продаже крестьянами леса²⁵⁹. Размер пошпины и в этих случаях равнялся десятой деньге.

Таким образом, все рассмотренные виды распоряжения крестьян своим имуществом, начиная с двора и его построек и кончая пахотной тяглой землей, встречались у владельческих зави-

²⁵³ А. Л. Шапиро приводит два похожих примера сдачи участков, относящихся к 1697 г., крестьянами Иверского монастыря с переходом повинностей к съемщику вместе с наделом (*Шапиро А. Л. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении...*, с. 46).

²⁵⁴ ГБЛ, Муз. 623, д. 188, тетр. 10, л. 277.

²⁵⁵ Там же, л. 278.

²⁵⁶ Там же, л. 278 об.

²⁵⁷ Там же, л. 277.

²⁵⁸ ГАВО, ф. 883, д. 100, л. 8.

²⁵⁹ Там же.

симых крестьян, плативших различную ренту, как отработочную, так и денежный оброк. Это свидетельствовало, что крестьяне, будучи «крепки» владельцу «по писцовым и переписным книгам», не были прикреплены к какому-то определенному участку. Они передвигались в пределах вотчины. Сделки совершались в присутствии мирских людей, оформлялись письменно, всему предшествовал предварительный договор; все они влекли за собой смену размеров платежей. За исключением имущественных разделов, на которых присутствовали представители вотчинной администрации и которые совершались с санкции вотчинника, документы об обмене, отдаче и продаже не содержат просьбы, обращенной к феодалу, о разрешении произвести ту или иную сделку. В них нет указаний, что в момент совершения обмена, отдачи или продажи присутствовал посельский старец или приказчик. Они появляются на сцене, когда возникает какое-нибудь осложнение, но уже после того, как произошла сделка. Появление представителей монастырской или архиерейской власти было вызвано получением указа из Казенного приказа по поводу поданной в него крестьянской челобитной. Лишь купчая 1643 г. на двор с. Выпрыгово²⁶⁰ о продаже «с докладу» монастырским властям и челобитная вологодскому архиепископу об обмене «без твоего архиепископского указа» между крестьянами деревень Крюково и Колотилишка Лежского волока²⁶¹ указывают на то, что, вероятно, требовалось ставить администрацию монастыря и архиепископа в известность о предполагаемой сделке и получить на нее разрешение²⁶². Но, по-видимому, в жизни это выполнялось далеко не всегда. О предполагаемой продаже, возможно, не сообщали, чтобы избежать уплаты пошлин. Об обмене и отдаче земельных участков, быть может, устно заявляли посельскому монаху или приказчику. Раздел же земли был связан с хозяйственным и семейным разделом и сопровождался образованием нового двора, оформление правомочности которого заставляло совершавших раздел крестьян заранее обращаться за разрешением к феодалу. Очевидно, разделы, в результате которых образовывались слабые хозяйства, не допускались монастырской и архиерейской администрацией.

Факты распоряжения тяглыми участками показывают, что все сделки совершались только внутри феодальной вотчины и даже в еще более узких пределах — одной ее волости, в границах определенной территориальной общины. Земля, естественно, не выходила из собственности феодала, не отчуждалась на сторону, а сменялись и перетасовывались лишь держатели наделов. Смена

²⁶⁰ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 613.

²⁶¹ ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 23, л. 39.

²⁶² Контроль за распорядительными сделками крестьян существовал в Антониево-Сийском монастыре (*Образцов Г. Н.* Из истории закрепощения крестьян на Севере (по материалам Антониево-Сийского монастыря). — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967, с. 340).

участка по сделке передавала другому только право владения и пользования им.

Фразеология документов отразила правосознание владельческих крестьян. Употребляемые ими выражения: «с домовою землею, а с наших рощистей и владенья», или «на архиерейской домовою земле, а на нашем рабов владенья»²⁶³ свидетельствуют о признании принадлежности земли вотчиннику. Это — с одной стороны. А с другой — создавалась жизненная ситуация, когда наследственно держали один участок и подчеркивали его старинность и принадлежность отцу²⁶⁴. Это обстоятельство, а также труд, вложенный в такой участок несколькими поколениями, позволял крестьянину смотреть на надел как на собственный. Отсюда иное выражение: продал, обменял «свой жеребей», «свое повытье», «землею своим повытком» владел²⁶⁵. И чрезвычайно интересный сплав двойственного крестьянского правосознания отразило дело о купле-продаже участка в 1725 г. в дер. Филинская Спасо-Прилуцкого монастыря, когда был продан «вотчинный тягловый повыток». Здесь подчеркнуто не только наследственное, но и длительное, из рода в род переходящее владение тяглым наделом. М. М. Богословский отмечал, что поморские крестьяне называли вотчиной земли, полученные по наследству от отца или родственников, в отличие от приобретенных по куплям²⁶⁶.

Создавалось положение, по которому крестьянин — не только пользователь надела, полученного от феодала, но и его владелец с правом распоряжения им. А. Н. Сахаров полагает, что в XVII в. у крестьян утвердилась «практика пользования наделной землей как землей собственной, со всеми вытекающими отсюда последствиями»²⁶⁷. Но распоряжение, доказывает С. М. Каштанов, не есть признак только права собственности, а «оно свойственно также праву владения и праву пользования»²⁶⁸. Следовательно, характер распоряжения землей архиерейских и монастырских крестьян говорит о том, что они в наиболее полном объеме осуществляли право владения ею.

4. Компетенция мирских властей

Все изложенное о регулировании системы землепользования и земельных сделках крестьян дает возможность проследить сферу деятельности мира и его должностных лиц. Органом мирского са-

²⁶³ ГАВО, ф. 496, д. 145, л. 5 об. Это спорное дело из-за сенокосов от 1704 г. между крестьянами вологодского архиепископа и Спасо-Прилуцкого монастыря.

²⁶⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 26, лл. 3, 7; ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 34; ф. 271, оп. 1, д. 530, 606.

²⁶⁵ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 22, л. 12; д. 34; карт. 8, д. 105; ГАВО, ф. 496, д. 323, л. 38; д. 822, л. 12.

²⁶⁶ *Богословский М. М.* Указ. соч., т. 1, с. 54—55.

²⁶⁷ *Сахаров А. Н.* Указ. соч., с. 146.

²⁶⁸ *Каштанов С. М.* Указ. соч., с. 175.

моуправления, признаваемым вотчинной властью, как уже было сказано, был мирской сход. На нем решались вопросы, затрагивавшие интересы всех членов общины. Иногда для решения особо важных и экстренных дел собиралась вся община, а не только ее представители. Такая «мирская валовая сходка» происходила в с. Раменье на Лежском волоке 25 марта 1720 г. Ее сбор был вызван заявлением на предыдущем мартовском же сходе одного из целовальников об отказе «лутших людей» в его десятке платить окладные платежи²⁶⁹. Это «самовольство» наиболее обеспеченных крестьян, продолжавшееся в течение двух лет, игнорирование требований целовальника, избранного мирскими людьми десятка, и проявленное тем самым недоверие к мирскому должностному лицу и явилось причиной для валового схода. Судя по этому документу, сход не только принимал и утверждал решения-приговоры, по мирские выборные сообщали на нем миру, а в данном случае и присутствовавшему представителю вотчинной администрации о делах, требовавших безотлагательного коллективного решения.

Особо важными для крестьянской общины были вопросы тяглообложения, входившие в компетенцию мирских сходов. Именно на них были приняты новые оклады в 1715 г. в Засодимской вол. и 1717 г. в Глубоковском ключе Спасо-Прилуцкого монастыря.

Для оценки тяглоспособности отдельных крестьянских хозяйств мир привлекал компетентных крестьян. В 1717 г. на Лежском волоке с санкции вотчинной администрации «у окладу вытного тягла» были «по выбору мирскому» старосты и крестьяне-окладчики²⁷⁰. В их состав вошли специальные выборные и, возможно, целовальники денежного сбора. Создание окладной «комиссии» было, вероятно, обычным в деятельности мира. Этот обычай и позволял говорить: «крестьяне обложили ... мое повытьцео в три осьмака», или «мирские люди ... в тягло положили тот починок в осмую долю выти», или «вытного тягла по окладам, во что с общего нашего мирского совету положены»²⁷¹.

Сход утверждал изменения в обложении отдельных деревень, проводя частичный пересмотр окладов, как это было в 1682 г. на Лежском волоке²⁷².

Сбавка тягла с отдельного крестьянского хозяйства и распределение снятого тягла по другим хозяйствам также решались на сходе. В декабре 1719 г. бил челом архиепископу об облегчении оклада крестьянин Федор Иванов Боек, обложенный в 1717 г. больше «других, моей братии крестьян». Духовный приказ реко-

²⁶⁹ ГАВО, ф. 496, д. 646, лл. 1—3. Подробнее об этом см. в § 4 главы III.

²⁷⁰ Там же, д. 612, л. 7.

²⁷¹ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 8, д. 19, л. 7 об.; ГИМ, ОПИ, ф. 226, оп. 1, д. 23, л. 50; ГАВО, ф. 496, д. 646, лл. 2, 4 об.

²⁷² ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 99, лл. 3—5.

мендовал стряпчему Лежского волока рассмотреть размер тягла Федора Иванова, и если нужно, то снять с него часть оклада. Была создана комиссия из сына старосты, пяти целовальщиков денежного сбора и трех выборных крестьян. Она 1 февраля 1720 г. «приговорила» снять с челобитчика тягла 16 алт. 4 ден., оставив его в 25 алт. и обязав его «с того окладу по книгам целовальнику платить сполна всякие подати». Снятое тягло комиссия распределила между пятью крестьянами в прибавку к их окладам (одному набавили 6 алт. 4 ден., двум по гривне, одному 1 алт. 2 ден. и еще одному 2 алт.). 4 февраля 1720 г. в с. Раменье собрались на мирской сход 48 человек, представлявшие 30 деревень. Они выслушали решение окладной комиссии и подтвердили его — «обще приговорили». Таким образом, сход окончательно утвердил сбавку тягла с Федора Бойка, оформил свое решение документально — приговором, подлинник которого был «оставлен в вотчине у мирских дел впредь для ведома»²⁷³.

Перераспределение тягла могло осуществляться только группой компетентных крестьян без утверждения ее решения на мирском сходе. Так в мае 1719 г. староста волости Лежский волок, денежного сбора целовальник и девять выборных, проведя в присутствии архиерейского стряпчего досмотр пашен и сенокосов дер. Жерновниково и установив недостаток земли по вытному окладу, сняли с нее три четверти осьмака и разложили их на пять соседних деревень: на одну — четверть и на четыре — по полчетверти осьмака. «И тех деревень жители приняли полюбовно и руки приложили, что всякие государевы подати и... архиерейские оброки платить будут бездоимочно»²⁷⁴. Возможно, это «полюбовное» согласие с увеличением оклада сделало необязательным утверждение приговора на сходе.

Известно, что мир строго следил за исправным несением тягла. Его отбывание контролировали, кроме вотчинной власти, не только старосты и целовальники — повседневно, но и мирской сход, например, в случае нарушения тяглецом своих обязанностей. В 1709 г. крестьянин Засодимской вол. Ларион Иванов перестал платить подати и нести сельское изделие с трети осьмины «окунной мирской земли», которой владел «сверх своего тяглового повытка осьмины». Мирской сход обязал его, «чтоб по тяглу своему с трети осьмины в селе Цыбоеве пашню и сенные покосы управлял с миром», т. е. чтобы он своевременно отбывал барщину²⁷⁵.

Мир мог освободить крестьянина от всех или части платежей, приняв их уплату на себя. Повытье Егора Семенова в Засодимской вол. «преж сего (1680 г.— Е. Б.) было в мире во льготе»²⁷⁶.

²⁷³ ГАВО, ф. 496, д. 612, лл. 5 об.— 6 об.

²⁷⁴ Там же, д. 610, лл. 52—58 об.

²⁷⁵ Там же, д. 177, лл. 26 об.— 27.

²⁷⁶ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 107, л. 39 об.

Вероятно, мирской сход решал каждый конкретный случай о льготе. Платежи государственных налогов также контролировались миром в лице выборных. Значительно выросшие в первой четверти XVIII в. хлебные поставки на нужды армии община отдавала хлебным подрядчикам. В ноябре 1723 г. такой подряд с воложанином Котовым был заключен «на мирской сходке» в Засодимской вол. В апреле 1717 г. «приговорили мирские люди» Лежского волока, вероятнее всего, тоже на сходе отдать в подряд поставку ржаной муки для вологодского гарнизона²⁷⁷.

Итак, мирской сход в общине был действенным органом. Он рассматривал, обсуждал и решал насущные жизненные проблемы, связанные с одной из сторон его функционирования, тягло-фискальной. Эта тягло-фискальная, наиболее выпукло отразившаяся деятельность мирских сходов говорит о постоянно шедшем совершенствовании тяглообложения, т. е. о приведении в соответствие оклада с хозяйственными и трудовыми ресурсами крестьянского двора. Ведь размер тягла — это определитель участия крестьянского хозяйства в создании прибавочной стоимости, реализовавшейся в ренте вотчиннику и налогах государству. Именно поэтому на сходах, занимавшихся тяглообложением, присутствовали представители вотчинной власти. Несомненно, существовали и другие стороны деятельности мирского схода, о которых трудно судить из-за недостатка источников.

Мирской сход, как проследил В. А. Александров, существовал в общинах поместий Центра России с разным вотчинным режимом. Он на протяжении XVIII и в начале XIX в. сохранял свою дееспособность и активность. Земельно-тягловая разверстка оставалась одной из важнейших сторон его деятельности²⁷⁸.

Не менее существенной функцией мира, чем тяглообложение, было поддержание того порядка землепользования, который был установлен в какой-то момент времени сходом и закреплен приговором. Общинные власти следили за соблюдением этого порядка весь период его действия до очередного пересмотра и изменения. Они стремились прежде всего к тому, чтобы вся надельная земля находилась в пользовании крестьян. Появление запустевших участков, сопровождавшееся потерей тяглецов, падало на общинников дополнительных тяготы. Мир поэтому отдавал «пустые жеребья» заинтересованным крестьянам. В 1705 г. покинутый «в пугте» повыток крестьянина Засодимской вол. Никиты Елисеева «мирские люди велели ... старосте отдать в жило охочим людям»²⁷⁹. В 1713 г. староста и мирские люди с. Глубокое Спасо-Прилуцкого монастыря «отдали ржею посеять со всего мирского совету» одному из крестьян пустой «повыток» в дер. Кремлево²⁸⁰.

²⁷⁷ ГАВО, ф. 512, оп. 1, д. 184, л. 33 об.; ф. 496, д. 538, л. 1.

²⁷⁸ Александров В. А. Указ. соч., с. 130, 139, 151, 167, 169.

²⁷⁹ ГАВО, ф. 496, д. 261, л. 6.

²⁸⁰ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 73 (212), л. 124.

Община была свободна в распоряжении землями, покинутыми тяглецами. В случае необходимости она допускала переход крестьян из одних деревень на тяглые участки в другие²⁸¹, даже вплоть до заустения их старых деревень. Так было с дер. Лыково Николо-Озерского монастыря, которая в 1711 г. стояла вся «в пусте». В 1707 г. крестьян этой деревни «вывели» в разные деревни «мирские люди тое ... вотчины, староста вотчинной и выборные крестьяне». Переселение было совершено «по приговору мирских ... вотчинных крестьян»²⁸². Трудно сказать, чем было вызвано решение «запустошить» деревню. Возможно, оно диктовалось хозяйственными потребностями иметь резервные земли или стремлением к компактному расположению жилых деревень для удобства землепользования и отбывания монастырского издělья в условиях государственной мобилизации работоспособного населения крестьянских хозяйств.

Кроме заустевших участков, мир предоставлял крестьянам в освоение пустошные земли, бывшие, вероятно, в резерве у общины. В 1675 г. двум монастырским крестьянам дер. Хватуново с. Глубокое «отдали... все крестьяне Спасского приходу староста Кирило Васильев пустошь Темно посеять хлебом»²⁸³. Общеобщинный резервный фонд земель, постепенно вводимый в хозяйственный оборот отдельными крестьянскими хозяйствами путем первой расчистки, существовал в XVIII в., например, в ярославских, перехотских владениях Орловых²⁸⁴.

Приведенные факты свидетельствуют, что раздачу пустых земель староста осуществлял не только вместе с мирскими людьми, но и по их настоянию и «совету». Вероятно, среди мирских людей были общинные должностные лица и крестьяне-выборные. Решение об отдаче земель «из пуста» принимал если не сход, то расширенный состав компетентных общинников. Санкция мира на пользование такими землями была обязательной, иначе оно расценивалось как противозаконное и приравнивалось к насильственному захвату²⁸⁵. Вотчинная власть признавала право общины распоряжаться заустевшими надельными участками и землями на пустошах²⁸⁶.

Мирские люди непременно участвовали в разборе возникавших поземельных конфликтов. Крестьянские челобитные на имя архиепископа или игумена монастыря сообщают о междеревенских и междеревенских спорах по владению пашнями и сенокосами. Обращение к вотчинной власти за разрешением конфликта указывает на то, что он был не просто недоразумением. Давая

²⁸¹ ГАВО, ф. 496, д. 177, л. 29 об.

²⁸² Там же, д. 350, л. 3.

²⁸³ Там же, л. 58.

²⁸⁴ Александров В. А. Указ. соч., с. 230—231.

²⁸⁵ ГАВО, ф. 496, д. 322, лл. 2, 6 об.

²⁸⁶ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 73 (212), л. 124.

распоряжение приказчикам и посельским рассудить спорное дело, вотчинники, как правило, рекомендовали своим представителям в волостях действовать вместе с мирской властью. Одной из процедур разбора был досмотр спорных земель. К нему, кроме старост, целовальников, привлекались крестьяне-выборные. В 1697 г. были челом на своего однодеревенца восемь крестьян дер. Верхнево Глубоковского ключа Спасо-Прилуцкого монастыря, расчистившего «без делу» мелкие сенные покосы по р. Долгой и огородившего их так, что была перекрыта дорога к покотине. Власти монастыря «указали» посельскому старцу и двум приказчикам, «взяв с собою розных деревень выборных лутчих крестьян, и при тех крестьянех против сего челобитья розыскать ... и досмотреть»²⁸⁷. При архиепископе Гаврииле три крестьянина дер. Михалково (а в ней по переписи 1702—1703 гг. было три двора), т. е. вся деревня в лице ее дворохозяев, просили «во владенье лут деревни Оксенова», находившийся «под их деревнишкой». Архиепископ, так же как и монастырь, распорядился приказчику «с мирскими старостою и с выборными целовальниками и с вотчинными ж с лутчими многими людьми сенокосных михалцовских и оксеновских угодий досмотреть»²⁸⁸. Отсюда явно следует, что вотчинники признавали институт выборных третейских людей, желали видеть в нем «лутчих» крестьян, которые могли беспристрастно разобраться в деле. Ими бывали соседи, однодеревенцы челобитчика или крестьяне окрестных близлежащих деревень. Крестьяне-выборные, свидетельствовавшие в спорных делах, не могли быть родственниками ни одной из сторон, естественно, в силу возможной заинтересованности в деле. В 1678 г. в связи с потравой на подсеке, которую держал бобыль дер. Отметнино Тит Перетков, в памяти приказчику Лежского волока рекомендовалось: «А буде в третьих на досмотре протравы, которые люди ему Титу родственные люди были, и тех не допрашивать»²⁸⁹.

Выборные третейские люди обладали большим сельскохозяйственным опытом. Они умели «сметить» размер подсеки, росчисти или пожни, определить по взошедшему или растущему хлебу количество посеянного, будущий урожай, количество скашиваемого сена. В 1675 г. приказчик Глубоковского ключа Спасо-Прилуцкого монастыря «с отцом духовным и с понятыми» осматривали подсеку крестьянина дер. Чюглак, которой пытались завладеть двое крестьян дер. Орешницы. Досмотр пришлось на время, «как та моя подсека в грудах стала гореть и по пей проходу не стало». Точно измерить ее поэтому понятые не могли и «писали тое подсеки на три четверти», определив ее размер, видимо, близко к реальному²⁹⁰. В 1678 г. «третьи розных деревень»

²⁸⁷ ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 1327, л. 1.

²⁸⁸ Там же, Колл. 34, карт. 8, д. 106.

²⁸⁹ Там же, карт. 6, д. 110; см. также ф. 271, оп. 1, д. 1304.

²⁹⁰ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 73 (212), л. 54.

Лежского волока в количестве 11 человек, досматривавшие по- траву ячменя на пустошной подсеке уже упомянутого Тита Перет- кова, «приговорили три четверти»²⁹¹. В 1697 г. третейские и выборные люди Глубоковского ключа, «пришед на спорное ме- сто, на сенной ... покос», о котором конфликтовали крестьяне дер. Верхнево, установили, что «длина тому покосу вдоль по той речке (Долгой.— Е. Б.) на трои гоны, а поперег на го- ны»²⁹².

В июне 1685 г. мирские люди, староста волости Лежский волок, ценовальник и 22 крестьянина осматривали наволоку Долгая Бечев- ка по р. Леже, оспариваемый крестьянами деревень Константиново, Мигилево и починка Каршихи. И по их «смете ... станет сена ко- пец на полтретьцать. Да на том же наволоке лесом поросло ко- пец на десять»²⁹³. Столь большое число третейских выборных можно объяснить тем, что они представляли интерес трех дере- вень, имевших покосы на спорной пожне. В июне 1680 г. при- казчик той же волости и 18 человек «третьих» от девяти дере- вень осматривали спорный посев на пустоши архиепископских де- тей боярских Василия и Данилы Головковых. Приказчик по- ручил «третьим» «сметить, сколько на те полосы овса и льну мерою высаяно». Они определили, что было посеяно овса «по сме- те четверть», а льна «треть полуосьмины»²⁹⁴. Характерно, что третейские из крестьян, а не представители административно- вотчинного аппарата были привлечены для разбора спорного дела между архиепископскими слугами, хотя слуги из боярских детей погодно рассылались «на приказы» в волости, за свою практику рассмотрели не один поземельный конфликт и обладали достаточ- ным сельскохозяйственным опытом.

Порой поземельный конфликт, связанный с обнаружившимся несоответствием размера участка тяглому окладу, требовал изме- рения земли. В таких случаях к «мере» привлекались также третьи люди. В 1697 г. посельский старец Великоорецкого ключа Спасо-Прилуцкого монастыря, «взяв с собой ...» шестерых крестьян соседних деревень, приехал с ними в дер. Звягино для меры дворовой земли у Сергея Федорова. Последний прихватил у своих одподеревенцев братьев Никитиных часть земли дворовой, гумешной и распахал полевою межу. Однако «Сергей с сыном Ле- онтьем на меру не пошел, паддворовую землю мерить не дал, учи- вился силен».

Посельский «с теми же людьми» осмотрели межи и убе- дились, что они «ораны и привалены к Сергиевым полосам». При этом досмотре Сергей продолжал «чиниться силен», «лживил» монастырский указ, и «старца и третьих людей всякими речьями

²⁹¹ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 6, д. 110.

²⁹² Там же, ф. 271, оп. 1, д. 1327.

²⁹³ ГИМ, ОИИ, ф. 226, д. 23, л. 50.

²⁹⁴ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 7, д. 51.

поносил»²⁹⁵. По вытным книгам житника Савватия 1693 г. за каждым из четырех надельодержателей дер. Звягино, в том числе и за Сергеем Федоровым, значится земли по три осьмухи²⁹⁶. В этой книге С. Федоров записан один без сыпа. В рассматриваемом деле трижды подчеркивается, что Сергей действует вместе с сыном, причем сын упоминается так, как в других случаях посторонний. Вероятно, сын Сергея стал самостоятельным хозяином.

В 1720 г. посельский монах Глубоковского ключа Спасо-Прилуцкого монастыря вместе с мирским старостой и «соседьми» выяснили размер участка крестьянина дер. Хватуново Семена Иванова, имевшего по предположению его однодеревенца излишек и претендовавшего па него. Посельский «с теми людьми в поля ходили, излишние земли изыскивали и землю мерили. И по мере у Семена Иванова излишние земли не явилось». Челобитчик не удовлетворился результатом этого перемера и подверг сомнению добросовестность третьих. Посельский предложил челобитчику «звать других деревень добрых людей»²⁹⁷. Фраза документа о недоверии челобитчика действиям третьих: «соседи неправду сказали, и землю неправдою мерили» и предложение посельского обратиться к свидетельству крестьян соседних деревень показывают, что главными участниками в мере были как раз крестьяне. Роль посельского в данном случае была наблюдательной.

В упомянутом споре 1697 г. в дер. Звягино мирские люди не только измерили землю, но, как мы видели, проверили межи. Установление межей между деревнями и отдельными крестьянскими участками, поддержание их в порядке, а главное, их соблюдение контролировались миром. Так, в 1683 г. приказчик Лежского волока и мирские люди размежевали земельные участки крестьян дер. Иволина братьев Павла и Василия Митрофановых²⁹⁸. Досмотр «меж и межевых признаков, и земли, и угодий» под деревнями Рублево, Сычево, Паново и Опохино провели приказчик той же волости с большой (из 25 человек) группой мирских людей в 1682 г. Этот досмотр установил нарушение межей и порчу межевых знаков и рекомендовал «те грани подновить», что и было сделано²⁹⁹.

Мирские люди, как мы уже видели, свидетельствовали все земельные и имущественные сделки, совершаемые крестьянами.

Следовательно, наряду со сходом и должностными лицами — целовальниками, сотскими в жизни общины активно участвовали выборные крестьяне. Состав выборных расширился за счет соседей и третейских людей, привлекаемых старостой для решения насущных каждодневных задач.

²⁹⁵ Там же, ф. 271, оп. 1, д. 1341.

²⁹⁶ ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1, л. 20.

²⁹⁷ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 73 (212), л. 131.

²⁹⁸ ЛОИИ СССР, Колл. 34, карт. 6, д. 15.

²⁹⁹ Там же, карт. 7, д. 99, л. 4.

В компетенцию мирских властей входил достаточно широкий круг жизненно важных проблем. Их можно свести, не претендуя на исчерпывающее обобщение, к следующим: 1) выбор должностных лиц; 2) утверждение финансовой отчетности старосты; 3) тяглообложение; 4) переделы земли; 5) установление межей; 6) отдача земли «из пуста в жило». Их рассмотрение и постановления по ним закреплялись в мирских приговорах. Судя по приговорам о выборе старосты и о переделах земли (см. Приложения 3, 4, 5), они утверждались мирским сходом, после чего приобретали силу. Решение по какому-либо вопросу, закрепленное в приговоре, становилось для общины обычноправовой нормой, действовавшей либо до ее нового подтверждения и усовершенствования, либо пересмотра и отмены. Мирские приговоры отражали кодификационную деятельность общины. Они испытывали на себе воздействие вотчинной администрации, более сильное в вопросах тяглообложения и менее заметное в регулировании землепользования и поддержании его порядка.

Общинные власти руководствовались нормами приговоров. Следование им было обязательно и для крестьян³⁰⁰. Неисполнение норм квалифицировалось общинниками как «насильство». Время действия мирских приговоров было различным. Наиболее длительным был период функционирования приговоров о переделах в силу их редкости и эпизодичности. В течение года действовали приговоры о выборах старост, целовальников, сотских. Приговоры о снятии-накладе тягла, о межах могли действовать по нескольку лет, после чего пересматриваться.

Крестьянский мир обладал правом не только вырабатывать и постепенно совершенствовать внутриобщинные нормы, но и предъявлять свои требования представителям вотчинной администрации, облекая их в форму мирских челобитных. В литературе уже было обращено внимание на крестьянские челобитные, подача которых оценена как проявление связи общины с вотчиной³⁰¹. Наряду с этим они отражали пожелания мира как совокупного коллективного лица. Для суждения о требованиях, чаще всего выдвигаемых общиной на рассмотрение вотчинной власти, необходим комплекс мирских челобитных за какой-то промежуток времени. Не располагая таким материалом, отметим все-таки (на примере ограниченного числа мирских челобитных), что

³⁰⁰ В. А. Александров оценивает мирской приговор как важнейший юридический документ, обязывающий крестьян выполнять решения общины (Александров В. А. Указ. соч., с. 178).

³⁰¹ Раскин Д. И. Крестьянские челобитные в крупной монастырской вотчине в первой четверти XVIII в.— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сборник статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971, с. 187; Вдовина Л. Н. Крестьянские челобитные как источник по истории земельных отношений в монастырской вотчине первой половины XVIII в.— В кн.: Проблемы истории СССР, МГУ, Исторический факультет. М., 1973, с. 334.

феодалынные повинности и государственные платежи и их отбывание были одним из основных вопросов. В 1672 г. староста и «вся крестьяне» Спасского прихода с. Глубокое Спасо-Прилуцкого монастыря просили об отсрочке уплаты оброчного хлеба за пользование «пустошами и пустовытными повытками», мотивируя это тем, что они «пусто» окупают «по старым писцовым книгам»³⁰². В 1685/86 г. подали мирскую челобитную крестьяне этого же с. Глубокое о тяжести «изделя» — подводной (доставка хлеба) и дровяной повинностей. Они выдвинули радикальное требование, предложив властям: «поверстать во все вотчины наш повоз или ... с нас за двора не емлите»³⁰³, т. е. разложить подводную повинность на крестьян всех монастырских сел и ключей или, оставив ее, освободить от денежного платежа за дрова.

Реакция монастырской администрации непосредственно на эту челобитную неизвестна. Но то, что крестьяне с. Глубокое продолжали нести упомянутые повинности в последующие годы, видно из вотчинных прихода-расходных книг 1689/90 и 1692/93 гг.³⁰⁴ Об этом же свидетельствует и мирская челобитная 1691 г., поданная старостами — церковным и мирским, целовальником и всеми крестьянами Спасского прихода³⁰⁵. Она вызвана спором двух приходов — Спасского и Ильинского с. Глубокое о расходах, связанных с доставкой в монастырь ржи на крестьянских подводах. Так как конфликт о числе подвод с обоих приходов уже возникал, например, в 1680/81 г., то крестьяне Спасского прихода просили на будущее «раскостить» платежи с Ильинским приходом

Мирские челобитные крестьян Лежского волока от 1710 и 1717 гг. касаются государственных налогов. В 1710 г. крестьяне в количестве 140 человек, а в их лице вся община, писали о непомерно больших платежах 1709 г. на дачу работникам, солдатам и их обмундирование. Староста собирал налоги повытно, причем не по переписным книгам. Величина сборов (например, с 10 вытей по 160 руб.; по 80 руб.; по 70 руб.) вызвала недоверие мира к финансовой честности старосты. Крестьяне просили, чтобы такие сборы вотчинник санкционировал своим «указом»³⁰⁶. В 1717 г. крестьяне Лежского волока просили архиепископа об отсрочке на год платежа оброчного хлеба, ссылаясь на то, что они должны выполнить недоимку по поставке армейского провианта 1716 г. Их просьба была удовлетворена, однако с условием заплатить оброчный хлеб в срок, который установят староста с «лучшими людьми». В противном случае крестьяне должны будут внести оброчный хлеб в двойном размере³⁰⁷. Ха-

³⁰² ЛОИИ СССР, ф. 271, оп. 1, д. 845, л. 1.

³⁰³ Там же, д. 1111, л. 1.

³⁰⁴ ГАВО, ф. 512, д. 141, л. 11 об.; д. 150, лл. 7 об.— 8.

³⁰⁵ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 73 (212), л. 36.

³⁰⁶ ГАВО, ф. 496, л. 290, лл. 71—72 об.

³⁰⁷ Там же, д. 538, л. 1 об.

рактерна заключительная сентенция архиепископских властей, раскрывающая отношение вотчинника к уплате государственных налогов: «А царского величества указные всякие платежи отдавать... на сроки без всякого отлагательства, и впредь об отсрочке предложенных платежей челобитья не было б ...»³⁰⁸

Итак, мирские челобитные, являясь выражением коллективного самосознания общины, свидетельствуют об известной правомочности, которой располагали зависимые крестьяне.

Еще одним проявлением правомочности было участие крестьян в пограничных владельческих спорах. Вотчинная администрация, защищая свои земли от захвата их соседями, привлекала крестьян для подтверждения границ владения. Основанием для ссылки на принадлежность спорного участка одной из спорящих сторон были документы, а также свидетельство мирских людей. В 1711 г. возник конфликт о смежных пожнях по р. Сухоне между крестьянами архиепископской Засодимской вол. и Семена Протасьевича Неплюева. Крестьяне последнего, претендуя на пожни, обратились с челобитной к архиепископу и просили, «справясь с писцовыми книгами», провести досмотр границ и возвратить искомую землю. Досмотр границ смежных владений провели, имея выписку из писцовых книг 126, 127, 128 гг. (1617/18—1619/20 гг.), представитель архиепископа старец Исайя со старостой, целовальником и десятью выборными «лутчими» крестьянами. Мирские люди при разборе дела о пожне, оспариваемой помещичьими крестьянами, подтвердили ее смежность, а главное, давность владения ею: «косят в домовые Засодимские села многие годы, как память пх сяжет. А ... помещичьих крестьян тою папшю владенья не помнят, и спору от них о той папше и до ныне никакого не было»³⁰⁹.

В 1714 г. подобная ситуация возникла в другой архиепископской волости Лежский волок, где земли дер. Колотилишка были смежны с землями пустоши Сиверова, принадлежавшей Тимофею Осиповичу Лукичу. Четвертую часть этой пустоши более десяти лет подряд арендовал архиепископский крестьянин Иван Гаврилов. Т. О. Лукин стал оспаривать землю дер. Колотилишка. Мирской староста Лежского волока утверждал, что деревня «поселена в прошлых годах, в которых имянно, не упомнит, тому лет с пятьдесят и больше, па домовой земле, на рощистях деревни Мухина, а не на помещичьей земле пустоши Сиверова»³¹⁰. Крестьянин дер. Колотилишка Никита Кирилов заявил, что живет в ней «лет с сорок», а переселился в нее из другой деревни, «и до приходу ево та деревня Колотилишка поселена лет с десять и более на домовой земле ...» Живший в деревне 25 лет Иван Иванов также подтвердил, что она «построена ... на домовой зем-

³⁰⁸ ГАВО, ф. 496, д. 538, л. 1 об.

³⁰⁹ Там же, д. 350, л. 33—33 об.

³¹⁰ Там же, д. 411, л. 2.

де»³¹¹. Перепись архиепископских вотчин 1702—1703 г. свидетельствует, что дер. Колотилишка была почином Мухиным и основана «после писцов на четвертной пашне», т. е. после 1646 г.³¹²

Рассмотренные конфликты, к возникновению которых привела повседневная земледельческая деятельность крестьян, осваивавших вотчинные земли, являлись по своей сути межвотчинными. Феодалы в подобных тяжбах прибегали к показаниям крестьян, признавая тем самым их осведомленность в столь важном для вотчинника вопросе, как границы владения.

Крестьяне, помнившие состав и рубежи архиепископских земель за много лет, напоминают крестьян-«знахорей», участвовавших в судебных процессах XVI в.³¹³ Выступления крестьян в качестве экспертов, привлекаемых вотчинником к разрешению земельных конфликтов, можно считать вековой традиционной нормой.

Таким образом, в компетенции крестьянского мира находился довольно широкий круг вопросов, охватывавший почти все стороны хозяйственной жизни от тяглообложения до участия в сделках. Их решение проходило при общем контроле вотчинной администрации, степень которого, как было показано, зависела от важности разбираемого общиной вопроса.

³¹¹ Там же.

³¹² ГБЛ, ф. 354, оп. 1, д. 177—3, л. 435.

³¹³ *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история..., с. 112—113; *он же.* Крестьянская волость..., с. 89—90.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование крестьянского хозяйства в Вологодском уезде в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. позволило проследить ряд общих и частных закономерностей, свидетельствующих о тесной взаимосвязи между семейным составом крестьянского двора и его хозяйственными возможностями; между положением двора в феодальной вотчине и его взаимоотношениями с общиной.

Численность семьи не является абсолютно точным показателем для определения рабочих возможностей крестьянского двора. Семьи одинаковой численности могли насчитывать разное число работников. Поэтому только структурно-численный состав семьи дает наиболее четкое представление о количестве работников в отдельных крестьянских дворах (в частности, семьи более сложные по составу, чем малая индивидуальная семья, имевшие двести супружеские пары, располагали и большим числом работников). Структура семьи и ее типология позволили определить число трудоспособных в каждом дворе: так, в четырех наиболее характерных типах одного-двух работников имели семьи супругов с неженатыми детьми, двух-трех — семьи женатых братьев также с холостыми сыновьями, а трех-четыре — братские семьи с женатыми детьми или семьи с племянниками как отцовские, так и братские.

Далее устанавливается прямая взаимосвязь между числом работников и величиной крестьянского надела. Его размер определялся не общей населенностью двора и не количеством душ мужского пола вообще, а числом работников в нем. Дворы с большим числом семейных работников пахали и более крупные наделы. Такие дворы имели больше возможностей для внеземледельческих занятий.

Дворы, населенные наиболее типичными малыми индивидуальными семьями, пахали и наиболее характерные наделы в 4,5 дес. в трех полях, обложенные в $\frac{1}{4}$ выти.

Наконец, устанавливается соответствие между величиной посева и поголовьем рабочего скота. Из табл. 18, где крестьянские хозяйства сгруппированы по величине посева и поголовья рабочего и молочного скота, видно, что увеличение посева в одной

из хозяйственных групп по сравнению с другой сопровождалось пропорциональным возрастанием поголовья рабочего скота. Каждое хозяйство имело столько лошадей, сколько было необходимо для обработки именно того надела, которым оно располагало. Молочного скота было в два-три раза больше, чем рабочего. При определении степени зажиточности для рассматриваемого района и времени обеспеченность молочным скотом имеет даже большее значение, чем обеспеченность лошадьми, так как уже прослеживается определенная молочно-животноводческая специализация района.

Названные факторы, а именно: число работников во дворе, поголовье рабочего и молочного скота, величина надела и посева, определяют в совокупности состоятельность крестьянских дворов и их хозяйственные типы. Они же служат и показателями имущественного неравенства. Усиление или ослабление одного из факторов вело к изменению хозяйственного положения дворов. На основании этих факторов выявляются объем трудовых затрат собственно крестьянского хозяйства и его дополнительные рабочие возможности, используемые феодалом.

В процессе феодальной эксплуатации названные факторы в свою очередь испытывали воздействие вотчинного режима. Неполную занятость работников на пахоте, имевшиеся в крестьянском дворе резервные рабочие возможности, феодал использовал для расширения собственной запашки, увеличивая тем самым эксплуатацию зависимого населения, что препятствовало разрыванию крестьянского хозяйства на надельной земле. Возраставшая эксплуатация снижала экономический и жизненный уровень крестьянских хозяйств.

В последней четверти XVII в. производительные силы почти половины (около 45%) крестьянских хозяйств вотчина поглощала не полностью, в результате чего в ней по инициативе крестьян происходило освоение земель, возникновение новых поселений-починков, включение поднятых крестьянским трудом земель в состав окладных. Увеличение тягла, как выражение степени эксплуатации, шло двумя путями: 1) роста барской запашки и нормы барщины на двор; 2) расширения массива тяглых надельных земель.

В первой четверти XVIII в. производительные силы крестьянского двора были поставлены целиком на службу государству и вотчине. Вдвое повысившийся государственный палоговый гнет, сопровождавшийся таким же возрастанием феодальной эксплуатации, исчерпывали трудовые возможности крестьянского двора. Если в последней четверти XVII в. крестьянский двор обрабатывал 2,25—4,5 дес. надельной земли в трех полях и $\frac{1}{3}$ дес. барской пашни в год, а в 1702 г.— 1,6 дес., то в первой четверти XVIII в. при сохранявшейся величине надела ему приходилось обрабатывать на барщине уже 3,5 дес. Этот гнет усугублялся государственной мобилизацией мужчин в наиболее активном

рабочем возрасте. Все вместе взятое подрывало крестьянское хозяйство. В имущественном неравенстве обозначается крайне выраженная ступень — обнищание и разорение крестьянских дворов, а также запустение около половины из них, значившихся по переписи 1678 г. На долю дворов, сохранивших хозяйственную жизнеспособность, легла тяжесть как государственных, так и вотчинных повинностей убывших дворов. Справиться со всеми повинностями крестьянское хозяйство могло за счет реализации его рабочих резервов, сократившихся до минимума, и, по-видимому, за счет интенсификации труда.

В этой связи, несомненно, следует отметить следующее обстоятельство. За исследуемое время число крестьянских дворов сократилось наполовину за счет отлива населения в первой четверти XVIII в. Оставшиеся дворы сохраняли свои основные хозяйственные характеристики: число мужчин работников (один — три полных при одном неполном), величину надела (2,25—4,5 дес. в трех полях) и поголовье рабочего скота (одна-две лошади). Таким образом, в условиях Северной войны и безусловно возросшей частнофеодальной эксплуатации происходило не только повсеместное ослабление хозяйственных возможностей у исследуемого крестьянского населения в целом, но и полное разорение части крестьянства при сохранении другой его частью необходимого уровня хозяйства, обеспечивавшего простое воспроизводство.

Землепользование крестьянских хозяйств регулировалось общиной. Она представляла собой общину-волость в границах вотчины, причем прослеживается тенденция превращения ее в однодеревенскую. Одним из важнейших проявлений деятельности мира было проведение в исследуемое время уравнительных междеревенских переделов наделной земли для обеспечения платежеспособности по тяглым окладам. Эта область мирской деятельности, будучи связанной с феодальными повинностями, контролировалась вотчинной властью. Сферой, гораздо менее подвергавшейся контролю вотчинника, было крестьянское распоряжение земельными участками, носившее форму различных сделок: купли-продажи, обмена, отдачи. Совершение сделок стоит в непосредственной связи с землепользованием, и поэтому при любой форме перехода земли в другие руки к новому владельцу переходили и все повинности и платежи, лежавшие на участке. Все сделки осуществлялись на территории только своей общины и только в пределах вотчины.

Таким образом, можно считать, что среди вотчинного вологодского крестьянства продолжали сохраняться формы землепользования, связанные с традициями волостной поземельной общины, существовавшей в то время среди черносошного крестьянства Поморья.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Отписная книга владений М. Т. Кологривова 1705 г. с описью и оценкой имущества

Лета 1705-го февраля в...¹ день. По указу великого государя л. 378
царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя
и Белья Росии самодержца, и по грамоте ис Помесного приказу
за приписью дьяка Петра Вяземского, и по росписи и по наказной
памяти воеводы Гарасима Афонасьевича Карсакова да подьячего
Григорья Бирилева отставной дворянин Еремей Дмитриев сын
Мельников ездил в Вологодской уезд в Двиницкую волость, взяв
с собою понятых, сколько человек пригож. Да при тех понятых той
волости у Михайла Тимофеева сына Кологривово, что ему посту-
пился в 206-м году тесть ево Григорей Иванов сын Мячков за
дочерью своею в деревне Котласах з деревнями. А что четверт-
ная пашни не написано и пошлин, что доведетца взять неведомо
для того, что по городу по дачам за ним не сыскано. Велено за
те пошлины в поместье ево и в вотчине переписать села, и дерев-
ни, и пустоши помещиковы и вотчинниковы, и крестьянские,
и бобыльские, и задворные дворы и в них людей по имяном, и
всякой домовый завод, и хлеб молоченой и посеяной в земли и
всякую животину и лошади переписав, отписать на великого госу-
даря, и оценить вправду знатными и добрыми людьми, а оценя,
приказать беречь тех сел и деревень людям и крестьяном. А по-
мещиков и вотчинников и прикащиков ис тех поместей и вотчин
выслать вон, а кому имяны приказано будет беречь, и то в опис-
ных книгах написать имянно. И тому всему велено учинить опис-
ные и ценовные книги за своими и ценовщиков за руками. И те
книги привести на Вологду и подать в приказной избе воеводе
Герасиму Афонасьевичу Карсакову да подьячему Григорью Би-
рилеву. // И я посланной вышеписанного Михайлова поместья Ко- л. 378 об.
логривово, переписав в поместье ево крестьянские и бобыльские
дворы и в них людей по имяном и всякой домовый завод, и хлеб
молоченой и посеяной, и всякую животину. А переписав, отписал
на великого государя и оценили, а кто имяны у переписки были
и оценщики ценили и кому приказал беречь, и то писано в сих
описных и ценовных книгах ниже сего.

В деревне во дворе крестьянин Федор Леонтьев з братьями
с Евсеем, с Кондратьем, с Ларионом, с Андреем да з женою

¹ Число отсутствует.

Маврою, с сыном Денисом. У Кондратья жена Фекла, у Лариона жена Маланья.

У Федора з братьями на дворе избенко ветхая, против избенка сеник, между ими сарай, около двора забор. Цена тому всему дватцать алтын. В избе божия милосердия пять образов на краске, в избе ж жернова — цена два алтына, чаша да блюдо, ставец, три лошаки — цена две денги.

В сенике два серпа, две косы — цена шесть алтын четыре денги. На дворе скота: мерин кар — цена рубль, корова, два подтелка — цена сорок алтын, две овцы — цена шесть алтын четыре денги. В житнице ржи невейной четверть — восемь алтын две денги, овса четыре четверти — цена тритцать три алтына две денги, конопляного семени четверик — цена два алтына, ячмени полосмны — цена три алтына две денги. Житнице цена шесть алтын четыре денги. Насеяного хлеба в земли три четверика.

В дворе Пимин Степанов з братьями с Михайлом, с Елисеем да з женою Федосьею да з дочерью Уликою.

л. 379 На дворе избенко, против избенка сеник, между ими сарай, около двора забор // — цена рубль. В избе божия милосердия два образа на краске. В избе ж две катки — цена две денги, ставец, блюдо, четыре лошаки — цена две денги, ступа, два песта — цена шесть денег.

На дворе скота: кобыленко — цена шесть алтын четыре денги, две коровы — цена сорок алтын четыре денги, овца — цена три алтына две денги.

В житнице хлеба: ржи с осмину — цена восемь алтын, овса две четверти — цена шеснатцать алтын четыре денги, житнице цена шесть алтын четыре денги. Овин — цена пять алтын. Насеяного хлеба в земли три четверика.

В деревне Петровской во дворе крестьянин Федот Федотов с матерью Опросинькою з братом Иваном з женою Пестелинькою да з дочерью Маремьяной. На дворе: изба, против избы сеник около заплота. Цена тому всему сорок алтын. В избе и в сенике божия милосердия шесть образов на краске, жернова — цена десять денег, ступа, четыре песта — цена шесть денег.

В сенике солоду осмина — цена четыре алтына, кафтан серой — цена три алтына две денги, соли полпуда — цена два алтына, две косы — шесть алтын четыре денги, соха — цена три алтына две денги, три серпа — десять денег, шерсти фунта с четыре — цена два алтына, четыре берда — десять денег, два конца холстины — цена десять алтын, две рубашенки да портки мужские — цена восем алтын, топор — два алтына, два молотила — цена две денги.

На дворе скота: мерин рыж — цена два рубли, две коровы — цена сорок шесть алтын четыре денги, две свиньи — цена три алтына две денги.

В житнице хлеба: ржи три четверти — цена полтора рубли, овса осм четвертей — цена два рубли, гороху полосмны — четыре

алтына, семяни конопляного четверик — цена два алтына. Житнице цена десять алтын. Овин — шесть алтын четыре деньги.

Насеяного хлеба в земли два четверика, скоцкого корму: сена воза с три, соломы //овсяницы овин, ржаные соломы овин.

л. 379 об.

А в понятых и у переписки, и у оценки оценщики были тое ж волости соцкой Иван Деев Якимов, староста Тимофеева сына Малого Кирило Иванов Семенов, староста Елизарьева сына Жукова Петр Семенов, подъячего Ефимьев староста Богданова Малафей Осипов, Савин староста Михайлова сына Толчкова Алексей Денисов.

И те вышеписанные крестьянские ценовные дворы, и пожитки, и скот отданы соцкому Ивану Дееву и вышеписанным старостам в том, что стеречь и беречь им соцкому и старостам до указу великого государя и порухи никакой не учинить. А как впредь по указу великого государя тех вышеписанных пожитков и скотины спросят, и ему соцкому Ивану и старостам поставить тотчас, а буде не поставят или за их сторожею какая поруха учинитца, и на нем соцком и на старостах великого государя пеня и за те пожитки и за скот по оценке денги вдвое.

По листам разными почерками:

К сим отписным книгам и ценовным Двиницкой волости церковной дьячек Федор Семенов вместо понятых и ценщиков, кои в сих книгах имяны писаны, по их вельню руку приложил.

К сим описным книгам опищник отставной дваренин Еремей Дмнтреев сын Мельников руку приложил.

Скрепя: Приписал дьяк Григорей Бирилев.

ЦГАДА, ф. 1209, д. 14856, лл. 378—379 об.

Приложение 2

Приходо-расходная книга вотчинного старосты Спасо-Прилуцкого монастыря за 1687/88 г.

196-го году книга вотчинново старосты Кондратья Софонова, л. 1
а в ней пишет приход и росход вотчинным мирским деньгам.//

Лета 7196-го ноября в...¹ день Спасово-Прилуцкого монастыря л. 1
по указу государей наших властей архимандрита Ионы и келаря монаха Илариона Лазарева з братиею и по мирскому приговору вотчинной староста Кондратей Софонов розрубил во всю монастырьскую вотчину великих государей в подати в ямские и в полоняничные деньги, и в стрелецкой хлебной запас, и в прекормление московским отставным стрельцом, и в монастырьские изделья, и во всякне мирские годовые держи по четыре рубли с выти

¹ Число отсутствует.

и тем деньгам у кого что принято, приход в сой книге писан по статьям. //

л. 1 об.

Села Коровничья земские целовальники Шкифер Романов, Иван Логинов платили з дву вытей восемь рублев.

Выпряговские платили с выти, а принято у них тех податных денег три рубли тридцеть два алтына две денги. Завражные платят з дву вытей, а принято у них семь рублев дватцать один алтын три денги. Деревня Шишкино, а подати платят з трех четверух, а принято у них податных денег два рубли дватцать семь

л. 2 алтын пять денег. // Кулеберевские крестьяне платят подати з дву вытей, а принято у них шесть рублев девятнатцать алтын з деньгою. Никитинские крестьяне подати платят с трех вытей, а принято у них податей десять рублев дватцать семь алтын две денги. Копьевские крестьяне подати платят з дву вытей без четверти, а податей у них принято шесть рублев десять алтын пять денег.

Обакумовские крестьяне подати платят з дву вытей, а принято у л. 2 об. них податных денег пять рублев дватцать алтын две денги. // Петраковские крестьяне подати платят с выти, а принято у них податей три рубли семь алтын две денги. Бориловские крестьяне подати платят с выти и с четверти выти, а принято у них податей четыре рубли тринатцать алтын две денги. Труфаново — выть, а податей у них принято три рубли десять алтын. Красное — выть, а податей у них принято три рубли тридцать алтын. Ярыгинские

л. 3 крестьяне подати платят с полуторы выти, а принято у них податей пять рублев четыре алтыны з деньгою. Алексино — полторы выти, а принято у них податей четыре рубли шеснатцать алтын. Скорое — выть, а податей с тое выти принято три² рубли, ³ дватцеть два алтына две денги³. Новинки — полвыти, а податей с тое полувыти принято два рубли. Кожевниково — две выти, а принято у них податей шесть рублев дватцать семь алтын две денги. Гришино — полторы выти, а податей // у них принято пять рублев л. 3 об. тридцать один алтын з деньгою.

Великоричькой ключ — семнатцать вытей без четверти, а податей у великоричьково старосты у Матвея Иванова принято в розных приносах пятьдесят пять рублев девятнатцать алтын. ⁴ У него ж принял полтора рубли⁴. Погодаевской ключ — полчетверты выти, а податей у погодаевсково старосты у Василья Иванова принято в розных приносах одиннатцать рублев семнатцать алтын две денги.

Сергиевсково ключа староста Иван Сидоров платил с семнатцати вытей⁵ в розных приносах пятьдесят // один рубль пять алтын л. 4 четыре денги. Только платежу от него было в семнатцать вытей.

² Написано более светлыми чернилами.

³⁻³ Написано более светлыми чернилами.

⁴⁻⁴ Написано более светлыми чернилами.

⁵ Далее на полях написано более светлыми чернилами: платил.

Бурдуковского ключа староста Симон Федоров платил с семи вытей, а принято у него податей пятнатцать рублей тринацать алтын две деньги. ⁶ У него же денег принято полтора рубли две гривны ⁶. Лоптуновской ключ — шесть вытей, а податей принято у лоптуновсково старосты у Марка Естепиева в розных приносах дватцать три рубли шесть алтын четыре деньги. Да у него ж принял с пусто-вытка кортомных денег шеснатцать алтын четыре деньги. Ивановской ключ — полсемь выти, а податей // принято Ивановского ключа у старосты у Трофима Яковлева дватцать рублей дватцать девять алтын две деньги. Домшинской ключ — десять вытей, а податей у дом[шин]сково ⁷ старосты у Нестера Минеева принято в розных платежах тритцать восемь рублей дватцать три алтына две деньги. Богородкой ключ — пять вытей, Богороцково ключа староста Терентей Кондратьев платил податных денег в розных приносах оемьнатцать рублей дватцать три алтына две деньги. // Оларевской ключ — шесть вытей. Оларевсково ключа староста Кири-ла Мартьянов платил податные деньги в розных приносах дватцать рублей ⁸ десять алтын ⁸. Глубоковской ключ — одиннатцать вытей, а податных денег с них взято сорок четыре рубля.

л. 4 об.

л. 5

Генваря в 15 день занял в мирские держи у вологжанина у посадково человека у Якима Трухина пятьдесят рублей денег.

Апреля в...⁹ день занято у иноземца // восемьдесят семь рублей, а росписка дана в тех деньгах во сте рублех казначею монаху Иоакиму.

л. 5 об.

Дана кабала Семену Чадову в тритцати в семи рублех, а денег по ней не взято для того, что вынята кабала бывшего старосты Кондратья Григорьева в тритцати в трех рублех, а четыре рубли прибавлено на год росту.

Занято у кубенсково прикащика тритцать рублей, а в тех деньгах дана росписка казначею монаху Иоакиму.

По листам разными почерками:

К сим приходным книгам Кондрашко Софоиов руку приложил.

К сим книгам крылаской дьячек Ивашко Шмаков вместо ключевых старост, кои в сметной выписке имени писаны, кроме сергиевского старосты Сергия Федосова, по их веленью руку приложил.

К сим книгам старец Игнатей руку приложил.

К сим книгам приходным Данилко Телкин руку приложил.

К сим приходным книгам Митка Омельянов руку приложил.

К сим приходным книгам Никифер Романов руку приложил.

К сим кнгам Фетка Полиектов руку приложил. //

⁶⁻⁸ Написано другим почерком и более светлыми чернилами.

⁷ В рукописи: домского.

⁸⁻⁸ Написано более светлыми чернилами.

⁹ Число отсутствует.

л. 6 196-го году расход вотчинным мирским деньгам, держи вотчинно-ново старосты Кондратия Софонова.

В нынешнем во 196-м году государи наши власти келарь монах Иларион Лазарев з братнею благословили и указали мне Кондратью в монастырской своей вотчине быть в вотчинных старостах и мирской вотчинных крестьян дали мне за руками их выбор. И я Кондратей ходил к ним государем своим властем с почестию. Государю келарю монаху Илариону Лазареву несено почестей на четырнатцать алтын на две деньги. Казначею монаху Иоакиму Белозерцу на три алтына на две деньги. //

л. 6 об. Месяца ноября в 13 день шли Сыскново приказу два стрельца Роман с товарищем в Петряевскую волость в поместье Бориса Пушкина для подметново мертвого тела. Даны им две подводы до Кононова, платил за подводы Кондратью Григорьеву два алтына четыре деньги.

Того ж месяца в 15 день шел Сыскново приказу стрелец с наказом Алексей Иванов с товарищем в Троецкую треть для высылки соцких с крестоприводными деньгами, платил им за подводы и за кормеж восемь денег. Того ж числа Сыскново приказу стрельцы с наказом Петр Иванов с товарищем — в Михайловской стан в по-
л. 7 7 месте иноземца Аристарха // Тилбекова в деревню Есково для поголовных денег. Дана им подвода до Кононова, платил за подводу Ивану Глоту восемь денег, да стрельцом дано на хлеб две деньги.

Ноября в 17 день шли Сыскново приказу с наказом два стрельца Дементей Филипов с товарищем в село Георгиевское в поместье Ивана Судбехова для поголовных денег. Платил им за подводу и за кормеж деньгами восемь денег.

Ноября в 20 день ехал Сыскново приказу подьячей с наказом Иван Филипов, а с ним губной целовальник Анофрей Семенов да стрелец для целовальничья выбору и подможных денег, и езду платил, езду подьячему // и для выбору шесть алтын четыре деньги да стрельцу шесть денег. Да им же даны две подводы до Исакова, платил за подводы Ивану Глоту да Офонасьеву сыну Дойникова, платил им два алтына. Того ж числа ехал приказные избы подьячей Данило Стефанов с наказом, а с ним два стрельца в Петряевскую волость для выборов на целовальника и на сторожа и для подможных денег. Даны им две подводы до Кононова, платил за подводы Григорью Скорово два алтына четыре деньги. Того ж числа ехал Сыскново приказу подьячей с наказом Максим Никифоров, а с
л. 8 8 ним // два стрельца в семь волостей для выбору на целовальника и на сторожа и для подможных им денег. Даны им две подводы до Ярасимова, а свезли их проезжие крестьяне, платил им два алтына.

Ноября в 22 день шел подьячей сыскных дел от московсково подьячево от Афонасья Васильева с наказом Павел Родионов, а с ним стрелец в Двиницкую волость в поместье Афонасья Качкарова для сыскных дел. Дана им подвода до Ярасимова, платил за подводу Василью Глушицкому шесть денег.

Ноября в 28 день шел приказу Сыскных дел стрелец с наказом Иван Прокофьев с товарищем в розные волости для сопких // с крестоприводными деньгами. Дана им подвода до Исакова, платил за подводу Василью Корнилову восемь денег да стрельцом дал на колачи две деньги. л. 8 об.

На праздник Введения пресвятыя богородицы государю келарю монаху Илариону Лазареву несено почести на дватцать на шесть алтын на четыре деньги. Казначею монаху Иоакиму несено почести на шеснатцать алтын на четыре деньги. Келарским келейником три алтыны две деньги.

Того ж числа шел от московского подьячево сыскных дел от Афонася Васильева пристав с наказом, а с ним стрелец в Двиницкую волость в поместье // Ивана Путятина для сыскных дел. Дана им подвода до Ярасимова, платил за подводу Григорью Волку шесть денег. л. 9

Ноября в 30 день государю архимандриту Ионе несено на приезд почести колачей на три алтына на две деньги. Того ж числа на коровье дворе около скотцкой старой избы наймовал Аврама Скоровсково завалны соломою обволочи. Платил ему от того два алтына.

Месяца декабря в 1 день шли Сыского приказу два стрельца с наказом Самойло с товарищем в Васьяновскую волость в поместье Никиты Трегубова в деревню Ульяновскую для поголовных денег. Дана им подвода до Кононова, платил // за подводу Матвею Иванову восемь денег да стрельцом дал на колачи две деньги. Того ж числа шел стрелец Сыскново приказу с наказом Иван Голой с товарищем в Петряевскую волость в поместье Ивана Буторлина в деревню Юдинскую для поголовных денег. Дано ему на подводу и за кормеж шесть денег. л. 9 об.

Декабря в 6 день шел Сыского приказу стрелец с наказом Тимофей Иванов с товарищем в Сямскую волость в поместье Якова Сназина по крестьян по извету соцково. Дана подвода до Исакова, платил за подводу Ивану Глоту шесть денег да стрельцом скормил четыре деньги. //

Того ж числа шел сыскных дел от московского подьячево от Афонася Васильева пристав с наказом Леонтей Кунашев, а с ним стрелец села Никольсково Заболотья в поместье Лаврентья Булакова в деревню Жюково для сыскных дел. Дана им подвода до Конанова, платил за подводу Григорью Волку шесть денег. л. 10

Декабря в 9 день ехал Сыскново приказу подьячей с наказом Федор Качабуров, а с ним двое стрельцов для подможных денег опальные тюрьмы целовальника. И ездку с правеем платил, подьячему ездку шесть алтын четыре деньги, да двум стрельцом десять денег да две подводы даны им до Исакова. Платил // за подводы Ивану Глоту два алтына. л. 10 об.

Декабря в 10 день шел Сыскново приказу стрелец с наказом Осип Стефанов с товарищем в Закушской монастырь для поголовных денег. Дана им подвода до Исакова, платил за подводу Василью Глушицкому шесть денег да стрельцом скормил четыре

деньги. Того ж числа ехал из Сыскново приказу подьячей с наказом Дмитрий Родионов, а с ним трое стрельцов в Заболотье в поместье Богдана Нечаева в деревню Климкино для сыскных дел. Даны им две подводы до Кононова, платил за подводы Ивану Глоту два алтына четыре деньги. // Того ж числа ехал Сыскново приказу подьячей с наказом Василий Герасимов, а с ним пятнадцать человек стрельцов в Сямскую волость. Дано им восемь подвод, да выть у скоровских крестьян ели, платил за выть скоровским крестьяном пять алтын да за подводы им же платил восемь алтын.

л. 11

Декабря в 13 день шел Сыскного приказу стрелец с наказом Афонасей Григорьев с товарищем в Михайловской стан в деревню Белаково для поголовных денег. Дана им подвода до Кононова, платил за подводу и за кормеж восемь денег. Того ж числа ехал сыскных дел подьячей от московского подьячево от Афонася Васильева Павел Родионов с наказом да с ним стрелец // в семь волостей Ферапонтова монастыря в вотчину в деревню Строконье для сыскных дел. Дана им подвода до Ярасимова, платил за подводу Ваганову сыну шесть денег.

л. 11 об.

Декабря в 16 день наймовал на конюшенином дворе избу ломать и возить на шваленной двор Микиту Ведениева с товарищем, платил им за работу пятнадцать алтын. Того ж числа шли Сыскново приказу два стрельца с наказом Самойло с товарищем в Грибцовскую волость в поместье Ивана Агарева в деревню Устиновскую для поголовных денег. Дана им подвода до Кононова, платил за подводу Ивану Глоту шесть денег.

л. 12

Декабря в 18 день шел сыскных дел от московсково подьячево от Офонася Васильева пристав с наказом Леонтей Кунашев с товарищем в Ухтюскую волость в поместье Семена Бегичева для сыскных дел. Дана им подвода до Кононова, а сvez их заволосной крестьянин. Платил за подводу крестьянину шесть денег. Того ж числа шел из Сыскново приказу стрелец с наказом Григорей Давыдов с товарищем Уточеския волости в поместье иноземца Михайла Стрижевсково в деревню Мякишево для распросных речей пометново тела. Дана им подвода, платил за подводу Василью Глушицкому шесть денег. // Декабря в 19 день платил иноземцу Володимеру Иевлеву по двум кабалам бывшего старосты заем Кондратя Григорьева сто рублей денег и кабалы вынял.

л. 12 об.

Декабря в 24 день платил опальные тюрьмы целовальнику Гордию Микитину подможных ево денег на нынешней сто девяносто шестой год семь рублей семьнацать алтын пол-третьи деньги и отнись взята. Того ж числа платил опальные ж тюрьмы целовальнику Анофрию Семенову подможных иво денег с Верхних станков с Ыгумновы слободы два рубли десять алтын и отпись взята.

л. 13

На празник в день Рожества Христова // ходил в монастырь к государем своим властем с почестию. Государю архимандриту Ионе несено почести хлеб и иных почестей, всего на дватцать на шесть алтын на четыре деньги. Государю келарю монаху Илариону Лазареву хлеб — два алтына четыре деньги да пуд меду — цена

тридцать шесть алтын четыре деньги. Казначею монаху Иоакиму снесено почести на шеснатцать алтын на четыре деньги. Казенному подьячему Матфею Стефанову хлеб — десять денег да туша — шеснатцать алтын четыре деньги. Михайлу Родионову три алтына две деньги. // Стряпчему Ивану Ощерину хлеб — два алтына, полоть свиной — десять алтын. Ясельничему снесено почести на три алтыны на две деньги. Архимандритовым келейником три алтыны две деньги. Келарским келейником три алтыны две деньги. л. 13 об.

Розвоз почестям во граде начальным людем. Стольнику и воеводе Андрею Борисовичю Змеову хлеб — два алтына четыре деньги, туша говяжья — тридцать шесть алтын четыре деньги, да две туши свиных — цена сорок алтын. Стольнику и воеводе Веденихту Борисовичю // полоть свиной — десять алтын. Дворецкому и конюшему их — три алтыны две деньги. Людем их — три алтыны две деньги, жильцом — десять денег, денщиком — четыре деньги. Дьяку Алексею Протопопову хлеб — два алтына четыре деньги, туша говяжья — рубль, туша свиная — дватцать алтын. Людем ево и жильцом во весь двор — три алтыны две деньги. Городничему Игнатию Паюсову хлеб — два алтына, полоть свиной — восемь алтын. л. 14

Приказные избы подьячим. Софону Васильеву хлеб — два алтына, // полоть свиной — восемь алтын две деньги. Детям его дву сыном — деньгами шесть алтын четыре деньги. Ивану Дьяконову хлеб — два алтына, полоть свиной — восемь алтын две деньги. Максиму Иевлеву — хлеб два алтына, полоть свиной — восемь алтын. Брату ево Григорью полоть — пять алтын четыре деньги. Федору Семенову хлеб — два алтына ¹⁰, полоть свиной — шесть алтын четыре деньги. Ивану Михайлову хлеб — два алтына, полоть свиной — восемь алтын. Василью Макарьеву хлеб — два алтына, полоть — восемь алтын две деньги. Федору Васильеву колачей на шесть денег, // полоть свиной — пять алтын четыре деньги. Московскому подья- л. 14 об.

чему Афонасию Васильеву хлеб — два алтына, туша свиная на весь двор — цена двенатцать алтын четыре деньги. Григорью Малиеву хлеб — два алтына, полоть свиной — восемь алтын. Василью Герасимову хлеб — десять денег, полоть свиной — шесть алтын четыре деньги. Дмитрею Родионову — деньгами пять алтын. Федору Никиферову — три алтыны две деньги. Брату ево Максиму — пять алтын. Алексею Шемякину — пять алтын. Ивану Бурцову — пять алтын. // Андрею Подольскому — пять алтын. Федору Родионову — пять алтын. Данилу Стефанову — три алтыны две деньги. Павлу Родионову — три алтыны две деньги. Федору Качабурову — три алтыны две деньги. Федору Тебякину — три алтыны две деньги. Акинфиевской жене Стефаниде хлеб — десять денег, полоть свиной — шесть алтын четыре деньги. Полевщику Александру Богдановичю Шехонскому хлеб — два алтына, полоть свиной — шесть алтын четыре деньги. // Подьячему Карпу Тороканову деньгами — два алтына. Конюху Михаилу Фрязину хлеб — десять л. 15

л. 15 об.

л. 16

¹⁰ В рукописи: алтын.

денег, полоть свиной — шесть алтын. Другому конюху Ивану Александру хлеб — десять денег, полоть свиной — пять алтын. Федору Воробьеву хлеб — десять денег, полоть свиной — пять алтын.

Сыскных дел от московского подьячево Афонасья Васильева шел пристав с наказом Петр Кунашев, а с ним стрелец в Сямскую волость в поместье Василья Ленина для сыскных дел. Дана им подвода до Исакова, платил за подводу Василью Глушицкому шесть денег. //

л. 16 об.

Декабря в...¹¹ день шел Сыскново приказу стрелец с наказом Тимофей Иванов с товарищем в Пустораменскую волость в поместье Федора Долматовых для поголовных денег. Дана им подвода до Конанова, а свез их проежей крестьянин, платил за подводу шесть денег. Того ж числа ехал Сыскново приказу подьячей с наказом Данило Стефанов, а с ним четыре человека стрельцов Кумозерской волости по извету соцково сыскных дел на крестьян. Даны им три подводы до Кононова, свез их Иван Глот с проежими крестьяны, платил им за подводы три алтыны. //

л. 17

В праздник в день Рожества Христова приходили из монастыря черные священники Христа славить, платил им десять денег. Того ж числа приходили николаевские священники Христа славить, платил им три алтыны две деньги. Того ж числа приходили из монастыря крылашские дяки Христа славить, платил им три алтыны две деньги. Дал к Николе чюдотвор[цу]¹² в новую церковь две окончины — цена два рубля тринацать алтын две деньги.

Месяца генваря в 3 день платил губному целовальнику Анофрию Семенову на нынешней сто девяносто шестой год подможных ево денег десять рублей дватцать девять алтын пять денег и отпись взята.

л. 17 об.

Генваря в 5 день шел стрелец из Сыскново приказу с наказом Алексей Иванов с товарищем // в Корньскую волость в поместье Павла Семенова сына Домнина в деревню Осминской для соцково и следовой записки. Платил им за подводу деньгами четыре деньги. Того ж числа шел от московского подьячево от Афонасья Васильева подьячей Павел Родионов с наказом, а с ним стрелец в Томашскую волость в розные поместья для сыскных дел. Дана им подвода, платил за подводу Григорью Волку до Конанова восемь денег.

л. 18

Генваря в 8 день губной избы целовальник Анофрей Семенов да подьячей Дмитрий Родионов шли с наказом, а с ними пять человек стрельцов в Сямскую волость для государева дела. Даны им три подводы до Исакова, // платил за подводы Ивану Глоту да проежим крестьяном три алтыны. Того ж числа на конюшенном дворе старой избы на пустом месте наймовал конюхов отвод делать и забор забрать и в ьных розных стаях. Платил им от того пять алтын.

¹¹ Число отсутствует.

¹² В рукописи: чюдотвор.

Генваря в 15 день платил по кабале Акинфиевской жене Ермолаева вдове Стефаниде пятьдесят рублей денег займов бывшего старосты Кондратя Григорьева, а и кабалу вынял. Да ей же почести несено на три алтына на две деньги.//

Генваря в 16 день шел Сыскново приказу стрелец с наказом Онтон Сидоров с товарищем в Замошскую волость в поместье Ивана Загрясково в деревню Середнюю для поголовных денег. Дана им подвода до Ярасимова, платил за подводу Ивану Глоту шесть денег. л. 18 об.

Генваря в 18 день шел подьячей от московского подьячево от Афонася Васильева Петр с наказом, а с ним пристав Леонтей Прокофьев в Двиницкую волость для сыскных дел. Дана им подвода до Ярасимова, платил за подводу Ваганову сыну шесть денег.

Генваря в 25 день ехал осадной голова из Сыскново приказу с наказом Игнатей // Паюсов, а с ним подьячей Василей Макарьев да десять человек стрельцов в розные поместья и вотчины розыскивать разбойных и татинных дел и про всяких прибылых и воровских людей. Платил ему от скаски и за подводы деньгами десять алтын, подьячему Василью Макарьеву три алтыны четыре деньги, стрельцам дал па хлеб восемь денег да двум стрельцом дана подвода до Исакова, платил за подводу Василью Глушицкому шесть денег. л. 19

Генваря в 29 день шел стрелец Сыскно[во] ¹³ приказу с наказом Дмитрией Стефанов с товарищем в Рубежскую волость в поместье Бориса Буторлина для соцково и следовых записок. Дана им подвода до Ярасимова, // а подвода была мимоезжево крестьянина, платил за подводу четыре деньги. Того ж числа шел подьячей от московского подьячево от Афонася Васильева с наказом Яким Васильев, а с ним двое стрельцов Подольного монастыря в вотчину и в быния в розные поместья для сыскных дел. Дана им подвода до Исакова, платил за подводу Ваганову сыну шесть денег. л. 19 об.

Генваря в 31 день платил на Москве великих государей в житницы стрелецкой хлеб и отпнсь взята. А платил подрядчик Иван Ощерин с товарищем. Дано им по поряде денег сто дватцать семь рублей с полуденьгою и с полупирогом.

Месяца февраля в 2 день шел стрелец // из Сыскново приказу с наказом Артемей Елфимов с товарищым в Сямскую волость в поместье Михайла Шестакова для следовой записки, платил им на подводу четыре деньги. л. 20

Февраля в 5 день ехал сыскных дел подьячей с наказом Максим Микифоров, а с ним губной целовальник Павел да три человека стрельцов для государева дела. Даны им две подводы до Конанова, платил за подводы Ивану Глоту да мимоезжему крестьянину два алтына.

Февраля в 9 день ехал осадной голова Игнатей Паюсов с наказом, а с ним пять человек стрельцов для сыскных дел // в розные волости. Даны им три подводы до Конанова, платил за подво- л. 20 об.

¹³ В рукописи: сыскно.

ды Григорью Волку с товарищы три алтыны. Того ж числа шел стрелец из Сыскново приказу с наказом Иван Петров с товарищем в Пелшемскую волость в деревню Шанютину для соцково, платил им за подводу и на кормеж шесть денег.

Февраля в 13 день на конюшенном дворе наймовал починивать ворота Стефана Порфеньева, платил ему от починки четыре деньги. Того ж числа шел от московсково подьячево от Офонася Васильева подьячей Павел Родионов да стрелец с наказом в Лещевскую // л. 21 волость для сыских дел, платил им за подводу и за кормеж восемь денег.

Февраля в 14 день шел стрелец Сыскново приказу с наказом Андрей Вавилин с товарищем Ивановы Слободы в поместье Дмитрея Бибикова в деревню Семеновскую для поголовных денег. Дана им подвода до Конанова, платил за подводу Григорью Волку шесть денег.

Февраля в 15 день платил разбойной тюрьмы сторожу Лариону Софонову на нынешней сто девяносто шестой год подможных сво денег девять рублей дватцать девять алтын пять денег и отпись взята во всех деньгах того платежу сполна. // Того ж числа шел стрелец из Сыскново приказу с наказом Федот Семенов с товарищем ¹⁴ волости в поместье князь Никиты Шехонсково в деревню Мякишеву для поголовных денег. Дана им подвода до Конанова, платил за подводу Григорью Волку шесть денег. Того же числа ехал подьячей Сыскново приказу с наказом Данило Степанов, а с ним два человека стрельцов в Устюскую волость по извету соцково на крестьян. Дана им подвода до Конанова, платил за подводу Ивану Глоту восемь денег.

Февраля в 19 день платил на Москве // в Ямском приказе на нынешней сто девяносто шестой год ямских и полонянничных денег со всей монастырьской вотчины пятьдесят восемь рублей тритцать алтын и отпись взята. По указу великих государей и по грамотам платил московским отставным стрельцом двенатцати человеком на одежду и на обувь и за хлебные запасы по три рубли по тритцати алтын человеку, итого всего плачено в один перечень сорок шесть рублей дватцать шесть алтын четыре деньга. Да по скаске подрядчиков Ивана Ощерина с товарищем, будучи они на Москве, отбывая от третьего на десять // стрельца, на корм издержали денег дватцать три алтыны две деньга, и те деньга им подрядчиком плачены. Да служных и в служебничьих поворотных деньгах в ямских и в полонянничных имали их подрядчиков в Ямской приказ, и от того они издержали тритцать алтын. И дано им в те деньга в подмогу восемь алтын две деньга.

Февраля в 25 день шел от московсково подьячево от Офонася Васильева подьячей с наказом Леонтей Прокофьев, а с ним стрелец в Томашскую волость в поместье думново Гаврила Григорьева

¹⁴ Далее оставлено место для одного слова.

сына Пушкина в деревню Шанеху // для сыскных дел. Дана им подвода до Конанова, платил за подводу Григорью Волку шесть денег. л. 23

Февраля в 28 день шел стрелец из Сыскново приказу с наказом Лука Григорьев с товарищем [в] ¹⁵ Богословское Заболотье для соцково. Дана им подвода до Конанова, платил за подводу Ивану Глоту шесть денег да на колачи дал две деньги. Того же числа шел стрелец из Сыскново приказу с наказом Иван Голый с товарищем в Заднее село Георгиевское в поместье Ивана Путятина в деревню Павловской для поголовных денег, платил им за подводу и за кормеж шесть денег. //

Февраля в 29 день шел стрелец из Сысского приказу с наказом Карп Иванов с товарищем в Корнскую волость для высылки записки следовой в приказ. Платил им на подводу шесть денег. Того ж числа шел стрелец из Сыскново приказу с наказом Дмитрий Степанов с товарищем в Сянжемскую волость в поместье иноземца Постника ¹⁶ для поголовных денег, платил им за подводу и за кормеж шесть денег. л. 23 об.

Месяца марта в 6 день шел подъячей от московского подъячево от Офонася Васильева с наказом Павел Родионов, с ним стрелец // в волость для сыскных дел в разные поместья. Дана им подвода до Исакова, платил за подводу Василью Глушицкому шесть денег. л. 24

Марта в 8 день шел стрелец Сыскново приказу с наказом Дементей Филипов с товарищем Боровецкие волости в поместье князь Андрея Никитича в деревню Порогову для сыскных роспросных речей, платил им за подводу и за кормеж шесть денег. Того ж числа шел от московского подъячево от Офонася Васильева пристав с наказом Леонтей Кунашев, а с ним стрелец в Богтюзскую волость в поместье // Петра Борятинского для сыскных дел. Дана им подвода до Конанова, платил за подводу Григорью Волку шесть денег. Как приехал к Вологде стольник и воевода Яков Иванович Дивов, несено ему на приезд почести: хлеб — два алтына четыре деньги да рыбы на восемь алтын. л. 24 об.

Марта в 21 день шел стрелец Сыскново приказу с наказом Иван Кондратьев с товарищем Рабансково монастыря в вотчину для поголовных денег. Дана им подвода, платил за подводу Ивану Глоту шесть денег.

Марта в 19 день шел стрелец Сысского // приказу с наказом Михайло Парфеньев в Кумозерскую волость для роспросных речей, соцково и следовых записок. Платил ему за подводу четыре деньги. По челобитью вологжанина посадцково человека Мирона Рожина на монастырьсково крестьянина на Олешку Павлова, что жили в деревне на Шишкине, в татином деле, и искал он Мирон на нем ста осмидесяти рублей. И против ево Миронова челобитья он Олешка л. 25

¹⁵ В рукописи отсутствует.

¹⁶ Далее оставлено место для одного слова.

пытан и во всем он вишился и, отбывая ево Миронова иску, платежу вытей несено почести воеводе Якову Ивановичю Дивову: хлеб — два алтына и четыре деньги, рыбы корыто — тринадцать алтын две л. 25 об. деньги да деньгами пять рублей. // Дияку хлеб — два алтына, рыбы па десять алтын да денег рубль, подъячему Григорью Малиеву от выписки того дела, ходил к нему с почестию, нес коврижку — цена три алтына две деньги да деньгами шеснатцать алтын четыре деньги.

Месяца апреля в 3 день платил по кабале колмогорцу Федору Черепанову заем бывшего старосты Кондратя Григорьева тритцать рублей и кабалу вынял. Да он же Федор взял на мне убытков своих сорок алтын, что ему в челобитье том на архиерейском дворе учинилось.

л. 26 Шел подъячей Павел Родионов // от московсково подъячево от Офонася Васильева с наказом, а с ним пристав Леонтей Прокофьев в Васьяновскую волость для сыскных дел, платил им за подводу и за кормеж десять денег.

Апреля в 6 день шел стрелец Сыскного приказу с наказом Петр Иванов с товарищем в Грибцовскую волость для следовых записок. Дал им на подводу шесть денег. Того же числа шел стрелец Сыскного приказу с наказом Михайло Павлов с товарищем в Раменскую волость в поместье Андрея Козловского для поголовных денег. Дал им за подводу десять денег. //

л. 26 об. Апреля в 8 день шел стрелец Сыскного приказу с наказом Семен Иванов с товарищем в Сянжемскую волость в поместье Якова Рогуновского для сыскных дел, платил им вместо подводы два алтына.

Апреля в 9 день шли Сыскного приказу с наказом восемь человек стрельцов в розные волости для высылки соцких на Вологду с наказами и для сказок. Дал им вместо подвод деньгами восемь алтын.

В светлое христово воскресение ходил в монастырь с почестию. Государю архимандриту Ионе хлебных почестей всег[о]¹⁷ на двадцать на шесть алтын на четыре деньги. // Государю келарю монаху Илариону Лазареву хлеб — два алтына четыре деньги да пуд меду — цена тритцать шесть алтын четыре деньги. Казначею монаху Иоакиму хлеб — два алтына да ведро вина — шеснатцать алтын четыре деньги. Конюшему монаху Вавиле¹⁸ хлеб — два алтына. Дворецкому хлеб — десять денег. Ясельничему Родиону Кирьянову хлеб — десять денег. Казенному подъячему Матфею Стефанову хлеб — десять денег да деньгами восемь алтын две деньги. Михайлу

л. 27 об. Родионову — три алтыны две деньги, // архимандритовым келейником — три алтына две деньги. Келарским келейником — три алтыны две деньги. Стряпчему Ивану Ощерину хлеб — два алтына,

¹⁷ В рукописи: всег.

¹⁸ Написано другим почерком и более светлыми чернилами.

боран — шесть алтын четыре деньга. Конюхом дал на праздник десять денег.

Розвоз на праздник почестям во граде начальным людем. Стольнику и воеводе Якову Ивановичю Дивову хлеб — два алтына четыре деньга, боран — восемь алтын две деньга. Держальнику ево Андрею Гневашеву // три алтына две деньга. Дворецкому и конюшему ево — три алтыны две деньга. Людем ево во весь двор — два алтына, денщиком — четыре деньга. Городничему Игнатю Паюсову хлеб — два алтына, боран — шесть алтын четыре деньга. Дияку Алексею Протопопову хлеб — два алтына четыре деньга, боран — восемь алтын две деньга. Людем ево и жильцом во весь двор — три алтыны две деньга. Денщику и приворотнику — четыре деньга.

Приказныя избы подъячим. Софону Васильеву хлеб — два алтына // четыре деньга, боран — шесть алтын две деньга. Детем ево двум сыном — шесть алтын четыре деньга. Ивану Дияконову хлеб — два алтына, боран — семь алтын. Максиму Иевлеву хлеб — десять денег, боран — шесть алтын. Григорью Иевлеву — пять алтын. Федору Семенову хлеб — два алтына, боран — пять алтын четыре деньга. Ивану Михайлову хлеб — десять денег, боран — пять алтын четыре деньга. Василью Макарьеву хлеб — десять денег, боран — шесть алтын четыре деньга. Федору Софонову — пять алтын. Московскому подъячему Афонасию Васильеву // хлеб — два алтына четыре деньга, боран — восемь алтын две деньга. Двум приставом московским — десять денег. Федору Воробьеву хлеб — два алтына, боран — пять алтын четыре деньга. Григорью Малиеву хлеб — два алтыны, боран — шесть алтын четыре деньга. Дмитрию Родионову — пять алтын. Федору Родионову — пять алтын. Василью Герасимову хлеб — десять денег, боран — пять алтын четыре деньга. Федору Никифорову — три алтыны две деньга. Максиму Никифорову — три алтыны две деньга. Алексею Шемякину — три алтын две деньга. // Ивану Бурцову — три алтыны две деньга. Андрею Подольскому — три алтын две деньга. Павлу Родионову — три алтын две деньга. Федору Качабурову — два алтына. Федору Тебякину — три алтына две деньга. Полевщику Александру Шехонскому хлеб — два алтына, боран — пять алтын, подъячему Павлу Тороканову — два алтына. Конюху Михайлу Фрязину хлеб — десять денег, боран — пять алтын. Другому конюху Ивану Александрову хлеб — десять денег, боран — пять алтын.

Апреля в 20 день шел от московского подъячево // от Офонася Васильева пристав с наказом Леонтей Кунашев с товарищем в Корнскую волость для сыскных дел, платил им на подводу десять денег.

Апреля в 25 день шел от него ж московского подъячево подъячей Павел Родионов с наказом, а с ним стрелец. А шли Рабапсково монастыря в вотчину для сыскных дел. Даны им две подводы, платил за подводы Григорью Волку два алтына. Того ж числа Сыскново приказу ехал подъячей Данило Стефанов с наказом, а с ним два человека стрельцов да губной избы целовальник в Сямскую во-

л. 30 об. лость // для сыскных дел. Подъячему дана подвода, платил за подводу Ваганову сыну десять денег, а стрельцом и целовальнику дал за подводы три алтыны.

Апреля в 30 день шел стрелец Сысского приказу с наказом Иван Афонасьев с товарищем в Ухтюзскую волость в поместье Осипа Чемоданова для роспросных речей. Даны им две подводы, платил за подводы Григорью Волку два алтына четыре деньга.

л. 31 Приставливал Семен Макаров по кабале в деньгах займов бывшего старосты Кондратья Григорьева и от него учинилось // убытков шесть алтын четыре деньга. Ходил к нему Семену на дом с почестию, бил челом об отсрочке и о договоре вновь переписать кабала. Да как приставливал, убытков учинилось два алтына четыре деньга.

л. 31 об. Месяца мая в 8 день шел стрелец Сысского приказу с наказом Алексей Иванов с товарищем в Томашскую волость в поместье Федора Мозолева для следовой записки, платил им за подводу шесть денег. Того же числа шел от московско подъячево от Афонасья Васильева пристав с наказом, а с ним стрелец в Васьяновскую // волость в разные поместья. Даны им две подводы до Конанова, платил за подводы Григорью Волку два алтына четыре деньга.

Мая в 10 день шел Сысского приказу стрелец с наказом Герасим Михайлов с товарищем в Пельшемскую волость для следовой записки, платил им на подводы шесть денег.

л. 32 Майя в 20 день шел стрелец из Сысского приказу с наказом Федот Трофимов с товарищем в Сямскую волость в поместье Алексея Кокодинского для поголовных денег. Платил им на подводу восемь денег. // Ходил к Семену Макарову с новою кабалою на дом, нес ему почести на три алтына на две деньга. Того ж числа шел от московского подъячево от Офонасья Васильева подъячей Павел Родионов с наказом да пристав в Корнскую волость в разные поместья для сыскных дел. Даны им две подводы, платил за подводы Григорью Волку с соседом два алтына четыре деньга.

л. 32 об. Мая в 28 день ехал Сысского приказу подъячей с наказом Данило Стефанов, а с ним два человека стрельцов для высылки соцких с наказами, а ехали в Петряевскую волость. // Подъячему дана подвода, платил за подводу Ивану Калинину восемь денег, а стрельцом платил за подводы деньгами два алтына. Того ж числа ехал подъячей Федор Тебякин, а с ним два стрельца в Корнскую волость. Даны им три подводы, платил за подводы Григорью с соседями три алтыны две деньга.

л. 33 Майя в 29 день ехал Сысского приказу подъячей с наказом Максим Микифоров, а с ним два стрельца в Кубенскую волость для высылки же соцких с наказами. Подъячему дана подвода, платил за подводу Василью Ваганову // восемь денег, а стрельцом дал за подводы десять денег. Того ж числа шел стрелец Сысского приказу с наказом Ивип Тимофеев с товарищем в семь волостей для высылки ж соцких. Платил им на подводы и за кормеж десять денег.

Наймовал лодью ходить по монастырьские дрова, а ридил со

всякие сажени по два алтына по четыре деньги, а в лодье дров по дватцати по семи сажень, а денег на лодью по порядку по два рубли по пяти алтын по две деньги. А всего дров восемь лодей, а денег плачено всего семьнатцать рублей девять алтын две деньги. // Нанял Великорецково ключа крестьян Матвея Иванова да Агея Иевлева припровадить водою к монастырю дрова и бревна и по ряде той и деньги им дал четыре рубли, а в той проватке на них запись взята. л. 33 об.

Месяца июня в 5 день ходил к стольнику и воеводе к Якову Ивановичю Дивову на двор на соцково с наказом и скаскою о дворех. Песено ему почести хлеб — два алтына четыре деньги, рыбы на тринатцать алтын на две деньги да денег три рубли с полтиною. Держальником ево — три алтына две деньги, дворецкому и конюшему — три алтыны две деньги, людем ево на весь двор — два алтына четыре деньги, // денщиком — четыре деньги. л. 34

Июня в 10 день шел стрелец Сыскново приказу с наказом Петр Стефанов с товарищем в Заболотье в поместье Федора Болдырева для поголовных денег, платил им на подводу шесть денег.

На праздник Петра и Павла ходил в монастырь к государем своим властем с почестию. Государю архимандриту Ионе хлеб и иных почестей — всего на дватцать на шесть алтын на четыре деньги. Государю келарю монаху Илариону Лазареву хлеб — два алтына четыре деньги да пуд меду — цена тритцать шесть алтын четыре деньги. // Казначею монаху Иоакиму хлеб — два алтына да полведра вина — восемь алтын две деньги. Казенному подьячому Матфею Стефанову боран — шесть алтын. Архимандритовым келейником — три алтыны две деньги. Келарским келейником — три алтыны две деньги. Стряпчему Ивану Ащерину хлеб — восемь денег, боран — шесть алтын. л. 34 об.

Розвоз во граде начальным людем. Стольнику и воеводе Якову Ивановичю Дивову хлеб — два алтына четыре деньги, боран — восемь алтын две деньги, держальником ево — два алтына, // дворецкому и конюшему ево — два алтына, жилцом — десять денег, денщиком — четыре деньги. Дияку хлеб — 2 алтына четыре деньги, боран — шесть алтын четыре деньги, людем ево во весь двор — три алтына две деньги, денщиком — две деньги. Городничему Игнатью Паюсову хлеб — два алтына, боран — пять алтын четыре деньги. л. 35

Приказные избы подьячим. Софону Васильеву хлеб — два алтына, боран — шесть алтын четыре деньги. Сыну ево — три алтыны две деньги. Ивану Дьяконову хлеб — два алтына, боран — семь алтын. Максиму Иевлеву хлеб — два алтына, боран — шесть алтын. // Григорью Иевлеву — пять алтын. Федору Семенову хлеб — десять денег, боран — пять алтын четыре деньги. Ивану Михайлову хлеб — два алтына, боран — шесть алтын. Василью Макарьеву хлеб — десять денег, боран — шесть алтын. Федору Васильеву — пять алтын. Григорью Михайлову хлеб — два алтына, боран — шесть алтын четыре деньги. Василью Герасимову — шесть алтын четыре деньги. Дмитрею Родионову — три алтыны две деньги. Федору Никифо- л. 35 об.

рову — пять алтын. Максиму Никифорову — три алтына две деньги. // Алексею Шемякину — три алтыны две деньги. Ивану Бурнову — три алтыны две деньги. Андрею Подольскому — три алтыны две деньги. Павлу Родионову — два алтына. Федору Качабурову — два алтына. Федору Тебякину — три алтына две деньги. Московскому подъячому Афонасью Васильеву хлеб — два алтына, боран — восемь алтын, людем ево — четыре деньги. Данилу Стефанову — три алтыны две деньги. Конюху Михайлу Фрязину хлеб — десять денег, боран — пять алтын. Другому конюху Ивану Александрову хлеб — десять денег, боран — пять алтын. Федору Воробьеву хлеб — десять денег, боран — пять алтын четыре деньги. // Полевщику Якову Петровичу хлеб — десять денег, боран — пять алтын, подъячому — два алтына.

Июля в 5 день московских платежей стрелецково хлеба справил подъячей Иван Михайлов отпись. Деньгами дано ему дватцать три алтына две деньги. Почести несено ему хлеб — два алтына, рыбы на восемь алтын на две деньги. Ямских денег платеж справил отпись подъячей Софон Васильев. Деньгами дано ему шеснатцать алтын четыре деньги. Почести несено ему на восемь алтын на две деньги. //

Июля в 8 день шел Сыскново приказу стрелец с наказом Филипп Петров с товарищем Кубенския волости в поместье Ивана Свищева для поголовных денег, платил на подводу шесть денег.

Июля в 12 день шел стрелец Сыскного приказу с наказом Влас Михеев с товарищем в Корнскую волость в поместье Ивана Володимерова сына Борисова для роспросных речей, платил им на подводу восемь денег.

Июля в 26 день шел подъячей Сыскново приказу, подъячей Павел Родионов, а с ним восемь человек стрельцов с наказами в разные поместья для высылки с выборами вновь на соцких ко
197-му году. // Даны им подводы шти человеком, платил за подводы с Кожевникова Кондратью Григорьеву с соседями шесть алтын, а двум стрельцом дано за подводы деньгами два алтына. Того ж числа шел от московсково подъячево от Офонасья Васильева сыскных дел подъячей Леонтей Прокофьев да Яким Васильев да пристав, а с ними три человека стрельцов в разные волости для сыскных дел с наказами. Даны им три подводы, платил за подводы Григорью Волку с соседом три алтына, а трем стрельцом за подводы платил деньгами два алтына. ¹⁹ Плачено служных и слу[же]бничьих ²⁰ с пятнатцети дворов поворотных денег по гривне з двора да в проводины и от писма, всего издержано рубль дватцеть алтын 4 деньги ¹⁹. //

Июля в 28 день шли Сыскново приказу два стрельца с наказом Микула Петров с товарищем в Грибцовскую волость для поголовных денег, дал им на подводу шесть денег.

¹⁹—¹⁹ Написано другим почерком и более светлыми чернилами.

²⁰ В рукописи: слубничьих.

Месяца августа в 6 день Сысского приказы с наказом ехали подьячие Василей Герасимов да Иван Бурцов, а с ними губной целовальник да стрелец. Даны им четыре подводы до Конанова, возил их из Заврага Стефанов сын Иван, платил за всякую подводу по осми денег да проводнику дал две деньги. Того ж числа шел Сыссково приказу стрелец // с наказом Григорей Давыдов с товарищем в Кумозерскую волость в поместье Петра Шереметева для сысских дел, дал им на подводу четыре деньги. Того ж числа шел Сыссково приказу стрелец с наказом Иван Голой с товарищем в Верхо-раменской стан в поместье вдовы Ксении Степановской жены Мужакова для поголовных денег. Дано им на подводу десять денег. л. 38 об.

Сентября в 9 день снес выбор на соцково за руками и скаску о дворех, несено почести к воеводе, // стольнику и воеводе Якову Ивановичю Дивову хлеб — два алтына четыре деньги да рыбы на тринатцать на две деньги. л. 39

Сентября в 15 день шел Сысского приказу стрелец с наказом Микита Стефанов с товарищем в Васьяновскую волость в поместье Матвея Батюшкова в деревню Микитинской для поголовных денег. Даны им две подводы, платил за подводы Григорью Волку два алтына. Платил назначею монаху Иоакиму за огородника, что наймовал наперед сего около монастырскихх поль огород городить, итого платил ему три рубли десять алтын. //

Сентября в 20 день ехал Сыссково приказу подьячей с наказом Алексей Шемякин в Сямскую волость для сысских дел. Дана ему подвода, платил за подводу Илье Кваснику шесть денег. л. 39 об.

Месяца октября в 6 день шел Сысского приказу стрелец с наказом Онтон Иванов с товарищем в Замошскую волость в поместье Леонтия Окинфова для поголовных денег. Даны им две подводы, платил за подводы Григорью Волку два алтына. Того ж числа шел Сыссково приказу стрелец с наказом Филип Алексеев // с товарищем в Коноповскую волость для подметново мертваго тела и записки. Платил им на подводу шесть денег. Наймовал Григорья с Красово на коровье дворе двор покрывать и завалины зделать, платил ему восемь алтын. л. 40

Октября в 18 день ходил к воеводе на двор для наказания памяти соцкому. Несено почести хлеб — два алтына, сахару голову — цена десять алтын, корыто рыбы — двенатцать алтын четыре день- ги. Купил про монастырской обиход мху на дватцать на три алтыны на две деньги. // Платил соцкому Григорью Волку на нынешней сто девяносто шестой год подможных ево годовых денег рубль дватцать три алтына две деньги. л. 40 об.

Ноября в 3 день шел стрелец Сысскова приказу с наказом Михайло Кирилов с товарищем в Петряевскую волость для поголовных денег, платил ему на подводу шесть денег.

Ноября в 9 день ходил на двор к стольнику и воеводе Якову Ивановичю Дивову о соцком для наказания памяти. Несено почести хлеб — два алтына четыре деньги, рыбы на одиннатцать алтын, деньгами семь рублей. // Платил в приказной избе поднаказных л. 41

пошлин шеснатцать алтын четыре деньги. Подьячим шеснатцать алтын четыре деньги, восковово четыре деньги, сторожу шесть денег. К дьяку ходил на двор с наказом, несено почести хлеб два алтына четыре деньги, рыбы на тринадцать алтын на четыре деньги, деньгами сорок алтын. Людем ево на весь двор три алтыны две деньги, денщику две деньги. Наймовал на конюшенном дворе // Василья Кулеберевского ворота и заплот новой делать и в стях повитницы²¹ мостить, платил ему за работу дватцать алтын.

л. 41 об.

На праздник Введения пресвятыя богородицы ходил в монастырь с почестию. Государю архимандриту Ионе хлеб — три алтына две деньги да иных почестей на дватцать на шесть алтын. Государю келарю монаху Илариону Лазареву снесено почести на дватцать алтын. Казначею монаху Иоакиму на десять алтын. // Архимандритовым келейником — три алтына две деньги. Келарским келейником — три алтына две деньги.

л. 42

Платил земскому дьячку за работу земского писма годовой ево подмоги четыре рубли, в том платежу у него Петра и отпись взята. Издержано в сем году вина про всяких приказных людей на три рубли с полтиною. Взял я староста годовые своей работы возможных денег десять рублей.

л. 42 об.

В городе на архиерейском дворе // Судного приказу подьячему Максиму Воробьеву дано от отписки, что писал к Москве отписку о отставном московском стрельце и списки с отписей послал. От всего дано ему десять алтын.

Издержано в году бумаги на пять алтын на две деньги.

Платил приказные избы сторожем годовые их подмоги восемь алтын две деньги.

По листам разными почерками:

К сим расходным книгам вотчинной староста Кондрашко Софонов руку приложил.

К сим книгам Данилко Телкин руку приложил.

К сим книгам старец Игнатей руку приложил.

К сим книгам расходным Фетка руку приложил.

К сим расходным книгам Митка Омельянов руку приложил.

К сим расходным книгам крылаской дьячек Ивашко Шмаков вместо ключевых старост, кои в сметной выписке имяны писаны, кроме сергиевского старосты Сергия Федосиева, по их велению руку приложил.

Служебник Гришка Иванов вместо вотчинново старосты Григорья Офонасьева сына по его велению руку приложил.

К сим книгам Никифор Романов сын Блинов руку приложил. #

²¹ Повитница — толстые плахи, из которых набирается повесть (Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — «Востоочнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР», Новая серия, 1956, т. XXXI, с. 170). Повесть — крыша над скотным двором (Даль В. И. Толковый словарь, т. III. М., 1956, с. 151—152).

199 год декабря в 10 день по указу Спасова-Прилуцкого монастыря архимандрита Ионы, келаря монаха Питирима з братьею старец Игнатей да манастырские выборные крестьяне Данило Иванов, Федор Полиектов, Никифор Романов, Иван Афанасьев, Андрей Прокофьев, Дмитрий Омельянов, Григорей Афонасьев да ключевые старосты и крестьяне Сергей Федосиев, Афонасий Анисимов, Великорецкой Никита Никифоров, Матвей Иванов, Леонтей Никитин, Богороцкой Козма Вавилов, Ивановской Семен Леонтьев, Лоптуновской Михайло Савинов, Погодаевской Мартыян Исаков, Бурдуковской Евдоким Ермолаев Прилуцкого ж монастыря вотчинного старосту // Кондратя Софонова приходные и розходные ево книги 196-го году ноября с ...²² числа да по сто девяносто седьмой год ноябрю ж по десятое число считали и книг ево слушали. И выслушав ево книги, никаких порочных статей не объявилось, а по счету у него старосты Кондратя объявилось. Розрубил он Кондратей со всея монастырския вотчины со ста пятнатцати вытей з дву четвертей по четыре рубли с выти, итого чetyреста шестьдесят два рубли. И тех розрубных денег объявилось же в приходе триста девяносто семь рублей девять алтын. Да он же староста Кондратей займовал в мирские держи в кабалы // сто шестьдесят семь рублей да пустовытнх собрал шеснатцать алтын чetyре деньги. И всего того в приходе пятьсот шестьдесят чetyре рубли дватцать пять алтын чetyре деньги. Да в розходе у него старосты Кондратя пятьсот шестьдесят три рубли тритцать два алтына пять денег с полупирогом. Да у него ж Кондратя объявилась в приходной ево книге у выпряговских в приеме выскребено и написано три рубли тритцать два алтына две деньги. Да в розходной книге ево Кондратиевой рукою написано. Плачено служных и служебных с пятнатцати дворов поворотных денег по гривне з двора, да в проводины и от письма всего издержано рубль дватцать алтын чetyре деньги. Да у него же // Кондратя в розрубе в книгах написано. Брать с Сергиевского ключа с старосты Ивана Сидорова с семнатцати вытей, а деньги он Кондратей начал у них принимать с пятнатцати вытей, итого у них денег принято с пятнатцати вытей пятьдесят один рубль ²³ 15 алтын 4 деньги ²³. А в недоборе с тех вытей восемь рублей осмнатцать алтын чetyре деньги. А к счету книг положил недоборную роспись в семнатцать вытей. Да он же староста Кондратей положил недоборную роспись, и по той росписи недобрано у него штидесят чetyрех рублей дватцати чetyрех алтын двух денег. Да он же староста Кондратей объявил у себя остальных наличных денег дватцать шесть // алтын с полушкой и с пирогом и с полу-пирогом, и положил он Кондратей стрелецкого хлеба и ямских и полонянничных денег и отставным стрельцам и выкупленные кабалы против своей книги положил все налицо. А сметную выписку писал земской дьячек Фетко Петров.

л. 43 об.

л. 44

л. 44 об.

л. 45

²² Число отсутствует.

²²—²³ Написано над строкой.

По листам разными почерками:

К сему сметному списку крылаской дьячек Ивашко Шмаков вместо ключевых старост, кои в сметном списке имяны писаны, по их велению руку приложил.

К сему сметному списку старец Игнатей руку приложил.

К сему сметному списку служебник Гришка Иванов вместо вотчинново старосты Григорья Афонасьева сына по его велению руку приложил.

К сему сметному списку Данилко Телкин руку приложил.

К сему сметному списку Митка Омельянов руку приложил.

К сему сметному списку Никиферко Романов руку приложил.

К сему сметному списку Сергунка Федосиев руку приложил.

К сей сметной выписке Фетка Подпектов руку приложил.

ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 125, лл. 1, 1—45.

Приложение 3

Мирской приговор о выборе старосты в архиепископской волости Лежский волок в 1682 г.

- л. 43 Лета 7191 года сентября в ...¹ день. В архиепископле домовый вотчине на Лежском волоку в селе Раменье на мирской сходке перед прикащиком перед Иваном Александровым мирские люди
- л. 44 соцкой Гордий Естепиев, целовальники Иван Карпов, Григорей Тимофеев, Иван Ларионов, Иван Яковлев, Иван Кузьмин² ... // ... выбрали и излюбили в старосты Лежского волоку бывшего старосту
- л. 45 Алексея Титова, человека добра. // И по прежнему нашему мирских людей выбору быть ему Алексею в архиепископле домовый вотчине на Лежском волоку мирским старостою нынешнего 191-го году впредь по 192 год. И збирать со всех домовых вотчинных Лежского волоку крестьян великих государей в казну всякие денежные подати, п архиепископлъ домовый оброк, и столовые запасы без недоборов. И быв в старостах, недоборов и никакой хитрости мирским людем и налог не чинить, во всем быть благословенну без всякого порока, и в архиепископлю домовую казну радеть неоплошно, чинить по прежнему мирских людеи и по сему нашему выбору. А буде ево нерадением учинитца какой недобор, или мирским людем какая налога или хитрость, или по мирским приходным и расходным книгам какой недочет, и на нас мирских людех, кои в сем выборе и в прошлом имени писаны преосвященного

¹ Число отсутствует.

² Далее имена 114 крестьян.

Симона, архиепископа вологодского и белозерского, пеня. А пеня, что он преосвященный архиепископ укажет, и начетные деньги сполна. А подмоги ему выборному нашему старосте по нашему мирских людей приговору взять на год против прежнего из миру с стола десять рублей. Выбор писал подьячий Вахрушка Казачков.

На обороте разными почерками:

К сему выбору Ильинской поп Иосиф вместо мирских людей, кои в сем выборе имены писаны, по их веленью руку приложил.

К сему мирскому выбору Причестенской поп Феодор вместо мирских людей, кои в сем выборе имены писаны, по их веленью руку приложил.

К сему мирскому выбору Пятницкой поп Исайя вместо мирских людей, кои в сем выборе имены писаны, по их веленью руку приложил.

ГИМ, ОПИ, ф. 226, д. 23, лл. 43—45.

Приложение 4

Мирской приговор крестьян архиепископской Засодимской волости о переделе земли в 1715 г.

1715-го мая в 9 день. Преосвященного Иосифа, архиепископа л. 4
вологодского и белозерского, вотчины Засодемской волости в селе Степановском при поселском старце Ионе на мирской сходке домовые ж Засодемской вотчины крестьяня деревни Тенкова Егор Васильев, Матфий Елфимов, Степан Никитин, деревни Фалелеева Ярофей Акифиев, деревни Заречья Иван Елфимов, деревни Кадникова Григорей Сергиев, Федор Ильин, Иван Максимов, Павел Михайлов, деревни Даниловского Семен Дмитриев, деревни Лисьи Горы Матфий Максимов, деревни Куницына Иван Осипов, деревни Юрьецева Василий Михайлов, деревни Мурги Большой Сава Иванов, Михайло Федоров, Петр Корнилов, Семен Михайлов, деревни Мурги Малой Григорей Тимофеев, Тит Сидоров, Андрей Тимофеев, деревни Куракина Иван Прохоров, деревни Кобылкина Тарас Васильев, деревни Севригина Иван Иванов, Степан Сигов, деревни Головкова Лука Антонов, Иван Федоров, деревни Ильинского Дмитрий Костянтинов, деревни Буйносова Степан Сидоров, деревни Ягодина Матфий Дементьев, Андрей Григорьев, деревни Гоголева Пахом Федоров, деревни Золотова Козма Никитин, Дмитрий Кондратьев, Федор Михайлов, деревни Пирогова Тимофей Иванов, деревни Юрьецева Алексей Степанов, деревни Тенкова Осип Васильев, деревни Заречья Семен Бабушкин, деревни Холмина Осип Миронов, деревни Ведерницы Артемей Максимов, Василей Семенов, деревни Чюприна Андрей Яковлев, деревни Ножевицы Дмитрий Емелья-

- л. 4 об. пов, Федор // Степанов, деревни Белафина Иван Федоров и все тое вотчины крестьяня приговорили. На которых крестьян в прошлом 1714-м и в нынешнем 1715-м годах положено вновь к старым их повыткам в прибавку тягла и с кого что по усмотрению тягла сложено, быть по тому приговору нынешняго 1715-го году и впредь без всякой отложности. И с того тягла платить всякие государевы подати и сельское зделье делать по тому ж. А что за тяглыми повытками в разных деревнях лежит пустых земель, те пустые земли нынешняго 1715-го году поверстать на жилые повытки. И на тех пустых землях по розверстке кому что на жилые повытки достанетца, буде где возможно, пашня роспахивать, и хлеб всякой сеять, и сена косить нынешняго 1715-го году и впредь по нынешней поверстке владеть непременно. А податей и сельского изделья—сверх тяглых повытков, кто чем по окладу владеет. Вновь на пустые земли, на пашню и на сенные покосы нынешняго 1715-го году и впредь никому ни на кого не накладывать и преосвященному архиепископу о новом накладе друг на друга не бить челом и убытков не наводить. А буде кто чрез сей мирской приговор и розверстку на пустые земли, на пашню или на сенные покосы кроме всего миру приговору станет накладывать всякое тягло и сельское зделье и бить челом о поверстке вновь и чинить мирским людем волокиты и убытки, таковым противникам по указу преосвященного // архиепископа на мирских сходках чинить наказание нещадно. А земляной поверстке быть и впредь по сему мирскому приговору неотложно. А которого села крестьяням в которых деревнях пустые земли, пашня и сенные покосы по розверстке достались, тому под сим приговором роспись. Приговор писал по велению вышеписанных крестьян домовых Засодемских сел подьячий Степан Иванов.

Роспись.

Села Степановского крестьяням по розверстке пустых земель досталось в той Степановской округе в разных деревнях пашня и сенные покосы все, что в ней есть, да села Григорьевского пустые деревни Коншино да Колесница, да деревни Брянцева отхожие сенные покосы на реке Пелшме и на озерских пожнях все, что есть, кроме пашни и полевых и луговых сенных покосов.

- л. 5 об. Села Цыбоева крестьяням по розверстке пустых земель досталось в той Цыбоевской округе в разных деревнях пашня и сенные покосы // все, что ныне есть, да села Григорьевского деревни Олябышева пашня и сенные покосы, а пустота олябышевским по повытком их давать из Цыбоевской округи.

Села Григорьевского крестьяням пустых земель досталось в той же Григорьевской округе в разных деревнях все, что ныне есть, кроме вышеписанных деревень, которые отданы сел Степановского и Цыбоева крестьяням.

К сему приговору и росписи Ильинской дьякоп Иван Кирилов вместо вышеписанных крестьян по их велению руку приложил.
Г А В О, ф. 496, д. 445, лл. 4—5 об.

**Мирской приговор крестьян
с. Глубокое Спасо-Прилуцкого монастыря
о переделе земли в 1717 г.**

1717-го октября в 15 день. Всемилостиваго Спасо-Прилуцкого л. 13
монастыря вотчины села Глубокова Спасаго приходу выборные
крестьяня Мина Осипов, Борис Ермолин, Иван Стефанов, Три-
фан Кирилов, Яков Ларивонов, Иван Артемьев, Иван Ярафиев по
указу государя отца архимандрита Арсения з братиею выборныя,
мирской выбор требовавши, свидетельствовали во всем Спаском
приходе и верстали деревню к деревне пахотную землю, и заполь-
ную пашню, и сенные покосы. Чинили сущую правду за выбором.
И что против чево надлежит, положили полевою и заполь-
ную пашню, и сенныя покосы, и пустоту розложили под то же тя-
гло по четверику на пуз. А в других деревнях на Зеленой, на Хва-
тунове и на Верхном вместо пустоты положены сенныя покосы и
против запольная пашни. Тому свидетельствуют книги и что против
чево надлежит в равенстве, и тому свидетельству зделали книги и
записали, которой деревне в чем быть, вытным окладом положили:
деревня Зеленая во шти осмухах, деревня Хватуново в пяти осму-
хах, деревня Филенская в полутретье четверике осмушных, дерев-
ня Верхное в пяти осмухах, деревня Козминская в четырех осму-
хах, деревня Пархачевская в четырех осмухах, деревня Избная в
двух осмухах, деревня Кремлево в четырех осмухах без осмерика,
деревня Тундриха в полчетверте // осмухе. Да под дер. Избной л. 13 об.
запоleshные земли сухмень за большой дорогой, которая над Изб-
ным болотом, да другая сухмень середняя, которая за гуменной
лядиною, и те сухмени положили вместо сенных покосов. И тому
зделали порядную и полюбовную запись за выбором мирским и всех
деревень крестьян, отныне друг на друга излишние тяготы не на-
валивать положились, став, зря на Спасителев образ, с которых
деревень збавлено излишние тяготы, не наваливать. И буде ис
которых деревень, порочя свой выбор и похиня властелинской указ,
будут спорить, и на том заряду взять пять рублей да сверх тово
властелинская пеня, что власти государи изволят. В том написали
промеж собою полюбовную запись. А запись писал по велению
выборных крестьян Спаской церковной дьячок Егуп Лазарев. К сей
полюбовной записе Спаской поп Иван вместо крестьян, кои в сей
записе имени их писаны, по их прошенью руку приложил.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЮ — «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства». СПб., 1838.
- АЮБ — «Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археологической комиссией под ред. Ник. Калачова», т. I—III. СПб., 1857—1884.
- ГАВО — Государственный архив Вологодской области.
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
- ГИМ, ОПИ — Государственный исторический музей, Отдел письменных источников.
- ЛОИИ СССР — Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР.
- ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи», изд. I.
- РИБ — «Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией».
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

СОДЕРЖАНИЕ

	Введение	3
Глава I.	КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР И ЕГО РАБОЧИЕ ВОЗМОЖНОСТИ	10
	1. Демографическая характеристика района	10
	2. Структурный, численный, поколенный состав крестьянской семьи	24
	3. Рабочие возможности крестьянского двора	40
Глава II.	ХОЗЯЙСТВО КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА	47
	1. Обеспеченность крестьянских хозяйств надельной землей	47
	2. Обеспеченность крестьянских хозяйств скотом и инвентарем	66
Глава III.	КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СИСТЕМЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ВОТЧИНЫ	84
	1. Рента, ее виды, степень распространения	84
	2. Феодальные повинности крестьянского двора, его рабочие возможности	87
	3. Государственные налоги и платежи	103
	4. Увеличение феодального и государственного налогового бремени и его последствия	124
Глава IV.	СИСТЕМА КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ	130
	1. Форма владения землей и регулирование надельного землепользования	130
	2. Пользование вненадельными землями	154
	3. Распоряжение крестьян землей	160
	4. Компетенция мирских властей	180
	Заключение	192
	Приложения	195
	Список сокращений	220

Елена Николаевна Бакланова
КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР
И ОБЩИНА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ
Конец XVII — начало XVIII в.

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
АН СССР

Редактор Издательства С. А. Левина
Художник А. Д. Смеляков
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректоры Г. И. Сурова, Л. И. Харитонова

Сдано в набор 22/IV 1976 г.
Подписано к печати 22/XII 1976 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 15,5.
Тираж 2500 экз. Т-22417. Тип. зак. 566.
Цена 98 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10